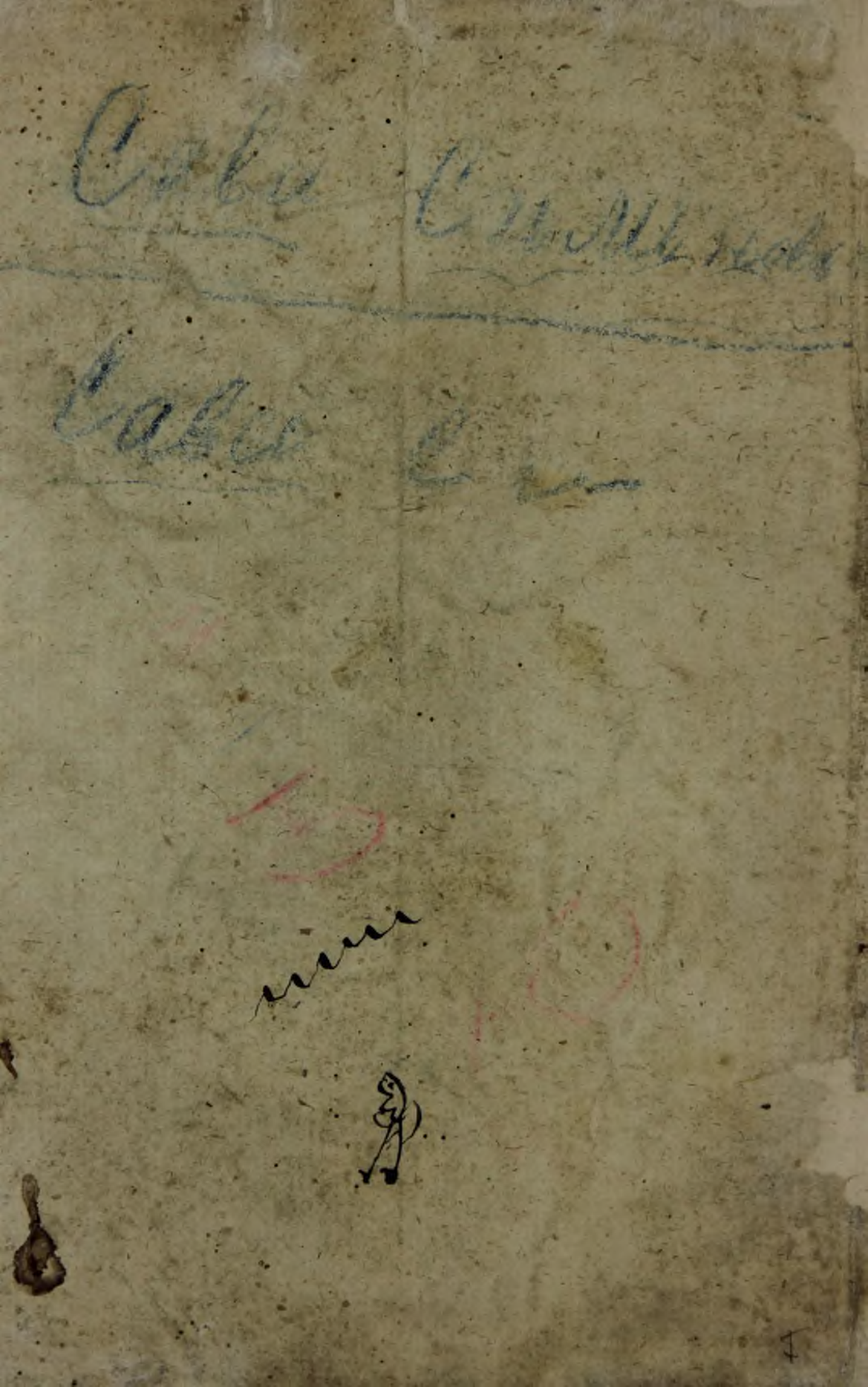


1965
1793
172

1923
1793
130 лет

1955
1793
162

1860
1793
67

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

Всякаго званія Читателей.

---

5 п

Печатано съ указнаго дозволенія
Въ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

-39186-
1

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Стран.

Продолженіе повѣствованія о произхожденіи художествъ - - - - - - 5
О тѣплотѣ - - - - - - 21
О Гномоникѣ - - - - - - 35

Статья Економическая.

Лѣкарство отъ апоплексіи или паралича - 49
Отъ водяной болѣзни - - - 56
Отъ подагры - - - - - - 61
Разныя лѣкарства отъ мозолей - - 62
О составленіи разныхъ лѣкарственныхъ сироповъ - - - - - - - 66
Примѣты, по которымъ узнавать хорошихъ коровъ - - - - - - 78
Чтобъ коровы давали больше молока - 79
О л[illegible]ивенныхъ свойствахъ коровьяго кала 80
О курахъ - - - - - - - 81
Способъ, чтобъ крысы и мыши не ѣли прикленныхъ клестеромъ вещей - - 87
Способъ истреблять крысъ и мышей - --
Способъ склеивать разбитое стекло - 88
Чтобъ бутылка стеклянная не лопнула на огнѣ 89
Способъ узнавать настоящіе брилїянты съ поддѣланными - - - - - --
Продолженіе о составленіи разныхъ лаковъ 90

Статья Нравоучительная.

О свойствѣ человѣка пріятнаго въ обществѣ и другаго тому противнаго - - 108

Свойство человѣка горячаго, недовольнаго и забіяки - - - - - 109
Разсужденіе о бракѣ - - - - 119
Избранныя мысли славнѣйшихъ писателей о разныхъ предметахъ - - - 128
Переводъ изъ Аглинскаго Зрителя - 137
О худыхъ поступкахъ нѣкоторыхъ господъ съ ихъ слугами - - - - 148

Статья Историческая.

Продолженіе достопамятныхъ дѣяній и сказаній знаменитыхъ людей новѣйшей исторіи - - - - - - 159
Историческое извѣстіе о вывозѣ изъ Африки Негровъ на Вестъ Индіискіе острова - 188
Продолженіе критическихъ примѣчаній на нѣкоторыя неимовѣрныя дѣянія и сказанія древней исторіи - - - - 207

Статья Увеселительная.

Гюльпа и Шалюмъ, Китайская сказка - 217
Собирающая класы Лавинія - - - 228
Разные анекдоты и острыя шутки - 239
Продолженіе любопытныхъ Физическихъ примѣчаній на нравы животныхъ - 244
Разныя увеселенія - - - - 253

Слѣдующіе къ сей части чертежи за невырѣзаніемъ досокъ не прилагаются, а будутъ приложены въ шестой части.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКѢ.

Хотя въ прошломъ 1792 году въ объявленіи о сей книгѣ, напечатанномъ при Московскихъ и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ и было сказано, что подписка на нее продолжится только до Генваря сего года; но какъ въ теченіи осми мѣсяцовъ малое только число особъ на оную подписалися, имѣя небезосновательную причину не довѣрять не извѣстному Издателю въ выполненіи его обѣщанія; то, дабы не подать поводу къ подозрѣнію, что желаютъ употребить во зло довѣренность Почтенной Публики, чрезъ сіе объявляется, что подписка на сію книгу продолжится во весь наступившій годъ по прежде-назначенной цѣнѣ, то есть: въ Тобольскѣ десять рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по почтѣ пятнадцать рублей.

Господа любители учености приглашаются обогащать сію книгу своими твореніями, или переводами, какого бы они роду не были, въ стихахъ и прозѣ, кои съ великою благодарностію будутъ помѣщены въ сіе изданіе.

П. С.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О *ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.*

О ВЕРЬХОВОЙ ѢЗДѢ.

Изобрѣтеніе искуства укрощать лошадей, приписывается Фессалійцамъ. Великое число дикихъ лошадей и дикихъ быковъ, привлекаемыхъ въ ихъ страну жирными пастьвами, понудило ихъ, для безопаснѣйшаго сраженія съ сими животными, употреблять ихъ одни противъ другихъ. Для сего отважилися они сѣсть на лошадей,

коихъ по томъ начали употреблять для сраженія съ быками, отъ чего и назвали ихъ Кентаврами.

Изобрѣтеніе удилъ и сѣдла приписывается Лапиѳамъ, искуснѣйшимъ изъ Фессалійцовъ въ управленіи лошадью.

Манежныя школы были уже въ древней Греціи и въ Персіи, гдѣ опредѣлены были учители, для обученія дѣтей верьховой ѣздѣ.

Немедлѣнно по возрожденіи наукъ, въ Италіи открылися манежныя школы, и все благородное юношество близлѣжащихъ странъ стекалося туда для обученія; но вскорѣ завелися такія училища и во Франціи. Плюринель поставилъ сіе искуство на столь вѣрныхъ и основательныхъ правилахъ, что вскорѣ начали пріѣзжать во Францію, дабы научиться ѣздить на лошадяхъ съ пріятностію. Солезель по томъ видя, что не чего болѣе прибавить къ предписанному Плюринелемъ въ разсужденіи ѣздока,

устремилъ свое вниманіе на обученіе лошадей. Въ семъ намѣреніи, началъ онъ прилѣжно вникать въ свойства сего животнаго, какъ-то, силу и прочее, и симъ способомъ достигнулъ онъ до того, что придалъ лошади такую силу, гибкость и пріятность, каковыхъ до того въ сихъ животныхъ было не видано.

Сѣдла и стремена начали употреблять только со времени заведенія манежей во Франціи: сими удобностями обязаны мы перьвымъ Французскимъ берейторамъ. Сперьва увидѣли они пользу отъ стременъ произходящую; сіе-то и подало имъ поводъ изобрѣсти сѣдла и большую часть вещей, составляющихъ конскую збрую.

Три главныя свойства хорошаго ѣздока должны быть слѣдующія: перьвое, чтобъ онъ былъ твердъ безъ принужденія; второе, силенъ безъ суровости; третіе, чтобъ сидѣлъ ловко и вольно, плеча назадъ, голову бы держалъ прямо и поясъ нѣсколько

впередъ, ноги не далеко и не близко отъ лошади, локти равно прижаты, повороты чтобъ были легки и проворны и соразмѣрялися съ свойствомъ лошади, поводъ держать крѣпко или слабо, смотря по лошади, но всегда на четыре пальца отъ камзольныхъ пуговицъ, и на четыре же пальца отъ луки сѣдельной.

О звѣриной и рыбной ловлѣ.

Перьвые люди употребляли на ловлю звѣрей копья, стрѣлы и пращи, поелику порохъ и огнестрѣльныя оружія суть новѣйшее изобрѣтеніе.

Жители острововъ Балеарскихъ, дабы пріучить дѣтей своихъ быть искусными изъ пращи стрѣлками, клали на деревья обѣдъ дѣтей своихъ, которые принуждены были терпѣть голодъ до того времени, пока они сбивали оной съ дерева.

Число разныхъ способовъ ловить звѣрей весьма велико, чтобъ о всѣхъ

оныхъ здѣсь упоминать; но мы скажемъ только о тѣхъ, кои не столь обыкновенны, какъ прочіе.

Когда жители Дофинейскихъ горъ примѣтятъ, на которой горѣ вывелъ орелъ своихъ дѣтей; то стараются прилѣжно примѣчать, въ которомъ часу сія птица обыкновенно лѣтаетъ за добычею: въ сіе время они всходятъ къ гнѣзду орлиному, и вынимаютъ изъ него дикихъ козлятъ и зайцовъ; орлятамъ даютъ они только одну внутренность, дабы они не умерли съ голоду, а прочее берутъ себѣ.

Сѣ[illegible]ные же народы ѣздятъ за [illegible]и на лыжахъ, и догоняютъ оныхъ по глубокому снѣгу, не проваливаясь.

Въ числѣ древнихъ народовъ, отличавшихся въ искуствѣ ловить звѣрей, были Галлы. Великіе ихъ лѣса и безмѣрное множество водящихся въ оныхъ звѣрей, побуждало ихъ къ сему упражненію, въ коемъ они пре-

восходили прочихъ народовъ. Въ каждомъ селѣніи находился у нихъ большой дубъ, посвященный богинѣ Ардемѣ, на коемъ каждый охотникъ по возвращеніи съ поля долженъ былъ повѣсить голову какого либо животнаго, какъ для показанія своего искуства, такъ и въ честь богинѣ.

Съ начала Французской Монархіи не бывало ни одного Государственнаго собранія безъ того, чтобъ оное не кончилось звѣриною охотою. Они становилися всѣ въ кружокъ въ пространномъ полѣ, и сближаясь въ семъ же порядкѣ, сгоняли въ средину всѣхъ звѣрей, тутъ находящихся, почти всѣхъ убивали. Въ нѣкоторыхъ Французскихъ городахъ осталося еще и по нынѣ сіе древнее обыкновеніе.

О ПЛАВЛЕНІИ МЕТАЛЛОВЪ.

Щитаютъ обыкновенно шесть металловъ; 1, свинецъ, 2, олово, 3, желѣзо, 4, мѣдь, 5, серебро 6, золото.

1. Свинецъ есть металлъ мягкій и удобный къ плавленію; онъ есть изъ всѣхъ менѣе звучный и менѣе упругій, пережигается весьма удобно, превращается въ стекло, и споспѣшествуетъ плавленію разныхъ родовъ земель и каменьевъ: онъ же имѣетъ свойство превращать въ стекло прочіе металлы, выключая золота и серебра; и соединяется со всѣми металлами.

Свинецъ находится во многихъ странахъ, а наипаче въ Англіи, во Франціи, въ Нѣмецкой землѣ и въ

есть одинъ изъ мяг-
металловъ послѣ свинца:
оно легко тускнетъ; но не ржавѣетъ;
неудобно къ растягиванію: чѣмъ болѣе сей металлъ чистъ, тѣмъ онъ легчѣ вѣсомъ. Олово есть лѣгчайшій изъ металловъ: Аглинское олово есть тяжелѣйшее.

Олово имѣетъ много одинакихъ почти свойствъ съ свинцомъ: оно на

умѣренномъ жару вскорѣ растопляется; но когда огонь будетъ посильнѣе, то оно пережигается, и наконецъ превращается съ примѣсью нѣкотораго вещества, въ молочнаго цвѣта стекло, представляющее разныя краски, какъ, опалъ, и такъ, какъ перезженныя кости, естьли бросишь ихъ въ растопленное стекло.

Олово весьма удобно соединяется съ полуметаллами и свинцомъ: выключая сего послѣдняго металла, оно препятствуетъ всѣмъ прочимъ подъ молотомъ растягиваться. Естьли положишь желѣза
ное олово; то они
естьли положишь олов
ленное желѣзо; то они въ одну минуту превратятся и то и другое въ маленькіе шарики, кои лопаются такъ, какъ гранаты.

Олово раздѣляется на три рода, а имянно: 1е. Олово Аглинское; оно довольно чисто, но не звонко и очень связно.

2е. Простое олово, находящееся у всѣхъ оловянишниковъ; оно есть смѣсь Аглинскаго олова, свинцу и иногда желтой мѣди.

3е. Звѣнящее олово, которое есть смѣсь Аглинскаго, висмуту, красной мѣди и цинку; оно есть изъ всѣхъ блестящѣе, звончѣе и удобнѣе къ дѣлу: къ нему прибавляютъ въ нуждѣ королька оловяннаго, дабы учинить его твердѣйшимъ.

Смѣшеніе олова познается по клѣйму, на ономъ находящемуся. О-лово смѣшанное съ третьею долею ...но имѣть два клѣйма. ...но содержитъ въ себѣ ...спую часть свинца; то ...имѣетъ три клѣйма: наконецъ, ежели оно имѣетъ на каждой центнеръ(*) по три фунта свинцу; то должно имѣть четыре клѣйма.

Употребленіе, изъ олова дѣлаемое, есть различное. Его разными способами смѣшиваютъ съ другими

(*) сто фунтовъ.

металлами для дѣланія изъ него посуды; оно входитъ въ составъ колокольный и въ металлическіе зеркала: его употребляютъ на луженіе мѣди и на дѣланіе органныхъ трубокъ. Изъ него посредствомъ легкаго пережиганія дѣлаютъ сѣраго цвѣта известь, которая служитъ бриліанщикамъ, и прочимъ гранильщикамъ, для полированія ихъ работы; оно примѣшивается также и въ финифти. Олово разбиваютъ на тонкіе листы, и натеревъ оные ртутью, прикладываютъ къ стекламъ, и тогда они имѣютъ свойство
предметы, и становятс
Сіи листы, натертые
служатъ для театральныхъ декорацій вмѣсто серебра, и также для дѣланія бѣлаго Авантюрина. Олово, распущенное въ Царской водкѣ, имѣетъ свойство придавать великую яркость алымъ цвѣтамъ, и для сей то причины красильщики употребляютъ его въ крашеніе алаго сукна,

3. Желѣзо есть металлъ твердый, весьма крѣпкій, звонкій, маловковкій и упружѣе всѣхъ металловъ. Стальныя пружины, ресоры каретныя, звукъ и растяженіе клавикордныхъ или гусельныхъ струнъ обнаруживаютъ сіи свойства. Сильные и частые удары молотка, также сильное треніе могутъ одни такъ оное разгорячить, что можно имъ зажечь горючія вещества.

Желѣзо ржавѣетъ на воздухѣ и въ водѣ; оно имѣетъ великую антипатію, или несогласіе съ ртутью, [illegible] имѣетъ великую антипатію. Естьли ими антимоніи препятствуетъ се- [illegible]; то желѣзо и сталь другъ друга къ себѣ притягиваютъ, и сіе-то есть вѣрное и довольное средство узнавать, гдѣ находится желѣзо.

Жесть есть ни что иное, какъ желѣзо, налуженное оловомъ, для предохраненія его отъ ржавчины.

Сталь есть перечищенное желѣзо.

4. Мѣдь есть металлъ наиболѣе употребляемый въ наукахъ и художествахъ, по тому что онъ имѣетъ весьма великую коркость, гибкость, тягущность крѣпость и упругость. Изъ нее дѣлаютъ множество вещей, также клавикордныя струны и бить для мишурныхъ позументовъ. Мѣдь кладутъ въ составъ типографическихъ литеръ. Она столь подвержена ржавчинѣ, что всѣ распускающія вещества, какъ то, вода, маслы, кислоты, имѣютъ надъ нею дѣйствіе, и покрываютъ ея зеленымъ цвѣтомъ. По сему-
ту и узнаютъ
которая чрезъ сіе с
на: ибо сія зелень, ярью
есть сильный ядъ, и для того-то
надлѣжитъ наблюдать, чтобъ мѣдныя
кострюли были всегда хорошо вылужены. Въ противномъ же случаѣ можетъ сіе быть смертоносно.

Мѣдь, чрезъ смѣшенія ея съ другими многими веществами, раждаетъ,

такъ сказать, новые металлы, кои пріобрѣтаютъ новыя свойства. Естьли сплавить ее съ цинкомъ; то изъ того произойдетъ томбакъ, симилоръ и принцъ металлъ; съ цинковымъ камнемъ составляетъ она желтую мѣдь или латунь. Естьли смѣшаешь мѣдь съ аврипигментомъ и съ оловомъ; то получишь составъ, удобный къ дѣланію металлическихъ зеркалъ; смѣшанная съ арсеникомъ (мышьякомъ) становится она бѣлою, хрупкою и ломкою: тогда называютъ ея бѣлою мѣдью. Мѣдь, смѣшенная съ оловомъ, производитъ весьма звонкій составъ, извѣстный подъ именемъ бронзы, или колокольной мѣди. Сей составъ употребляютъ на литіе колоколовъ, статуй, медалей, монетъ, бомбъ ипроч. Малое количество мѣди, примѣшенной къ золоту и къ серебру, придаетъ симъ металламъ такую крѣпость, которой они безъ сего имѣть не могутъ; она учиняетъ ихъ удобнѣйшими къ работѣ, и такъ сказать, усовершенствуетъ ихъ.

Мѣдь, претворенная въ известь, называется Венеринымъ шафраномъ, мѣдною чешуею и жженою мѣдью; тогда она становится удобною къ крашенію стеколъ зеленымъ цвѣтомъ, также финифти, и къ расписыванію фаянсовой и фарфоровой посуды.

5. Серебро. Самые богатѣйшіе серебреные рудники находятся въ Америкѣ, особливо же въ холодныхъ странахъ сей части свѣта, такъ, какъ напримѣръ въ Потози, одной изъ провинцій Перуанскихъ.

Серебро, распущенное селитреною кислотою, претворяется въ хрустали, кои будучи сплавлены и по томъ влиты въ формы, производятъ такъ называемый *лаписъ инферналіс*, (адскій камень) употребляемый для согнанія дикаго мяса, и проч.

Серебро протягиваютъ сквозь диры проволочной доски, и вытягиваютъ его въ тонкую нитку не болѣе волоса толщины: тогда называется оно тянутымъ серебромъ. Сіе тяну-

тое серебро, сплюснутое между двумя скалками, называется битью: посредствомъ нѣкоего орудія навиваютъ его на шолкъ, и употребляютъ также бить на многія украшенія и вышиванія.

Серебро, разбитое на весьма тонкіе листы, употребляется серебрильщиками и золотарями. Обрески, остающіяся отъ серебряныхъ листовъ, употребляются живописцами; его называютъ тогда раковиннымъ серебромъ.

6. Золото превосходитъ всѣ металлы, какъ тягостію, такъ и ковкостію, вязкостію и цѣною. Золото не повреждается ни отъ воздуха, ни отъ воды, ни отъ огня. Одну унцію или восемь золотниковъ сего металла можно вытянуть на миліонъ восемдесятъ тысячь футовъ въ длину. Однако же одного только духу олова довольно для отнятія у сего металла всей его ковкости.

Въ древніе времена мѣняли зо-

лото и серебро на товары вѣсомъ; но послѣ начали дѣлать изъ нихъ кружечки за клѣймомъ Государя.

Перьвый и древнѣйшій способъ золоченія есть тотъ, чтобъ разбивъ золото, накладывать его съ яичнымъ бѣлкомъ листами, второй же и новѣйшій состоитъ въ томъ, чтобъ смоловъ золото, накладывать его кистью, какъ краску.

Колокола начали употреблять въ Италіи около седьмаго столѣтія. Сіе орудіе начало служить къ созыванію народа на молитву. Рѣдкость олова, коего руды весьма поздно были открыты, была безъ сомнѣнія причиною, что не прежде начали лить колокола.

Продолженіе о свободныхъ наукахъ будетъ въ слѣдующей части.

О ТѢПЛОТѢ.

Картезіанцы не согласны съ древними философами касательно главнаго свойства огня: сіи назвали огнемъ нѣкое особливое вещество, весьма тонкое, легкое и дѣйствительное, коего жаръ былъ коренное свойство, и которое чрезъ сіе свойство, было во всѣхъ смѣшенныхъ тѣлахъ виною рожденія, существованія и разрушенія. Они почитали тѣплоту свойствомъ, наиболѣе отличающимъ сіе перьвое начало отъ прочихъ стихій; однако же признавали они, что стужа есть такъ же, какъ и тѣплота, дѣйствительное свойство, принадлежащее тому же началу: но стужа стремится къ установленію частей какого либо тѣла, и къ держанію ихъ въ неподвижности; такимъ образомъ стужа совершенная, или такая, которая бы пребывала въ неизмѣняющемся состояніи, не могла бы сама собою придать никакого новаго образованія и никакой перемѣны смѣшаннымъ тѣламъ.

По истинѣ совершенная стужа намъ не извѣстна; то есть, стужа, исключая всякую тѣплоту: стужа не есть также свойство, въ непремѣнномъ положеніи пребывающее; она безпрестанно измѣняется; умѣряетъ всегда болѣе или менѣе тѣплоту, и управляетъ, такъ сказать, дѣйствіями оной; кажется даже, что главнѣйшія перемѣны, въ тѣлахъ случающіяся, зависятъ наипаче отъ содѣйствія взаимнаго сихъ двухъ свойствъ. И такъ, стужа споспѣшествуетъ съ тѣплотою дѣйствіямъ природы; но оныя всегда посредствомъ тѣплоты производятся въ дѣйство: ибо ни чѣмъ инымъ, какъ движеніемъ тѣплоты, огонь или ефиръ приводитъ части тѣла въ движеніе, безпрестанно ихъ въ ономъ поддерживаетъ, и препятствуетъ стужѣ стѣснять ихъ весьма плотно другъ къ другу, и чрезъ то отнимать ихъ дѣятельность. Слѣдовательно, должно почитать тѣплоту главнымъ свойствомъ

огня, то есть, такимъ свойствомъ, посредствомъ коего огонь дѣйствуетъ на тѣла, и производитъ въ нихъ всѣ случающіяся съ ними перемѣны.

Должно различать чувствіе тѣплоты, отъ самой тѣплоты. Слово тѣплота имѣетъ два значенія: его употребляютъ для изъявленія чувствія тѣплоты, причиняемаго намъ огнемъ и тѣплыми тѣлами, до коихъ мы прикасаемся, и для показанія вида или свойства, чрезъ кои огонь или тѣплыя тѣла приключаютъ намъ сіе чувствіе.

Чрезъ чувствіе тѣплоты разумѣется то, что ощущаемъ мы, когда стоимъ на солнцѣ, или близъ горящаго зданія, или близъ какого другаго огня, или когда дотрагиваемся до разгоряченныхъ огнемъ вещей. Къ чувствію тѣплоты относится равномѣрно всякое другое ощущеніе, подобное тому, которое произходитъ отъ причинъ, выше сего приведенныхъ; ибо мы можемъ чувствовать

жарЪ безЪ упомянутыхЪ причинЪ; вотЪ тому весьма ощутительный примѣрЪ. Сухой АнтоновЪ огонь начинается потушеніемЪ природной нашей тѣплоты; часть тѣла, онымЪ одержимая, становится холодна: однако же больной обыкновенно ощущаетЪ вЪ сей части чрезвычайный жарЪ. ЛаписЪ инферналисЪ, или адскій камень, и большая часть прочихЪ сЪѣдающихЪ не производятЪ вЪ той части тѣла, кЪ которой ихЪ прикладываютЪ, такой тѣплоты, которая бы, судя по осязанію, соотвѣтствовала жару, причиняемому сими лѣкарствами тому, надЪ кѣмЪ производятЪ дѣйствіе оныхЪ. И такЪ есть слѣдовательно другія причины, кои могутЪ возбудить чувствіе жара, и даже чувствіе опаленія.

Должно примѣтить, что жарЪ не равно разжижаетЪ различныя тѣла: ибо жарЪ, удобный ощутительно разжидить воздухЪ, спиртЪ винный, ртуть, свинецЪ и проч. не произво-

дитъ въ мѣлу, ни въ пѣскѣ ни какого чувствительнаго разжиженія. И такъ, не должно судить о степени жара, въ какомъ либо тѣлѣ находящагося, по сравненіи разжиженія онаго, въ немъ причиняемаго, съ разжиженіемъ, производимымъ въ другомъ тѣлѣ. Не возможно даже опредѣлить на вѣрное состояніе плотности тѣла, по мѣрѣ разжиженія въ оном, имъ производимаго; извѣстно только, что жаръ въ тѣлѣ прибавляется съ разжиженіемъ; но мы не знаемъ точнаго и подлиннаго отношенія, которое находится между умноженія того и другаго.

Всѣ тѣла нагрѣваются и разжижаются равнымъ огнемъ, сначала медленнѣе, по томъ скорѣе, по томъ съ великою скоростію: они всѣ тѣмъ медленнѣе разжижаются, чѣмъ ближе подходятъ къ предѣлу своего растяженія.

Всѣ тѣла однородныя одинакаго пространства имѣютъ одинакій жаръ;

но каждое изъ нихъ, окрашенное различнымъ цвѣтомъ, разгорячается соразмѣрно семи главнымъ цвѣтамъ: черный скорѣе всѣхъ нагрѣвается, потомъ фіолетовый, пурпуровый, зеленый, желтый, красный, и наконецъ бѣлый; и поелику тѣла удерживаютъ въ себѣ жаръ, смотря по времени, къ нагрѣванію оныхъ потребному, то изъ того слѣдуетъ, что бѣлый цвѣтъ медлѣннѣе всѣхъ простываетъ, а черный всѣхъ скорѣе.

Изъ всей сей подробности очевидно происходитъ: 1, что разжиженіе горячихъ тѣлъ есть только дѣйствіе жара, а не самый жаръ; ибо, ежели бы жаръ и разжиженіе были одно, то жаръ былъ бы равенъ во всѣхъ тѣлахъ, равно разжиженныхъ, что совершенно противно опытамъ. 2. Что не возможно полагать жару въ состояніи составительныхъ частицъ горячихъ тѣлъ: ибо часто вся перемѣна, по видимому приключающаяся въ сихъ тѣлахъ, состо-

итъ въ одномъ только ихъ разширенiи, которое даже иногда въ нѣкоторыхъ почти непримѣтно, хотя они и весьма будутъ разогрѣты; но въ другихъ сiе разширѣнiе весьма велико, хотя жаръ въ нихъ и весьма слабъ. 3. Что жаръ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ можетъ быть весьма силенъ, не причиняя въ нихъ ни малаго почти разстройства и врѣда; по тому, что весьма сильный жаръ не причиняетъ въ нѣкоторыхъ тѣлахъ ни разжиженiя, ни иной какой ощутительной перемѣны. 4. Что все дѣйствiе сильнаго жара можетъ произвести въ нѣкоторыхъ тѣлахъ одно только усилiе къ разширенiю сихъ тѣлъ, но въ самомъ дѣлѣ оныхъ не разширяетъ. 5. Что однако же разжиженiе, приключающееся и возрастающее въ тѣлахъ съ жаромъ, зависитъ необходимо отъ жара; ибо оно за нимъ слѣдуетъ, и исчезаетъ, когда жаръ переставетъ. 6. Что тѣпломѣры и прочiя орудiя, изобрѣ-

тенныя для измѣренія жара, служатъ токмо къ неопредѣленному показанію намъ прибавленія и убавленія сего свойства, но точно не показываютъ, на сколько оное прибавилося, или убавилося. 7. Что ни что не можетъ насъ оправдать въ томъ мнѣніи, что чувствіе жара произходитъ отъ дѣйствія составительныхъ частицъ горячихъ тѣлъ надъ нашими органами; по тому, что есть довольно горячія тѣла, для произведенія въ насъ весьма болѣзненнаго чувствія жара; но совсемъ тѣмъ, не льзя усмотрѣть въ сихъ тѣлахъ ни какой перемѣны, которая бы показывала какое либо разстройство въ ихъ частяхъ, или довольное движеніе, для причиненія въ насъ сего ощущенія, и что, на противъ того, есть другія тѣла, которыя жаромъ расплавляются прежде, нежели могутъ причинить намъ чувствительной жаръ.

Физики, влекомые столь очевидными причинами, признавали во всякое

время необходимость тонкаго вещества, ефира или огня, то есть, вещественнаго дѣйствователя, весьма сильнаго, которой бы могъ проницать между частицъ, составляющихъ тѣла, и разширять ихъ: они полагали жаръ въ силѣ, употребляемой симъ дѣйствователемъ, для разжиженія тѣлъ. Слѣдовательно жаръ, по разумѣнію древнихъ и новыхъ ученыхъ людей, *есть дѣйствующее свойство, разширяющее тѣла, или стремящееся къ распространенію оныхъ.*

Жизнь, какъ человѣческая, такъ и животныхъ, коихъ естественная тѣплота гораздо ощутительнѣе и сильнѣе тѣплоты пресмыкающихся, кажется не столько зависитъ отъ тѣплоты солнечныхъ лучей: и дѣйствительно, тѣла ихъ не столь удобно объемлются стужею; однако же то достовѣрно, что они не могутъ сносить чрезвычайной стужи, и что безъ внѣшняго жара дѣятельность органовъ ихъ не могла бы существо-

вать: ихъ природная тѣплота погасла бы совершенно, и жизненные соки олѣденѣли бы. Не возможно сомнѣваться, чтобъ тѣплота всеобщаго фокуса не снабжала симъ перьвоначальнымъ жаромъ, которой есть во всѣхъ живущихъ источникъ жизни и естественной тѣплоты, и которой, по замѣчанію древнихъ, и при смерти не погасаетъ, какъ-то бываетъ съ тѣплотою естественною: напротивъ того сей перьвоначальный жаръ становится перьвою причиною другой тѣплоты, возбуждающейся въ сихъ тѣлахъ по смерти, для разрушенія оныхъ. Сія перьвая причина, которая есть въ сихъ мертвыхъ тѣлахъ начало разрушенія, есть также въ то самое время начало перерожденія въ другія тѣла, кои возраждаются изъ стихій разрушающихся тѣлъ.

Для сего-то древніе различали въ животныхъ сей жаръ, предшествующій жизни, поддерживающій оную и непогасающій и по смерти, съ тѣп-

лотою, или жаромъ естественнымъ, раждающимся съ жизнію, и потухающимъ съ нею вмѣстѣ.

О ТѢПЛОТѢ ЕСТЕСТВЕННОЙ.

Фокусъ животныхъ состоитъ въ особливомъ механисмѣ: причины тѣплоты его различествуютъ отъ причинъ прочихъ фокусовъ; онѣ нарочно для животныхъ сотворены. Природа, будучи весьма проста и единообразна въ путяхъ своихъ, изобилуетъ въ средствахъ, употребляемыхъ ею для произведенія одинакихъ дѣйствій: и такъ мы не должны разсуждать по аналогіи, или отношенію, когда желаемъ открыть способы, чрезъ кои она дѣйствуетъ, и особливыя причины, употребляемыя ею въ различныхъ ея дѣйствіяхъ. Причины дѣйствительныя нашего естественнаго жара суть сотрясенія сосудовъ нашего тѣла, а страдательныя причины суть наши соки.

Кромѣ сего естественнаго жара мы полагаемъ еще другой въ животныхъ, коимъ снабжаетъ ихъ всеобщій фокусъ, которой предшествуя рожденію, не погасаетъ и по смерти: сей-то жаръ даетъ прежде жизнь большей части животныхъ: насѣкомыя, пресмыкающіяся, однимъ словомъ, всѣ животныя, коихъ сѣмена преданы одному сему жару, родятся отъ одного только сего содѣйствія; онъ ихъ оживотворяетъ, развертываетъ ихъ части точно такъ, какъ произращаетъ онъ травы въ нѣдрахъ земли. Но для птицъ сей жаръ безсиленъ, такъ, какъ и для четвероногихъ и для человѣка; они имѣютъ нужду въ сильнѣйшемъ жару, для приведенія въ движеніе перьвыхъ начертаній ихъ органовъ: надлежитъ, чтобъ ихъ матери сообщали имъ сей жаръ до тѣхъ поръ, пока органическая дѣятельность ихъ сосудовъ пріобрѣтетъ нужную степень силы, для возбужденія въ ихъ самихъ жару,

удобнаго поддерживать ихъ жизнь и дѣйствія оной.

Наблюдатели не соглашаются въ пространствѣ естественнаго человѣческаго жара; они судили о томъ по тѣплотѣ кожи: одни опредѣлили оную на тридцать семь градусовъ выше умѣреннаго, другіе на тридцать девять, иные на сорокъ, иные на сорокъ три, и наконецъ нѣкоторые на сорокъ пять градусовъ. Жаръ большой части четвероногихъ и птицъ сильнѣе нашего; въ собакахъ, въ кошкахъ, въ овцахъ, въ быкахъ, въ свиньяхъ и проч. онъ простирается на 47, 48 и 49 градусовъ; въ курахъ, въ уткахъ, въ гусяхъ, въ куропаткахъ, въ голубяхъ и проч. до 51, 52, 53, 54, 55 и болѣе. Сей жаръ кожи животныхъ не столь великъ, какъ жаръ крови ихъ: и такъ не льзя на вѣрное опредѣлить естественный жаръ животныхъ по тѣплотѣ ихъ кожи. Наблюденія, о крови дѣлаемыя, не могутъ быть вѣрны; по тому, что

они чинилися надъ умирающими животными, или надъ кровію, мало по малу изъ жилъ выходящею, и слѣдовательно простывающею.

Естественная сія тѣплота, которая бываетъ болѣе и менѣе въ разныхъ людяхъ, смотря по тому, сколь сильно или слабо бываетъ біеніе жилъ кровяныхъ, заставила древнихъ раздѣлить людей по разнымъ сложеніямъ, или темпераментамъ, смотря по различному біенію пульса, и также разныя части тѣла, смотря по тому, болѣе или менѣе другихъ снабжены онѣ кровяными сосудами: такимъ образомъ бѣлыя части, какъ то, мозгъ, кости, хрящи, сухія жилы, перепонки, суть холоднаго сложенія въ сравненіи съ красными частями, кои дѣйствительно имѣютъ болѣе тѣплоты; по тому, что въ нихъ находится гораздо болѣе кровяныхъ жилъ.

О ГНОМОНИКѢ.

Искуство дѣлать солнечные часы называлося прежде *Орлогіографія*, а нынѣ *Гномоника*. Польза и удобность такихъ часовъ въ особливости ощутительна въ садахъ и вездѣ въ деревнѣ.

Искуство дѣлать сіи часы требуетъ болѣе, нежели одной Механики, или простаго навыка. Симъ способомъ ни когда не будешь имѣть хорошихъ часовъ. Особливо же вертикальные часы столь много затрудненій представляютъ, что ни какъ не льзя преодолѣть оныхъ безъ Математики. О сей матеріи я постараюсь предложить здѣсь съ такою ясностію, чтобъ хотя къ самому малому вниманію способный человѣкъ могъ понять и дѣлать солнечные часы со всякою точностію.

I.

Сдѣлай четверть круга (чертежъ перьвый), раздѣленную на девяносто

равныхъ частей или градусовъ: центръ чтобъ былъ въ А, а бока чтобъ были АВ и АБ. Проведи прямыя линѣи отъ центра къ окружности, при каждомъ пятнадцатомъ градусѣ, и одну точечную линѣю отъ центра же къ высотѣ полюса того мѣста, для коего часы дѣлаются: сіи градусы щитаются, начиная отъ В, и продолжая къ Б. По томъ проведи прямую линѣю ГД, чтобъ она была параллельна сторонѣ АВ. Сія линѣя называется поперечною. Всѣ точки, въ коихъ она будетъ пресѣкать линѣи каждыхъ пятнадцати градусовъ, будутъ означать различныя часы дня. И такъ, для сего она должна быть довольно близко отъ параллельной своей линѣи АВ, дабы пересѣкать пятнадцатый градусъ внутри помянутой четверти круга, въ точкѣ пресѣкновенія, означающей пять и семь часовъ въ перьвомъ чертежѣ.

Сія четверть круга служитъ къ начертанію всѣхъ солнечныхъ

часовъ, пренося оную на поверьхности, для солнечныхъ часовъ назначенныя

II.

Для начертанія горизонтальныхъ солнечныхъ часовъ.

1. Проведи двѣ отвѣсныя линѣи АБВГ, (чертежь второй) кои бы пресѣкалися подъ прямыми углами. АБ будетъ полуденная линѣя, или двенадцати-часовая; а ВГ линѣя поперечная.

2. Поставь одну ножку цыркуля въ Г (чертежь перьвый), и раствори его, пока другою ножкою можно стать въ точку, гдѣ поперечная линѣя пересѣчена линѣею семдесятъ пятаго градуса. По томъ перенеси циркуль, такимъ образомъ растворенный, на второй чертежь, для назначенія на ономъ сего разстоянія, на правой и на лѣвой сторонахъ точки I на линѣе ВГ. Для прочихъ разстояній учини то же, отступая къ В и Г.

3. Смѣряй на чертежѣ перьвомъ разстояніе точки А до точки, гдѣ поперечная линѣя пересѣкается линѣею высоты полюса, и перенеси сіе разстояніе на часы свои, изъ точки I на полуденную линѣю Б къ концу А. Точка, изъ сего отверстія циркуля произшедшая, будетъ центръ часовъ: О.

4. Проведи чрезъ сію точку О линѣю (6, 6) параллельно неопредѣленной линѣи: она покажетъ 6 часовъ поутру и 6 часовъ послѣ обѣда.

5. Изъ сего самаго центра О проведи прямыя часовыя линѣи, назначенныя на поперечной линѣи. Онѣ будутъ показывать утреннія и вечернія часы.

6. Дабы имѣть часы до шести часовъ утра и послѣ шести часовъ по полудни, надлежитъ продолжить, проводя чрезъ О, линѣи 7 и 8 часовъ утра, кои тогда покажутъ другимъ концемъ 7 и 8 часовъ вечера; линѣи

же 4 и 5 часовъ вечера, будучи продолжены за О, равномѣрно станутъ показывать 4 и 5 часовъ утра.

7. Чтобъ имѣть получасы; то проведи на первомъ чертежѣ почечныя линѣи отъ центра А къ окружности по срединѣ пространства, отдѣляющаго одинъ часъ отъ другаго. И такъ полчаса будетъ при каждыхъ семи съ половиною градусахъ.

Четверти часа будутъ также въ срединѣ пространства, раздѣляющаго получасы, то есть, при всякихъ трехъ градусахъ съ тремя четвертями, или сорока пятью минутами.

Вездѣ, гдѣ сіи линѣи, проведенныя отъ центра къ окружности, будутъ пересѣкать поперечную линѣю; то будутъ означать или получасы или четверти.

8. Для гномона, или часоуказателя, сдѣлай на четверти круга (чертежъ перьвый) треугольникъ, коего бы одинъ изъ угловъ отвѣчалъ

возвышенію полюса того мѣста, гдѣ дѣлаются часы сіи. Для сего сдѣлай, чтобъ основаніе треугольника равно было линѣе АВ, чтобъ ось или гипотенузъ онаго возвышался до высоты оси полюса, и составлялъ бы съ нимъ одну и ту же линѣю: сія высота берется со стороны, или линѣи АВ (смотри ниже сего No 5 и 6). Длина гномона въ АВ, можетъ быть по произволенію: ибо мѣра тутъ не нужна, но только чтобъ сія длина соразмѣрна была длинѣ часовъ: но чрезмѣрное отдаленіе Солнца отъ земли дозволяетъ, чтобъ длина гномона могла быть по произволенію, не мѣшая ни мало вѣрности часовъ. Сдѣлавъ такимъ образомъ гномонъ, поставь его перпендикулярно на чертежѣ второмъ, такимъ образомъ, чтобъ уголъ А стоялъ на точкѣ О, а базисъ покрывалъ бы линѣю ОБ.

III.

Способъ приготовлять поверъхность каменной стены, для начертанія

на оной вертикальныхъ солнечныхъ часовъ.

Вели каменьщику сбить или срубить старую обмаску, и приложить слой новаго алебастра къ четыремъ угламъ четвероугольника E, III, E, IX, (чертежь третій) такъ, чтобъ было двѣ вертикальныхъ линѣи (EE). Когда алебастръ нѣсколько повысохнетъ; то каменьщикъ долженъ его снимать съ крайностей одной изъ сихъ линѣй до тѣхъ поръ, пока остальной алебастръ будетъ выдаваться изъ стены столько, сколько надобно, для поверьхности часовъ, и чтобъ одна изъ сихъ конечностей равно съ другою выдавалася, что должно учинить по ватерпасу или отвѣсу: сіи двѣ малыя поверьхности, будучи приведены такимъ образомъ въ равенство, то каменьщику надлежитъ приложить къ оставшемуся алебастру линѣйку, и велѣть кому нибудь держать оную, между тѣмъ, какъ ка-

22

меньщикъ наполнитъ алебастромъ за линѣйкою всю длину вертикальной линѣи. Когда алебастръ высохнетъ; то должно отнять линѣйку. По томъ должно учинить то же съ другою вертикальною линѣею. Такимъ образомъ получишь двѣ алебастровыя полосы, весьма параллельныя между собою: по томъ надлѣжитъ наполнить пространство, между ими находящееся, такъ, что когда положишь линѣйку на обѣ полосы, чтобъ она легла равно на все, что между ими находится. Для удостовѣренія же, исправно ли каменьщикъ сіе сдѣлалъ, должно прикладывать къ сей поверьхности линѣйку всячески, то есть, горизонтально, вертикально, діогоналомъ и проч. Естьли она всячески будетъ плотно и равно ложиться; то можно быть увѣрену, что поверьхность равна совершенно. Надлѣжитъ также по ватерпасу удостовѣриться, отвѣсна ли стена: ежели нитка ватерпаса равно отдѣ-

лена отъ стены, какъ въ верьху, такъ и въ низу, лишь бы она до стены не касалася; то стена отвѣсна.

IV.

Провести полуденную линѣю, или меридіянъ.

Для сего должно имѣть часы съ секундами, поставленные по среднему движенію Солнца. Поставя гномонъ на часы, которые вы хотите дѣлать, назначте на поверьхности, гдѣ долженъ быть меридіянъ, центръ овала Солнечнаго свѣта, когда на часахъ равно полдень, наблюдая при томъ число екваціи, то есть, на сколько часы должны уходить, или отставать, по таблицѣ, помѣщенной въ четвертой части сего изданія. Назначивъ такимъ образомъ сію полуденную точку, продень въ скважину гномона нитку, и прикрѣпи другой ея конецъ къ какому нибудь мѣсту, такъ, чтобъ привѣсивъ двѣ свинцовыя гирьки къ сей ниткѣ, оныя закрывали бы обѣ вмѣстѣ центръ о-

вала (или назначенную точку полуденную). Сдѣлай тогда другую точку, которая бы также была закрыта обѣими нитками, и столь далеко, сколько можно отъ перьвой. Линѣя, проведенная чрезъ сіи точки, будетъ меридіянъ.

Не нужно, чтобъ поверьхность, на которой проводишь меридіянъ, была совершенно горизонтальна, или вертикальна. Но должно наблюдать сколько можно, чтобъ сію методу употреблять только зимою для горизонтальныхъ часовъ, а лѣтомъ для вертикальныхъ.

V.

Горизонтальные часы, дѣлаемые механически.

Начертивъ меридіянъ, и поставя гномонъ такъ, чтобъ онъ въ полдень показывалъ только сію линѣю, проведи подъ гномономъ другую линѣю ВГ, перпендикулярно по полуденной линѣи АБ, (чертежь третій). Сія перпендикулярная линѣя будетъ

шести часовая. Начерти по томъ діогональ ЕЕ: съ восточной стороны діогональ будетъ означать девять часовъ утра, а противолежащая ему три часа по полудни. Прочія же раздѣленія дѣлаются, смотря по высотѣ полюса; и для сего должно справляться съ пріобщенною здѣсь таблицею. Для сего надлежитъ раздѣлить на девяносто частей отверстіе угла ВЂ, по томъ поступать по сей таблицѣ, пренося на дѣлаемые часы, посредствомъ транспортира, число, показываемое ею на каждый часъ. Гномонъ долженъ также возвышаться отъ основанія своего до конца, на столько градусовъ круга, сколько мѣсто, для коего часы дѣлаются, имѣетъ градусовъ широты. Я уже сказалъ, (No 2) что можно механически узнать сію высоту гномона, приложивъ его плашмя на поверьхность, раздѣленную на девяносто частей такъ, чтобъ основаніе его прикасалося непосредственно до всей полуденной линѣи.

24

VI.

Таблица часовыхъ дугъ, или угловъ, дѣлаемыхъ полуденною линѣею и часовыми линѣями горизонтальныхъ солнечныхъ часовъ.

Столбецъ, означенный буквами ВП, содержитъ въ себѣ градусы высотѣ полярной, встрѣчающіяся въ раздѣленіи четверти круга, то есть, 90 градусовъ. Буквы же ГМ означаютъ градусы возвышенія, которое долженъ имѣть гномонъ, въ разсужденіи возвышенія полюса, коего число назначено на той же линѣи: напримѣръ, на перьвомъ градусѣ полярной высоты, гномонъ (которой въ полдень долженъ покрывать полуденную линѣю) показываетъ, или одиннадцать часовъ утра, или часъ по полудни, когда тѣнь его перейдетъ къ 16 минутамъ по ту или по сю сторону полуденной линѣи. Сіи минуты легко можно найти, раздѣливъ градусы на сто восемдесятъ частей,

кои будутъ минуты, изъ коихъ 60 составляютъ каждый часъ или градусъ. Для шестаго же градуса высоты полюса, часъ и одиннадцать часовъ будутъ означаться надъ однимъ градусомъ и 36 минутами; то есть, подъ $\frac{96}{180}$ частію пространства ДБ, и такъ далѣе.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ОТЪ АПОПЛЕКСІИ, или ПАРАЛИЧА.

Апоплексія, параличь, или пострѣлъ, есть неоспоримо люшѣйшая и опаснѣйшая изъ всѣхъ болѣзней, по тому, что она въ одно мгновеніе лишаетъ насъ чувствія, движенія, а иногда и жизни.

Хотя вообще и весьма трудно предписать причину сей болѣзни; но полагаютъ однако же, что она чаще приключается отъ крови, отъ мокроты, отъ меланхоліи, отъ желчи. Поелику примѣчено, что въ де-

26

ревнѣ болѣзнь сія весьма рѣдка, но свойственна большимъ городамъ; то утвердительно почти можно сказать, что она есть слѣдствіе нѣги, неумѣренности и слабости нервовъ.

Многія вещи могутъ причинить аполлексію, какъ то: излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ, чрезмѣрная радость, удивленіе отъ нечаяннаго худаго извѣстія, страхъ, или испуга, необузданный гнѣвъ и проч.

Въ сильномъ параличѣ нѣтъ совсемъ пульса, дыханія, чувства и движенія. За нимъ обыкновенно вскорѣ слѣдуетъ смерть.

Въ посредственномъ, дыханіе стеснено и весьма трудно. Человѣкъ храпитъ страшно, и кажется задыхается; отъ чрезмѣрнаго же сжатія въ груди, идетъ изо рта пѣна, и то, что влито бываетъ въ ротъ, выходитъ носомъ.

Въ слабомъ параличѣ, дыханіе тихо, пульсъ слабъ, глотаніе не трудно.

Приближеніе паралича предвозвѣщаютъ слѣдующіе знаки: скоропостижная и сильная головная боль, надутіе горловыхъ жилъ, сверкающіе и какъ будто облакомъ застилаемые глаза, руки и ноги похолодѣютъ, скрежетаніе зубами, біеніе во всѣхъ частяхъ тѣла; урина зеленоватая или черная, коея осадка похожа на намоченную муку, и выходитъ по немногу.

Признаки паралича, отъ многокровія произходящаго, суть: крѣпкій и сильный пульсъ, кровяные сосуды весьма полные и напряженные, красное лицо и глаза, кои мало по малу синѣютъ и становятся черными. Сверьхъ того, жилы подъязычныя, горловыя и на лбу напрягаются. Сей параличь приключается иногда отъ того, что сдѣлавъ привычку пускать въ одно время кровь, пропустишь оное, или отъ неумѣренной ѣды мясъ, кои надмѣру много умножаютъ кровь.

Признаки мокротнаго паралича суть: великая въ лицѣ блѣдность, гноящіеся глаза, частыя круженія, носъ всегда наполненный мокротою; человѣкъ тотъ часто сморкается, безпрестанно плюетъ, и почти всегда спитъ. Сему причиною бываетъ лѣность и обыкновенное употребленіе влажныхъ мясъ. Многіе изъ впадающихъ въ сію болѣзнь имѣютъ большую и тяжелую голову и короткую шею.

Признаки паралича, отъ меланхоліи произходящаго, суть: черноватый въ лицѣ цвѣтъ, худощавость и сухость кожи.

Старые люди, подверженные круженіямъ, обыкновенно умираютъ параличемъ.

Красная урина въ параличѣ есть худой знакъ.

Дѣти, кои до семи лѣтъ получаютъ мокротный параличь, рѣдко отъ того умираютъ: ихъ естественный жаръ снѣдаетъ мокроту.

Отъ семи до сорока лѣтъ весьма не многіе люди впадаютъ въ параличь; но многіе подвержены оному отъ сорока до шестидесяти лѣтъ.

Предохранительныя средства отъ паралича.

Для предохраненія себя отъ многокровнаго паралича, должно раза три или четыре въ годъ пускать себѣ кровь, а иногда и болѣе, есть-ли увидишь, что крови съ лишкомъ много. Тѣ особы, у коихъ закрылися *геморойды* или мѣсячныя теченія, должны пускать кровь изъ ноги до тѣхъ поръ, пока почувствуютъ облегченіе. Они должны принять слабительное изъ манны, или сабурныхъ пилюль, въ вечеру до ужина, или ложася спать, а пріемъ должны приноравливать къ своей натурѣ. При всемъ томъ надлежитъ употреблять легкую токмо, и мало кровь умножающую пищу, а наипаче воздержаться отъ чистаго вина, но можно пить его токмо съ водою. Ибо тѣ,

кои впадаютъ въ сей параличь, весьма рѣдко отъ онаго освобождаются, и почти всегда умираютъ: того ради сколь можно надобно стараться не подвергать себя оному.

Тѣ, коимъ угрожаетъ мокротный параличь, должны мало ѣсть, и то только такіе мяса, кои бы весьма были малопитательны, и лучше жареныя, нежели вареныя; пить вино умѣренно и то съ водою; много дѣлать движенія; мало спать; однимъ словомъ, наблюдать все то, что предписываютъ отъ головной боли, отъ мокроты произходящей.

Меланхолики должны наблюдать діету, противную вышеписанной: имъ надлежитъ раза три или четыре въ годъ пускать кровь и столько же разъ давать слабительное изъ Александрійскаго листу, ревеню и проч.

Для предохраненія отъ всякаго рода паралича должно употреблять лѣкарства, кои имѣютъ свойство открывать пути въ жилахъ и кишкахъ.

Еще хорошее предохраненіе отъ сей болѣзни состоитъ въ томъ, чтобъ каждой вечеръ, ложася спать, повязывать на шею тонкой и рѣдкой холстинной льняной мѣшечикъ, наполненный поваренною мѣлкою солью; когда сія соль отъ какой нибудь причины отволгнетъ; то должно ея передъ огнемъ высушить, ибо она мокрая тѣряетъ свою силу.

Тотъ, кто не тѣряетъ напрасно силъ своихъ и ведетъ жизнь трезвую и умѣренную, рѣдко бываетъ подверженъ параличу. Отъ мокротнаго паралича предохраняютъ себя употребленіемъ розмарина, шалфея, руты, лавровыхъ ягодъ, бобровой струи, гвоздики и проч. На примѣръ: можно розмаринъ жевать, или курить его, посыпать имъ пищу, а особливо жареное, принимать въ похлебкѣ по три или по четыре капли розмариннаго масла дистилированнаго, и отъ времени до времени принимать съ перечное зерно сего масла смѣ-

шаннаго съ леденцомъ, или съ сахаромъ, въ порошкѣ.

Ежели вгонишь во внутренность коросту, лишаи, или другую какую нечисть, отъ которой натура ищетъ себя освободить; то чрезъ то подвергаешся параличу, или также, когда закроешь застарѣлую рану, тогда надлежитъ прибѣгать къ апертурѣ и проч.

Поелику лѣченіе паралича требуетъ искуснаго и опытнаго Лѣкаря; то я не предпишу здѣсь ни какихъ лѣкарствъ отъ онаго, довольствуясь тѣмъ, что показалъ предохранительныя отъ сей жестокой болѣзни средства

ОТЪ ВОДЯНОЙ БОЛѢЗНИ.

Водяною болѣзнію называется немощь, причиняемая накопившеюся въ какой либо части тѣла водою, какъ то въ груди, въ животѣ, въ мозгу и въ ногахъ.

Тѣ, кои неумѣренно ѣдятъ надмѣру пряныя и соленыя мяса, или пьютъ много вина, водки и другихъ напитковъ, кои сушатъ печенку, подвержены бываютъ водяной болѣзни въ животѣ.

Сія же болѣзнь приключается иногда послѣ горячки, послѣ частой рвоты, сильнаго кровотѣченія, по причинѣ поврѣжденія, или разорванія какой либо внутренней жилы.

Большая часть людей, кои излѣчилися отъ почечуя, или старыхъ ранъ, получаютъ водяную болѣзнь. Естьли почувствуешь въ поясницѣ и около пупка подобную коликѣ боль, и естьли ни какое лѣкарство не сдѣлаетъ облегченія; то впадешь въ водяную болѣзнь. Естьли селезенка повреждена такъ, что угрожаетъ водяною болѣзнію; то скорѣе оную получишь осенью, нежели въ иное какое время года: но сія болѣзнь не такъ опасна въ селезенкѣ, какъ въ печенкѣ.

30

Люди сухаго и горячаго сложенія болѣе подвержены водяной, нежели другимъ болѣзнямъ.

Ежели на ногахъ, одержимыхъ водяною болѣзнію, покажутся раны; то таковые почти всѣ вскорѣ умираютъ.

Нищій скорѣе излѣчится отъ водяной болѣзни, нежели богатой, по тому, что діета есть лучшее лѣкарство отъ сей болѣзни.

Поносъ не всегда бываетъ вѣрнымъ знакомъ, что больной внѣ опасности; иногда правда, что онъ на время получаетъ отъ него облегченіе: но часто отъ сего самаго скорѣе умираютъ, естьли онъ столько слабъ, что не можетъ снести сего сильнаго испражненія. Естьли же въ водяной болѣзни сдѣлаются раны на ногахъ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и по томъ приключится больному кашель; то сіе есть знакъ, что онъ приближается къ смерти.

Простыя лѣкарства отъ сей болѣзни.

1.

Возми большой сочной лимонъ, натыкай его гвоздикою, и разрѣзавъ по поламъ положи мокнуть на двенадцать часовъ въ полгаленка бѣлаго виноградnаго вина. Сей настой раздѣля на три или на четыре пріема, давай пить по одному каждое утро больному. Сіе лѣкарство весьма сильно открываетъ пути въ каналахъ нашего тѣла.

2.

Смѣшай три или четыре унціи кервельнаго соку съ такимъ же количествомъ бѣлаго вина. Сіе лѣкарство имѣетъ такое же свойство, какъ и перьвое.

3.

Ежели животъ сдѣлается лѣнивъ; то должно прибѣгать къ обыкновеннымъ клистерамъ.

4.

Ежели на ногахъ сдѣлаются пузыри; то должно имъ дать выте-

кать, и промывать ихъ ложкою доброй водки, смѣшанной съ тремя ложками теплой воды. Не должно ихъ сушить и затворять: ибо, ежели вода изъ нихъ долго будетъ тѣчь; то больной не малое получитъ отъ того облегченіе.

5.

Ежели водяная болѣзнь приключится послѣ разлитія желчи; то обыкновенно необходимо надобно сдѣлать понкцію, то есть, выпустить воду, и предписать больному строгую діету, давая ему въ жажду пить бѣлаго вина, настояннаго съ толченными мозжевеловыми ягодами.

Въ прочемъ, больному надлежитъ употреблять въ пищу легкія похлебки, и не много жаренаго мяса: за столомъ можетъ онъ пить вино съ цикорною водою по немногу, и дѣлать умѣренное движеніе, какъ тѣлесное, такъ и душевное.

ОТЪ ПОДАГРЫ.

лѣкарство исцѣляющее отъ подагры навсегда.

Возми гермодактовъ, бѣлаго турбиту, скаммонеи, корицы, мѣлкаго сахару и солодковаго корня каждаго по драхмѣ, или по равнымъ частямъ. Все сіе истолокши въ порошокъ, хорошенько смѣшавъ, и просѣявъ сквозь сито, положи драхму (болѣе, или менѣе, смотря по крѣпости больнаго) въ стаканъ бѣлаго вина, и дай стоять ночь; послѣ того, размѣшавъ сей настой хорошенько, дай его принять больному, и чрезъ два часа дай ему похлѣбать бульону. Должно, чтобъ онъ не выходилъ изъ комнаты. Сіе лѣкарство должно принимать при ущербѣ Луны, и никогда въ большіе жары.

Масло, утоляющее въ одну минуту подагрическую боль.

Положи по равной части лаванды и шалфея въ муравленой горшокъ;

32

по томъ наливъ сверьху Прованскаго масла, чтобъ оно на три или на четыре пальца превышало траву, замажь хорошенько сей горшокъ, и дай ему кипѣть до тѣхъ поръ, пока третья доля укипитъ. Въ сіе масло обмакнувъ тряпку, прикладывай впрогорячь къ больному мѣсту. Въ послѣдствіи должно отъ времени до времени употреблять сіе лѣкарство, хотя боли и не чувствуешь.

РАЗНЫЯ ЛѢКАРСТВА ОТЪ МОЗОЛЕЙ.

I.

Возми свѣжаго воску и рѣзины по равнымъ частямъ, толченой яри мѣдянки по пропорціи: растопи воскъ и рѣзину на сковородкѣ, или на чемъ иномъ. Когда они растаютъ; то прибавь къ тому яри столько, сколько надобно, чтобъ сей составъ получилъ зеленый цвѣтъ, и храни для

надобности. Когда захочешь его употреблять; то должно срѣзать мозоль до живаго мѣста, и приложить къ ней сего пластыря: сіе должно продолжать нѣсколько времени, прикладывая свѣжаго.

2.

Возми грязи, пристающей къ дну ночныхъ горшковъ, и срѣзавъ хорошенько мозоли, приложи къ нимъ оной, и обвяжи тряпкою: сіе повтори нѣсколько разъ.

Примѣчаніе. Когда для употребленія вышеписанныхъ лѣкарствъ пожелаешь срѣзать мозоли; то напередъ должно ихъ размочить въ теплой водѣ съ пшеничными отрубями.

3.

Возми маленькой кусочикъ жести, округли его и обогни около пальца на подобіе пластыря; сдѣлай на ней скважину по величинѣ мозоли, и надѣнь на оную такимъ образомъ. Учинивъ сіе, капни каплю сѣры или горячаго масла въ дирочку,

гдѣ мозоль, и оставь погаснуть на ней; по томъ приложи къ ней вощаной мази (цератумъ): мозоль сойдетъ и никогда уже болѣе не будетъ.

4.

Возми Прованскаго масла, воску, хорошаго сала, рѣзины, Веницейскаго терпентину, сѣрнаго цвѣта, каждаго по равной части: сѣру положи не прежде, какъ когда другіе вещи на огнѣ перемѣшаются. Сіе лѣкарство исцѣляетъ также отъ луповъ или шишекъ, на лбу бываемыхъ.

5.

Вымой хорошенько ноги теплою водою; по томъ истолки двѣ или три чесноковки съ порохомъ, и сдѣлай изъ того пластырь, которой и приложи къ мозолямъ, ложася спать. Ночью будешь чувствовать великую боль, но назавтрѣ мозоль совершенно съ корнемъ сойдетъ.

6.

Когда мозоли не глубоки; то ихъ легко сводить. Естьли же ко-

рень ихъ глубокъ; то должно весьма осторожно съ ними поступать: ибо опасно, чтобъ не приключился Антоновъ огонь. Имѣя такія мозоли не должно употреблять сильныхъ ѣдкихъ лѣкарствъ, и довольствоваться только утолѣніемъ боли, ими причиняемой. Надлежитъ носить широкую обувь, и при томъ изъ тяглистой и мягкой кожи, или матеріи; мыть ноги теплою водою, въ которой бы покипѣло прежде нѣсколько пшеничныхъ отрубей, или нѣсколько просвирочныхъ кореньевъ: въ сей водѣ держать ноги два или три часа, и по томъ легонько срѣзывать мозоль по немногу, только сверьху. Сіе повторяя въ мѣсяцъ разъ, почувствуешь великое облегченіе.

34

О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ СИРОПОВЪ.

Примѣчанія о сиропахъ.

I.

Кислые сиропы требуютъ легкаго варенія. Но прочіе должно варить долѣе, дабы они послѣ не скоро испортилися: но надлежитъ смотрѣть, чтобъ не переварить ихъ; по тому, что отъ сего простынувъ они оледенѣютъ.

2.

Сиропъ вареный съ сахарнымъ пѣскомъ менѣе подверженъ оледенѣнію, нежели вареный съ сахаромъ.

3.

Дабы воспрепятствовать сиропу оледенѣть; то должно на каждый фунтъ сахару класть по полуунціи хорошаго бѣлаго меду, и мѣшать его ложкою тогда, какъ онъ простынетъ.

4.

Не должно ни когда затыкать бутылокъ, въ которыхъ налитъ си

ромъ, прежде, пока онъ совсемъ простынетъ.

Сиролъ полынной, которой можно тотчасъ сдѣлать.

Возми по равнымъ частямъ полынью настоеннаго бѣлаго вина и мѣлкаго сахару, подбавь къ тому не много коричневой воды, и болтай сію смѣсь, пока сахаръ совершенно распустится: тогда сиропъ будетъ готовъ.

Его употребляютъ внутрь, давая принимать отъ полъунціи до унціи, для укрѣпленія желудка, для споспѣшествованія варенію, для гнанія мочи и мѣсячныхъ женскихъ кровей: онъ выгоняетъ вѣтры, истребляетъ глистовъ и останавляетъ поносъ.

Сиролъ для умирающихъ, и для весьма ослабѣвшихъ людей.

Возми розовой воды и Унгарской водки по равнымъ частямъ, также ле-

денцу, и смѣшавъ вмѣстѣ, растопи на тихомъ огнѣ: изъ сего сдѣлается сиропъ, которой, ежели смѣшаешь его съ коричневою водою и дашь больному, произведетъ весьма чудесное дѣйствіе.

Сиропъ барбарисовой.

Раздави въ иготи спѣлыхъ ягодъ барбарисныхъ, и наливъ холодною водою, оставь на три, или на четыре часа, по томъ выдавя изъ нихъ сокъ, налей его въ бутылку и поставь на три дни на солнцѣ. По томъ процѣдя вылѣй на блюдо, или другую какую муравленую посуду, съ равнымъ вѣсомъ бѣлаго сахару, и вари тихимъ огнемъ до густоты сиропа.

Сей сиропъ укрѣпляетъ сердце, холодитъ и противится гнилости соковъ. Его употребляютъ въ юлепахъ для остановленія поноса. Пріемъ его отъ полъунціи и до унціи.

Сиропъ изъ кислицы, (окситрифилонъ)

Онъ дѣлается также, какъ и барбарисной, выключая только того, что для очищенія сего сока даютъ ему не много вскипѣть, и много разъ процѣживаютъ.

Сей сиропъ полезенъ въ гнилыхъ горячкахъ. Онъ чиститъ кровь, укрѣпляетъ сердце, холодитъ и утоляетъ у больныхъ жажду. Его принимаютъ по стольку же, какъ и барбариснаго.

Сиропъ изъ Алтеи, или большаго проскурняку.

Давъ настояться хорошенько кореньямъ проскурняку въ горячей водѣ, слѣй сію воду, и положивъ въ нея столько же вѣсомъ бѣлаго сахару, вари на тихомъ огнѣ до густоты сиропной.

Сей сиропъ весьма хорошъ отъ насморка, простуды и грудныхъ бо-

лѣзней: онъ прохладителенъ, мягчителенъ, и имѣетъ свойство умѣрять остроту и жаръ крови. Пріемъ его отъ полъунціи до унціи. Его кладутъ въ декокты, въ юлепы, и въ другія грудныя лѣкарства и отъ простуды.

Сиролъ мятной.

Нарви молодой мяты, истолки ея, и смочи не много коричневою водою, или водкою; по томъ выжми изъ нея сокъ, и очисти оной, поставя въ какомъ нибудь сосудѣ въ другой налитой кипяткомъ, и вари его до густоты сиропа, къ коему прибавь мятнаго спирта, извлеченнаго посредствомъ броженія,

Сей сиропъ излѣчаетъ отъ заваловъ, или обструкцій, отъ недостатка желудочнаго огня, умножаетъ естественную тѣплоту тѣла, очищаетъ кровь, укрѣпляетъ печенку, и излѣчаетъ всѣ ея немощи. Продол-

женіе употребленія сего сиропа отдаляетъ старость, возобновляетъ, такъ сказать, все тѣло и помогаетъ пищеваренію. Его должно принимать отъ одной до двухъ драхмъ въ похлебкѣ натощакъ. Послѣ сего должно девять часовъ быть не ѣвши: но можно пить отъ времени до времени не много бульону, или декокту.

Сиропъ уксусной

Положи на муравленое блюдо двѣ части сахару и часть уксусу. Поставь блюдо на огонь, и сними его, какъ скоро сахаръ растаетъ.

Сей сиропъ полезенъ отъ харканія кровью и прочихъ кровотѣченій, противится яду, и въ горячкахъ подаетъ больнымъ великое облегченіе, прохлаждая ихъ, и утоляя жажду.

Превосходной сиропъ отъ кашля.

Возми унцію желтаго янтарю, истолченнаго въ крупной порошокъ,

положи его на муравленное блюдо, и поставь на тихой огонь: когда онъ почувствуетъ жаръ; то раздави его ножемъ, и оставь такъ, пока онъ размякнетъ и сдѣлается каштановаго, или темнокраснаго цвѣта; тогда приложи къ нему унцію опіума, въ малые ломтики изрѣзаннаго, и помѣшивай все сіе ножикомъ, пока хорошенько смѣшается, и сдѣлается на подобіе ягодника. По томъ положи въ оное полдрахмы сѣраго янтарю, или амбры въ порошкѣ, и смѣшай все хорошенько. Покрой блюдо и сними съ огня: когда же матерія простынетъ; то переложи ее въ стеклянную двойную и хорошо-заткнутую бутылку. Когда захочешь употреблять; то возми драхму сего порошка, вскипѣти его въ фунтѣ ключевой воды полчетверти часа, пока вода приметъ темнокрасный цвѣтъ. По томъ процѣди ее, прибавь къ ней столько же вѣсомъ сахару, и сдѣлай изъ того сиропъ: естьли примешь

ложку сего сиропа на ночь; то кашель утолится и совсемъ пройдетъ, когда повторишь сей пріемъ раза три, или четыре, но не вдругъ, а каждой вечеръ по одной ложкѣ.

Сиропъ изъ сухихъ розовъ.

Положи девять, или десять унцій сухихъ розовъ въ глиняной муравленой горшокъ, и наливъ на нихъ бутылку кипятка воды, дай стоять восемь, или девять часовъ. По томъ вскипѣтя слегка сей настой, сливъ и выжавъ остальное, распусти въ немъ два фунта мѣлкаго сахару. Очисти яичнымъ бѣлкомъ, и дай выпаряться влажности, пока сгустится сей составъ, какъ надлежитъ быть сиропу.

Онъ укрѣпляетъ желудокъ: но главнѣйшее его употребленіе есть отъ жабы, отъ сильнаго поноса и отъ харканія кровью. Его принимаютъ отъ унціи и до двухъ.

38

Сиропъ табачной

Истолки въ мраморной иготи табачныхъ свѣжихъ листовъ, и наливъ холодною водою, оставь на три, или на четыре часа, чтобъ настоялося. Выжми сокъ, и очисти его посредствомъ кипѣченія и процѣживанія. Положи равно вѣсомъ сахару въ сей очищенный сокъ, и вари на тихомъ огнѣ, пока изъ того сдѣлается сиропъ, снимая во время варенія пѣну, сколько разъ того надобность потребуетъ.

Сей сиропъ разбиваетъ завалы въ селезенкѣ, и очищаетъ мозгъ и желудокъ. Его принимаютъ отъ четырехъ драхмъ и до унціи. Употребляютъ его наружно для очищенія старыхъ ранъ, и тогда онъ ни какой боли не приключаетъ. Принятый внутренно возбуждаетъ онъ иногда рвоту.

Сиропъ крѣпительный.

Возми двѣ унціи хорошаго ревеню, въ куски изрѣзаннаго, и полторы унціи митровыхъ ягодъ, крупно истолченныхъ. Положи все сіе въ глиняной муравленой горшокъ, прибавя къ тому полторы унціи красныхъ розовъ, и наливъ три галенка желѣзной воды (*) покрой горшокъ хорошенько, и поставь въ горячую золу на сутки. По томъ не много ее вскипяти, и сливъ, а гущу выжавъ, распусти въ семъ варѣ два фунта бѣлаго сахару. Наконецъ свари изъ сей смѣси сиропъ по обыкновенію.

Онъ укрѣпляетъ внутренность и останавляетъ кровотеченіе и носъ. Его принимаютъ отъ одной до двухъ унцій.

(*) Желѣзною водою называется такая вода, въ которой было погашено раскаленное желѣзо.

Сиропъ изъ кошачей мяты.

Истолки въ мраморной иготи восемь, или десять горстей кошачей мяты, смачивая ея по немногу восмью или девятью унціями горячей воды. По томъ покрывъ иготь, оставь на десять или на двенадцать часовъ, чтобъ хорошенько настоялося. Послѣ выжавъ сокъ, очисти его вскипѣтя слегка, и процѣдивъ нѣсколько разъ сквозь сукно; прибавь къ тому столько же вѣсомъ бѣлаго сахару, и тихимъ огнемъ вари сію смѣсь, пока изъ нея сдѣлается сиропъ.

Вмѣсто простой воды, лучше употреблять на смоченіе мяты воду, изъ сей же травы перегнатую, или крѣпкимъ сей же травы наваромъ, во время толченія.

Можно также составлять сей сиропъ изъ чистаго соку сей травы, взявъ онаго двѣ части, и одну часть сахару, сиропъ отъ сего бываетъ лучше.

Сей сиропъ производитъ потъ, гонитъ мочу, споспѣшествуетъ теченію мѣсячныхъ кровей, разбиваетъ завалы во внутренности и въ маткѣ. Онъ весьма полезенъ отъ одышки, причиняемой острою и густою мокротою.

40

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РАЗНЫЕ СЕКРЕТЫ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЕСЯ.

ПРИМѢТЫ,
по которымъ узнавать хорошихъ коровъ.

Добрая корова должна быть средняго роста, собою длинна, широкобока, четырехъ или пяти лѣтъ, шерстью красная, естьли большой породы; а ежели иначе, то черная, или пестрая черное съ бѣлымъ; животъ широкой, лобъ большой, глаза черные, большіе и свѣтлые, рога довольно прямые, не толстые и не тонкіе, но лосклые, черные и болѣе коротькіе, нежели длинные, уши мохнатыя, ноздри широкія, губы повислыя и черныя, зубы посредственно широкіе, голова въ верьху широка, а къ низу узка, кожа тонкая и желтая, вы-

ступка легкая, шерсть гладкая и густая, ноги короткія, лядвеи толстыя, плеча широкія, хвостъ длинный висящій до пятъ, копыты короткія и равныя, весьма толстыя на животѣ жилы, ребра и животъ круглые, большое и толстое вымя, соски толстые и длинные, оканчевающіеся остріемъ.

Чтобъ коровы давали больше молока.

Зимою, когда увидишь, что корова даетъ мало молока; то надлежитъ кормить ее сѣномъ, пополамъ съ соломою смѣшаннымъ. Естьли же сіе не поможетъ; то кормить одною соломою; но только овсяною: ибо ячменная солома имѣетъ свойство высушать молоко, и чрезъ нѣсколько дней корова ни капли молока давать не станетъ.

Не должно молочнымъ коровамъ пускать кровь, кромѣ необходимой

крайности, и никогда не выпускать болѣе 16 унцій крови.

Коровьи соски иногда трѣскаются отъ холода, или иной какой причины. Для предъупрежденія сего надлежитъ обтирать ихъ всякой разъ подоивши пѣною, на молокѣ бывающею. Ежели же боль очень велика; то можно натирать свинымъ саломъ.

О лѣкарственныхъ свойствахъ коровьяго кала.

Сей калъ, разогрѣтый съ золою, завернутый въ капустный листъ, и вмѣсто пластыря приложенный, утоляетъ боль сіатики, или лому въ бедрахъ. Смѣшанный съ уксусомъ, приводитъ въ гноеиспусканіе зобы. Приложенный теплый къ опухолямъ, водяною болѣзнію одержимыхъ, онъ ихъ совершенно излѣчаетъ.

О КУРАХЪ.

Курятники должно строить въ такихъ мѣстахъ, кои бы не были подвержены ни чрезмѣрной стужѣ, ни чрезмѣрному жару: ибо отъ великой стужи куры перестаютъ нестись, и подвержены бываютъ разнымъ болѣзнямъ. Излишній же жаръ причиняетъ имъ типунъ, воспалѣнія, заторы, и часто самую смерть.

О выборѣ куръ.

Когда станешь покупать куръ наплемя; то выбирай тѣхъ, кои средняго роста, съ толстою и высокою головою, съ весьма краснымъ и на одну сторону повислымъ гребнемъ, глаза чтобъ были у нее свѣтлы, шея толста, грудь широка, станъ толстой, ноги желтоваты, перья черныя, каштановаго цвѣта, красныя, или пестрыя черное съ бѣлымъ. Сѣрыя куры въ числѣ хуждшихъ почи-

42

таются, а бѣлыя еще и того хуже: по тому, что онѣ обыкновенно не носки, для пищи не сочны, и болѣе прочихъ подвержены похищенію хищныхъ птицъ, по причинѣ цвѣта перьевъ ихъ, которой виднѣе другихъ.

У молодыхъ куръ ноги коротки. Самый вѣрный знакъ, что курица молода, состоитъ въ томъ, что у такой, равно, какъ и у молодаго пѣтуха, гребень и ноги мягки: ибо въ старости они у нихъ дѣлаются жесткими.

Способъ раскормить курицу, или какую другую домашную птицу, въ двѣ недѣли.

Возми крапивныхъ листовъ и сѣмянъ, во время сорванныхъ и изсушенныхъ. Когда захочешь ихъ употреблять; то смѣшай съ отрубями, или пшеничною мукою; разведя оныя помоями, или горячею водою, корми симъ птицъ по однажды въ день.

Дабы придать птицѣ лучшій вкусъ; то можно въ ихъ кормъ примѣшивать мозжевеловыхъ ягодъ.

Какъ сдѣлать, чтобъ куры не ѣли своихъ яицъ.

1. Должно сдѣлать яицо изъ алебастра или изъ мѣлу, и когда курица снесется; то оставить въ гнѣздѣ одно сіе яицо.

2. Для воспрепятствованія прожорливымъ курамъ ѣсть ихъ яица, возми яицо, и проколовъ на немъ маленькую скважину, выпусти весь бѣлокъ, а желтокъ, которой останется, разбивъ, наполни яицо алебастромъ, и постарайся хорошенько его съ желткомъ смѣшать. По томъ испѣки яицо въ золѣ, или иначе, и положи въ гнѣздо. Она захочетъ его съѣсть; но вскорѣ оставитъ, наскучивъ безполезнымъ клеваніемъ, по причинѣ жесткости онаго.

43

Способъ,
чтобъ курица снесла скорѣе яицо, ежели ей въ томъ что нибудь препятствуетъ.

Всунь не много соли въ проходъ курицы, и она въ тотъ же почти мигъ снесется.

О болѣзняхъ, курамъ приключающихся.

Ежели курица надмѣру разжирѣетъ, и отъ того перестанетъ нестися; то сему можно помочь, примѣшивая мѣлу въ воду, которую она пьетъ, а въ кормъ толченаго и смоченнаго водою кирпичу: естьли же ей сдѣлается поносъ; то даютъ ей въ такомъ случаѣ поджареннаго яичнаго бѣлку, въ густую прежде сваренаго.

Куры иногда бываютъ больны отъ долговременнаго несенія яицъ, отъ чего приходятъ онѣ въ великую слабость, и лишаются всей своей

силы. Иныя ослабѣваютъ отъ долгаго сидѣнія на яицахъ. Другія наконецъ выкидываютъ, то есть, несутъ яица несовершенныя, безъ толстой скорлупы съ одною только перепонкою. Сіи три болѣзни излѣчаютъ слѣдующимъ лѣкарствомъ. Испеки яичной бѣлокъ такъ, чтобъ онъ сдѣлался, какъ созженъ; примѣшай къ тому столько же вѣсомъ изюму, вскипѣтя прежде оной, и сего состава давай имъ прежде обыкновеннаго корма.

Куры подвержены многимъ глазнымъ болѣзнямъ, и часто даже совсемъ слѣпнутъ, естьли не будетъ взята надлежащая осторожность. Сія болѣзнь познается по загноившимся ихъ глазамъ, по маленькимъ завившимся перышкамъ, кои ихъ окружаютъ, по блѣдному гребню и повислой головѣ.

1. Отъ сего излѣчаютъ ихъ женскимъ молокомъ, или сокомъ травы портулака, помазывая онымъ глаза.

2. Яичной бѣлокъ, смѣшанной съ малымъ количествомъ квасцовъ, есть также хорошее отъ того лѣкарство.

3. Возми по равнымъ частямъ меду, тмину и нашатырю: сотри все сіе вмѣстѣ и потирай глаза.

Примѣч. Надлежитъ куръ держать въ тѣни до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно выздоровѣютъ, по тому, что большой свѣтъ повредитъ ихъ больные глаза.

4. Давай курицѣ ѣсть свекольнаго листу, мѣлко изрубленнаго и смѣшаннаго съ пшеничными отрубями.

Всѣ сіи лѣкарства весьма хороши отъ опухолей и отъ воспаленій куриныхъ глазъ: ибо всѣ сіи болѣзни произходятъ отъ одной причины, то есть отъ острой мокроты, съ изобиліемъ изъ головы истекающей.

Продолженіе впредь.

СПОСОБЪ,

чтобъ крысы и мыши не ѣли приклѣенныхъ клестеромъ вещей, какъ то, бумажныхъ обоевъ и проч.

Разведи клестерЪ, коимЪ намѣренЪ приклѣивать, на такой водѣ, которая бы прежде настояна была съ довольнымЪ количествомЪ трубкой сажи.

СПОСОБЪ

истреблять крысъ и мышей.

Ежели посыплешь дубовой золы въ мышиныя норы; то обвалявшіяся въ ней мыши ошолудивѣютЪ и поколѣютЪ.

2. Смѣшай желѣзныхъ опилковъ съ дрождями, и положи въ то мѣсто, гдѣ много мышей: какъ скоро мыши отвѣдаютЪ только сей смѣси; то помрутЪ.

СПОСОБЪ

склѣивать разбитое стекло.

1. Распусти рыбьяго клѣя въ ложкѣ съ виннымъ спиртомъ: когда онъ хорошенько разжидится; то помажь имъ края разбитыхъ кусковъ стекла, которые, когда будутъ сложены вмѣстѣ, склѣятся весьма крѣпко чрезъ семь или восемь минутъ.

2. Смѣшай земляной смолы съ яичною скорлупою и съ старыми въ мѣлкой порошокъ истолченными черепицами, и прибавя къ тому яичнаго бѣлка, поступай, какъ выше сказано.

3. Возми древесной смолы, не много воску, не много Веницейскаго терпентину, и въ мѣлкой порошокъ истолченнаго и просѣяннаго стекла: смѣшай все сіе хорошенько вмѣстѣ, и употребляй по вышесказанному.

ЧТОБЪ БУТЫЛКА СТЕКЛЯННАЯ *не лопнула на огнѣ.*

Положи бутылку въ масло, или въ простую воду, и дай ей три или четыре часа безпрестанно кипѣть.

1930
1651
278.

СПОСОБЪ *узнавать настоящіе брилiанты съ поддѣланными.*

Разогрѣй сей камень трѣніемъ его по сукну; по томъ потри его о свинецъ. Естьли на свинцѣ останется нѣсколько слѣдовъ онаго; то сіе есть вѣрный знакъ, что камень фальшивъ.

Не должно изъ сего заключать, чтобъ всѣ драгоцѣнные камни можно было пробовать такимъ образомъ: ибо есть изъ нихъ мягкіе, кои не выдержатъ сего опыта.

46

ПРОДОЛЖЕНІЕ
О
СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛАКОВЪ.

19.

Лакъ, коимъ покрываются раскрашенныя вещи.

Влѣй 4 унціи хорошей водки въ стеклянной сосудъ, которой былъ бы столько великъ, чтобъ могъ вмѣщать въ себѣ еще столько же. Дай кипѣть въ горячей золѣ, и во время кипѣнія всыпь туда унцію сандараку, въ порошокъ истолченнаго. Когда онъ растопится; то брось туда полторы унціи чистаго терпентину: когда сей составъ не много покипитъ; то будетъ изъ того хорошій лакъ.

20.

Лакъ, привезенный изъ Китая.

Возми гумми лаку, бѣлой гумми копалу и простой смолы; каждаго по унціи. Надлежитъ гумми лакъ очищать въ крѣпкомъ и горя-

чемъ щелоку до тѣхъ поръ, пока щелокъ будетъ оставаться чистъ: по томъ должно вымыть его въ простой водѣ, и высушить на солнцѣ. Когда онъ высохнетъ; то истолочь его въ порошокъ съ другими двумя смолами, и все сіе кипѣтить въ винномъ спиртѣ пять часовъ.

21.

Лакъ весьма свѣтлый и прозрачный.

Сей лакъ есть одинъ изъ наилучшихъ, какъ въ разсужденіи крѣпости своей, когда онъ высохнетъ; такъ и по отмѣнному своему блеску, когда его выгладятъ и вылощатъ.

Распусти гумми лаку въ винномъ спиртѣ, какъ выше сказано, то есть на весьма тихомъ огнѣ, или на солнцѣ; но должно прибавить къ сей смолѣ не много амбры и гумми копалу, въ такомъ количествѣ: гумми лаку четыре унціи, амбры двѣ унціи, копалу унцію, виннаго спирта осмнадцать унцій, и унцію терпентину. Хотя гумми ко-

палъ и съ трудомъ распускается въ винномъ спиртѣ; однако же оставляетъ въ немъ нѣкоторую часть своего вещества и цвѣта, естьли дать ему въ ономъ покипѣть нѣсколько въ плотно замазанномъ стеклянномъ кубѣ, или на пѣсочномъ огнѣ, какъ въ четвертой части сея книги истолковано: сіе производитъ превосходной лакъ.

Дабы гумми копалъ удобнѣе распустился въ винномъ спиртѣ; то возми полгаленка виннаго спирта, двѣ унціи гумми копалу, четверть унціи сандараку, полъунціи кремортартари: все сіе положивъ въ довольно пространной стеклянной сосудъ, и заткнувъ оной хорошенько, дай гораздо кипѣть до тѣхъ поръ, какъ вся сія смѣсь распустится.

22.

Другіе прозрачные лаки.

1. Возми гумми аниме, гумми елеми, бѣлаго ладану и бѣлой амбры, каждаго по двѣ драхмы: истолки ихъ

въ мѣлкой порошокъ, налѣй дистиллированнымъ уксусомъ, и вари; по томъ слѣй уксусъ, и переполоскавъ сей составъ горячею водою, пока будетъ бѣлъ, высуши. Послѣ чего должно сіи матеріи истолочь въ порошокъ, прибавя двѣ драхмы гуммиадрагантy, и четыре драхмы сахару леденцу. По томъ положи все сіе въ двенадцать унцій виннаго спирта; побалтывай сосудъ отъ времени до времени, и кипѣти сей составъ два часа безпрестанно въ кипящей водѣ, какъ истолковано въ четвертой части сего изданія. По томъ снявъ съ огня, дай нѣсколько времени устояться, дабы грубыя части погрузилися на дно; по томъ наклоня сосудъ, слѣй полегоньку чистую часть.

2. Возми двѣ унціи гумми копалу, двѣ унціи сандараку и одну унцію мастики. Должно истолочь въ порошокъ все оное, и вскипѣтить съ виннымъ спиртомъ въ стекляномъ плотно заткнутомъ сосудѣ.

3. Возми Арабской камеди, распущенной въ простой водѣ, сандараку, распущеннаго въ горячей водкѣ, не много леденцу и яичнаго бѣлку, смѣшаннаго съ смолою: смѣшай все оное хорошенько. Сей лакъ весьма блестящь.

4. Положи въ двенадцать унцій виннаго спирта четыре унціи сандараку, полъунціи мастики, унцію камфары, и вари на тихомъ огнѣ.

5. Слѣдующій составъ, положенный на краски, не мараетъ ихъ, но составляетъ на нихъ густой слой, которой, когда хорошенько его выощишь, будетъ казаться стекломъ, на краски наложеннымъ. 1^e.) Высуши на солнцѣ, или на сѣверномъ вѣтрѣ, яичной бѣлокъ, на фаянсовомъ блюдѣ: онъ сдѣлается крѣпокъ, какъ смола, и никогда не испортится. 2^e.) Возми сего бѣлка одну драхму, унцію бѣлаго сандараку, бѣлой мастики двѣ драхмы, полдрахмы камфары; истолки все оное въ порошокъ,

и положа въ шесть унцій виннаго спирта, поставь на тихой огонь, или на солнцѣ. Когда сей составъ хорошенько распустится; то процѣди сквозь пропускную бумагу.

6. Возми стараго яичнаго бѣлка, сбѣй его такъ, чтобъ на немъ поднялася пѣна, и пѣну сію, яко безполезную, откинь прочь: оставшееся возми, и смѣшай съ леденцомъ и съ водкою, или съ виннымъ спиртомъ.

23.

Золотоцвѣтныя лаки.

Возми часть мастики, четвертую часть противъ того раснова ладану и полчасти сандараку, и столченныхъ въ порошокъ: прежде кладутъ распускать мастику на огнѣ въ винномъ спиртѣ; по томъ кладутъ туда сандаракъ, и наконецъ ладанъ. Когда сіи матеріи распустятся; то прибавляютъ къ нимъ осмую долю чистаго терпентину, и сабуру въ такомъ количествѣ, чтобъ можно было наполнить онымъ скорлупу Грецкаго

орѣха. Когда сей составъ приметъ отъ того хорошій цвѣтъ; то, снявъ его съ огня, покрываютъ онымъ посеребреныя вещи.

2. Иные употребляютъ на сей составъ красной ладанъ, сабурный порошокъ и не много шафрана, распустивъ все сіе въ водкѣ, или въ винномъ спиртѣ: симъ лакомъ покрываютъ много разъ посеребреныя вещи, давая прежде хорошенько высыхать каждому слою.

3. Возми желтой амбры или янтарю двѣ унціи, и растопивъ его на мѣдной дощечкѣ, положи въ терпентинной спиртъ, и три дни, или по крайней мѣрѣ два дни, вари пѣсочнымъ огнемъ, побалтывая сосудъ отъ времени до времени. По прошествіи сего времени увидишь, что терпентинный спиртъ сдѣлается яркаго золотаго цвѣта: которымъ, ежели покроешь посеребреныя вещи, то онъ весьма скоро высыхаетъ.

4. Слѣдующей составъ также весьма хорошь. Возми унцію гумми лаку, сабуру въ порошокъ истолченнаго двѣ драхмы, терпентину восемь унцій, теплаго и самаго чистаго сахару двѣ унціи: смѣшай все оное вмѣстѣ, и пропустивъ сквозь холстину, употребляй.

5. Въ Англіи, во Франціи, и во многихъ иныхъ мѣстахъ, употребляютъ для часовыхъ футляровъ нѣкоторой лакъ, которымъ, ежели покроешь серебро, то оно будетъ казаться золотомъ, и даже придаетъ весьма хорошій цвѣтъ латуни.

Его составляютъ слѣдующимъ образомъ: возми гумми лаку двѣ унціи, желтой амбры двѣ унціи, змѣиной или драконовой крови сорокъ грановъ, шафрану полдрахмы, добраго виннаго спирту сорокъ унцій: истолокши смолы въ порошокъ, положи ихъ съ виннымъ спиртомъ въ плотно заткнутой стеклянной сосудъ, и поставь на нѣсколько времени на-

стаиваться на солнцѣ, или въ пѣсочной огонь, помѣшивая почасту сосудъ, и по томъ пропусти сквозь тряпку. Когда пожелаешь употреблять сей лакъ; то разогрѣй серебряную или мѣдную вещь, и покрой ее онымъ, отъ чего она приметъ цвѣтъ настоящаго золота: когда же оная вещь замарается; то можно ее вымыть горячею водою.

Надлежитъ наблюдать, чтобъ покрываемая вещь была чиста, и разогрѣвать ее для покрыванія медленнымъ огнемъ до такой степени, чтобъ приложа къ щекѣ, можно было терпѣть сей жаръ. Лакъ сей накладывается плоскою кистью, чтобъ слой былъ тонѣ.

Иные прибавляютъ къ сему составу двѣ унціи гумми гуту и не много сабуру. Но для приданія сему лаку лучшаго цвѣта, должно подбавлять къ нему желтаго инбирю, или, такъ называемаго, Индѣйскаго шафрану.

24.

Масляный, или жирный какъ, весьма блестящій.

1. Возми гумми елеми, гумми аниме, бѣлаго ладану и бѣлой амбры, каждаго по двѣ драхмы; истолокши ихъ въ порошокъ, вари въ стеклянномъ сосудѣ съ дистиллированнымъ уксусомъ, прибавя къ тому двѣ драхмы гумми адраганту, и четыре сахару леденцу. По томъ высуши все оное, истолки въ порошокъ, смѣшай съ симъ порошкомъ фунтъ терпентиннаго масла, подвавь шесть унцій Кипрскаго терпентина, и вари въ кипящей водѣ, какъ выше сказано. Когда терпентинъ распустится; то всыпь въ него порошки, и размѣшай хорошенько деревянною лопаткою, по томъ дай три или четыре часа кипѣть.

2. Возми аспиднаго масла двѣ унціи, мастики и въ порошокъ истолченнаго сандараку унцію, терпентину полъунціи; поставь масло ки-

пѣть въ кипящую воду: когда оно сдѣлается горячо; то положи въ него терпентинъ, и когда онъ распустится, то всыпь мастику и сандаракъ. Смѣшай все оное хорошенько, посредствомъ тихаго огня и въ кипящей водѣ; ибо иначе, сей составъ можетъ легко загорѣться.

3. Для составленія такого же рода лака, но чтобъ оной тотчасъ высыхалъ по употребленіи, возми ладану и сандараку, истолки ихъ въ мѣлкой порошокъ, и всыпь ихъ по не многу въ терпентинъ, распускаемый на тихомъ огнѣ; по томъ процѣдя сей составъ, употребляй горячій.

4. Возми 16 унцій чистаго льняного масла, Жидовской смолы четыре унціи, унцію мастики. Истолокши смолу, вскипѣти ихъ на тихомъ огнѣ въ глиняномъ муравленомъ горшкѣ, до тѣхъ поръ, какъ три чесночныя головки, туда же положенныя, распустятся. Тогда должно процѣдить сію жидкость въ другой сосудъ, при-

бавить къ нему двѣ унціи гумми лаку и три унціи желтой и въ порошокъ истолченной амбры, кипѣтить сію смѣсь на тихомъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока все распустится, и тогда положивъ не много терпентиннаго масла, мѣшай безпрестанно, чтобъ хорошенько все сіе соединилося. Должно наблюдать, чтобъ сей составъ былъ не очень густъ, но чтобъ удобно было брать его на кисть. Симъ лакомъ покрываются вещи, вычерненныя прежде копотью отъ дыма съ клѣемъ.

5. Дѣлаютъ еще почти такой же лакъ, но гораздо легчайшій, взявъ четыре унціи льнянаго масла, унцію Жидовской смолы и двѣ унціи желтой амбры: сваривъ все сіе въ глиняномъ горшкѣ на тихомъ огнѣ, процѣди сквозь полотно, и вари опять до тѣхъ поръ, какъ лакъ сдѣлается такъ густъ, какъ ему быть надобно.

Окончаніе будетъ въ слѣдующей части.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

О СВОЙСТВѢ ЧЕЛОВѢКА, *ПРІЯТНАГО ВЪ ОБЩЕСТВѢ, и другаго тому противнаго.*

Гибкость ума, принаравливающагося ко всѣмъ нравамъ, не можетъ быть пріятна, ежели она притворна: естьли кто возметъ на себя сіе тягостное угожденіе; то сіе есть самая безполезнѣйшая и непростительная подлость. Играть не свойственное намъ лицо, съ такимъ только намѣреніемъ, чтобъ заставить себя хвалить безразсудныхъ людей, есть изъ всѣхъ намѣреній достойнѣйшее презрѣнія. Дабы увеселять другихъ, или по крайней мѣрѣ, чтобъ не помѣшать ихъ веселію, должно въ самомъ дѣлѣ ощущать удовольствіе въ ихъ бесѣдѣ.

Ничего нѣтъ тягостнѣе, какъ видѣть въ компаніи множество такихъ людей, кои бы должны были сидѣть дома одни. Люди, кои меньше другихъ разсуждать умѣютъ, суть тѣ, кои ищутъ сообществъ; хотя бы гораздо лучше они сдѣлали, естьли бы, сидя дома, скучали одни, нежели быть въ тягость другимъ, дабы себя развеселить. Я не говорю, чтобъ не позволено было изливать свои печали въ нѣдра дружества; но хочу только сказать, что должно или приналравливаться къ той бѣседѣ, въ которую идешь, или совсемъ туда не ходить. Безсомнѣнія, человѣкъ, умѣющій со всѣми ужиться, имѣетъ щастливое сложеніе; по тому, что сіе показываетъ умъ, способный соглашаться на все то, что другимъ нравится, и не упорствующій въ собственныхъ своихъ мнѣніяхъ.

Отъ сего-то восхищаюсь я свойствомъ друга моего Акаста. Вы найдете его за столомъ мудрыхъ,

глупцовъ, важныхъ, веселыхъ людей и острыхъ умовъ; хотя онъ ничего въ себѣ не имѣетъ, которое бы могло учинять его пріятнымъ каждому особо изъ сихъ различныхъ людей: но онъ одаренъ отъ природы здравымъ разсудкомъ, добрымъ сердцемъ, и скромностію, такимъ образомъ, что всякой можетъ предъ нимъ блистать своимъ дарованіемъ, и что онъ не подавая почти совсемъ матеріи къ разговору, всегда однако же съ удовольствіемъ бываетъ принятъ. Можно даже сказать, что человѣкъ умный и знающій, вмѣсто того, чтобъ нравиться, сдѣлался бы тягостенъ большей части людей; естьли бы онъ не обладалъ сими добрыми свойствами Акаста. Умные люди ласкаютъ себя, что они въ обществѣ пріятны, по тому самому, что они таковы, и чрезъ сіе ихъ сообщество становятся несносными: они смѣются надъ отсутствующими, или шутятъ весьма колко надъ присутствующими.

54

Самое вѣрное средство сдѣлаться пріятнымъ тѣмъ людямъ, съ коими находимся, есть то, чтобъ показывать, что ихъ компанія тебѣ нравится, и брать болѣе участія въ ихъ разговорахъ, нежели самому заставить ихъ слушать. Такого свойства человѣкъ не есть то, что мы называемъ пріятнымъ въ бѣседахъ человѣкомъ, но онъ таковъ въ самомъ дѣлѣ, и имѣетъ въ рѣчахъ своихъ и въ поступкахъ нѣчто любви достойное, привлекающее къ нему сердца, чего самыя острыя слова не могли бы произвести. Старость человѣка сего свойства имѣетъ нѣкоторую откровенную простоту, которая внушаетъ къ нему почтеніе, хотя бы онъ и безъ того не былъ много почтенія достоинъ. Высокомѣріе молодыхъ людей, происходящее отъ живости, а не отъ нахальства, достойно также извиненія. Человѣкъ, коего природа произвела на то, чтобъ онъ былъ пріятенъ въ обществѣ,

отдаетъ всякому должное, закрываетъ недостатки ближняго, и заставляетъ хвалить его хорошія качества; онъ кажется принимаетъ законы отъ другихъ, а самъ ни кому ихъ не предписываетъ.

Что надлежитъ думать о сихъ людяхъ, кои не уважая ни мало того, о чемъ въ бѣседѣ, въ которую они пришли, разсуждается, дѣлаются вѣстниками, и прервавъ общій разговоръ, разсказываютъ, сколь можно пространнѣе и подробнѣе, что они видѣли, или слышали, какъ будто они были нарочно посыланы о томъ освѣдомляться? Тѣ, кои съѣзжаются для того, что имъ пріятно быть вмѣстѣ, и занимаются дружескими разговорами, должны почувствовать великую тягость, когда вдругъ новый гость, какъ будто съ неба свалившійся, начнетъ имъ разсказывать свое похожденіе, и затворитъ всѣмъ имъ ротъ. Естьли сей человѣкъ пришелъ съ рынка; то насильно ска-

жетъ вамъ, по чему съ ѣстные припасы; и хотя вы гораздо о важнѣйшей того матеріи говорили; но молодой щеголь, съ другова конца города прискакавшій, сядетъ подлѣ васъ, и скажетъ вамъ, что такая-то дѣвица совершенная красавица, по тому, что онъ ее только теперь видѣлъ.

Цицеронъ говоритъ, что можно всему научить человѣка, кромѣ шутливаго свойства, которое даетъ природа, и которое, не имѣетъ ни какой нужды въ искуствѣ. То же самое можно сказать и о томъ, о чемъ я теперь говорилъ; можно пріобрѣсти всѣ пристойности, въ общежитіи употребляемыя: но сіе нѣчто неизъяснимое, которое всегда къ стати, и которое въ малѣйшихъ дѣяніяхъ бываетъ примѣтно, есть даръ природы. Сему столь же неудобно предписать правилъ, какъ и стихотворству; правила могутъ, говорятъ, предъупредить худыхъ стихотвор-

цовъ; но никогда не произведутъ ни творца Россіяды, ни пѣвца Фелицы, ни творца Сорены.

СВОЙСТВО ЧЕЛОВѢКА

горячаго, недовольнаго и забіяки.

Мы обыкновенно говоримъ, что такой-то человѣкъ имѣетъ доброе сердце, хотя онъ весьма подвластенъ страстямъ своимъ. Признаюсь я, что такой человѣкъ не заслуживаетъ сего, и меньше другаго достоинъ снисхожденія. Правда, что гнѣвъ его проходитъ скоро, то есть, что онъ въ одну минуту надѣлаетъ болѣе зла, нежели другой въ цѣлой годъ; но сія похвала, мнѣ кажется, не очень велика. Я зналъ одного изъ такихъ вспыльчивыхъ добросердечныхъ людей, которой при гостяхъ говаривалъ своей женѣ и дѣтямъ такія вещи, коихъ бы злѣйшій его врагъ

не осмѣлился сказать и даже подумать. Правда, что чувствительность неразлучна съ бѣглымъ умомъ; но отъ чего происходитъ, что сей умъ, одаренный столь великою способностію, не соберетъ всѣ силы свои, для обузданія сего гнѣва? Упражняться въ побѣжденіи сего чудовища, есть благороднѣйшее и достойнѣйшее разумнаго бытія дѣло. Кто въ семъ получитъ успѣхъ; тотъ крайнее почувствуетъ презрѣніе къ людямъ не старающимся о томъ. Каждому бы должно къ сему прилѣжать, кто желаетъ быть спокоенъ и наслаждаться жизнію. Тотъ, кто отъ малѣйшей искры загараѣтся, бываетъ въ тягость и себѣ и окружающимъ его.

Буранъ поступаетъ весьма смѣшно и безчинно; онъ всю жизнь свою проводитъ въ нанесеніи безпокойства своимъ пріятелямъ и въ прошеніи у нихъ прощенія. Естьли случится, что слуга его возвратится въ горницу,

не принеся ему того, за чѣмъ онъ его посылалъ; то онъ закричитъ, топнувъ ногою: скотина! — Господа, извините меня; но слуги нынѣ.... Естьли поставятъ на столъ тарелки, которыя покажутся не чисты; то онъ, схвативъ ихъ, броситъ на полъ: жена его между тѣмъ сидитъ ни жива ни мертва. Онъ то примѣтя, отвѣчаетъ на ея мысли: *кой чортъ! Что ето значитъ? Для чего ты ни за чемъ не смотришь?* Гости садятся за столъ, не чувствуя почти ни мало охоты къ кушанью, хотя столъ покрытъ хорошими ѣствами, боясь всякую минуту, чтобъ опять онъ не вспылилъ за что нибудь. Однимъ словомъ тѣ, кои ѣздятъ къ *Бурану*, должны всякой разъ ожидать, что онъ разругаетъ все свое семейство, перебьетъ слугъ, побросаетъ со стола всю посуду, и выведетъ ихъ изъ терпѣнія.

Не удивительно ли покажется, что стыдъ и смятеніе, написанныя

на лицѣ его пріятелей, не могутъ ввести его, хотя не много, въ разсудокъ, и успокоить его гнѣвъ? Не самымъ ли недостойнымъ образомъ оставляетъ онъ разсудокъ? Все его доброе сердце состоитъ въ томъ, что онъ похожъ на большаго меделянскаго кобеля, которой спокоенъ только тогда, когда его не дразнятъ. Такой бѣшеной можетъ нанести множество обществу и вреда; ибо въ сердцахъ, будучи безъ памяти, наговоритъ онъ множество язвительныхъ вещей, касающихся до знакомыхъ ему фамилій; но со всѣмъ тѣмъ чрезъ четверть часа послѣ того, онъ наилучшій въ свѣтѣ человѣкъ! Кто желаетъ видѣть бѣшенство, живо изображенное, безъ малѣйшей искры разсудка; тотъ пускай прочтетъ, что одинъ изъ безмозглыхъ Аглинскихъ писателей (*) заставляетъ говорить одного разъ-

---

(*) Нафанаилъ лее.

яреннаго героя (*). Вотъ сія рѣчь отъ слова до слова: „Удались отсюда, бѣги отъ вирхя, готовящагося „восхитить тебя, подобно, какъ „малѣйшую пылинку! Какое бѣшенство влечетъ меня, и объемлетъ! „Раздоръ и ярость живутъ въ груди „моей, терзаютъ мое сердце: но горе „тому, кто осмѣлится подвергнуться сей бурѣ, въ душѣ моей свирѣпствующей! Яко игрушка волнъ, „воздымется онъ до тверди!„

Нѣтъ ни одного на свѣтѣ сердитаго человѣка, которой бы половину времени своего, не говорилъ столь же смѣшнымъ образомъ, и не дѣлалъ бы столь же нелѣпыхъ угрозъ.

Слѣдующій за вспыльчивымъ человѣкомъ, и которой не менѣе непріятенъ въ обществѣ, есть такъ называемый угрюмый и скучливый. Онъ можетъ имѣть справедливую причину быть невеселымъ и нахму-

(*) Александръ.

58

реннымъ, или съ природы можетъ онъ ненавидѣть всѣ веселости: по сей-то причинѣ онъ слушаетъ съ видомъ пренебреженія все, что ему ни говорятъ, или что дѣлаютъ въ его присутствіи; онъ тотчасъ охуждаетъ то, и не хочетъ, чтобъ кто другой былъ щастливѣе его. Должно бы класть полынь во все то, что такой человѣкъ ѣстъ или пьетъ въ бѣседѣ. Но вотъ что странно, что сей угрюмый нравъ почитается иногда тонкостію и разборчивостію вкуса; но кромѣ служителей, или питающихся хлѣбомъ сего человѣка, ни кто не обязанъ сносить его грубостей. Между людьми здравомыслящими и умѣющими жить, все должно быть покорено правиламъ разума и благопристойности.

Третій характеръ сего рода есть забіяки, которой любитъ насмѣхаться, и особливо открываетъ свойство свое, говоря съ подчиненными своими, или съ слугами. Онъ имъ на-

говоритъ всегда множество язвительныхъ грубостей. Кто бы не подумалъ, что всѣ сіи люди, будучи убѣждены, что они въ тягость обществу, приложатъ все свое стараніе къ исправленію своему? — Я былъ на семъ мѣстѣ, какъ вдругъ услышалъ шумъ у одного подлѣ меня живущаго книгопродавца, гдѣ происходило забавнѣйшее явленіе, и весьма приличное къ теперешнему моему разсужденію. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ людей съ важнымъ и тяжелымъ видомъ, которой, не смотря на всѣ его дарованія, весьма тупое имѣетъ понятіе, когда дѣло идетъ на расплату, спорилъ тамъ съ симъ книгопродавцомъ. Хладнокровіе одного и запальчивость другаго, которой былъ правъ, составляли страннѣйшую противообразность. Послѣ того, какъ ученый перебралъ многія книги, книгопродавецъ сказалъ ему: „Вамъ извѣстно, сударь, что вы давно взяли у меня прочитать томъ проповѣ-

дей; но по сіе время еще не отдали.„ Ето правда, отвѣчалъ ученый, я много разъ принимался ету книгу искать; но не могъ ни гдѣ найти: видно я кому нибудь ее отдалъ читать, а онъ мнѣ не возвратилъ; но уже тому прошло столько лѣтъ, что я не могу теперь вспомнить, кому я ее отдалъ.

Книголродавецъ. Такъ возмите же, сударь, и другой томъ, и заплатите мнѣ деньги за оба.

Ученый. Какъ! мой другъ, не уже ли ты думаешь, что ета книга въ моей библіотекѣ не будетъ также не совершенна, какъ теперь въ твоей лавкѣ.

Книголр. Конечно, сударь, я такъ думаю; но поелику вы потѣряли первой томъ, то должны мнѣ заплатить за оба.

Ученый. Ты еще молодъ, другъ мой; книга твоя пропала: изъ етого ты долженъ научиться сносить величайшіе сего убытки, которые мо-

гутъ нѣкогда съ тобою случиться.

Книголю. Я ихъ буду сносить, сударь, когда они случатся; но теперь не о томъ дѣло: я вамъ далъ книгу, и вы должны мнѣ за нее заплатить.

Ученый. Ты горячишся, мой другъ; ето врѣдно: я тебѣ сказываю, что книга твоя пропала; какая же въ етомъ бѣда? — Естьли такая бездѣлица можетъ тебя вывести изъ разсудка; то я предвижу, что съ тобою случатся нещастія, отъ которыхъ ты совсемъ сойдешь съ ума, по тому, что и самая щастливая жизнь сопровождается какимъ нибудь безвремяньемъ.

Книголю. Здѣсь, сударь, дѣло идетъ ни о безвремяньѣ; ни о терпѣніи; вы взяли мою книгу, и вы мой должникъ.

Ученый. Я тебѣ сказываю, другъ мой, что у меня нѣтъ твоей книги; но гнѣвъ тебя такъ ослѣпляетъ и оглушаетъ, что ты не по-

нимаешь того, что тебѣ говорятъ. Научись сносить нещастія сей жизни безъ роптанія и печали: ты нетерпѣливъ, мой другъ, а я имѣю долгъ тебѣ о томъ сказать, и научить тебя, что нетерпѣливость подвергаетъ насъ всегда какому нибудь бѣдствію.

Книголр. Кто видалъ когда нибудь сему подобное.

Ученый. О мой другъ! Случается часто и не то. Потѣря твоя не стоитъ того, чтобъ ея щитать потѣрею; но ты горячь и сердитъ, и не способенъ снести и малѣйшаго несчастія: не прими же въ худую сторону, что я тебя поощряю къ терпѣнію. Хотя книга твоя и пропала; но для етаго не уже ли должно, чтобъ ты и себя потѣрялъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О БРАКѢ,
съ изображеніемъ Ераста и Летиціи, Блондины и Щелколера.

Я читалъ нѣгдѣ притчу, въ которой достатокъ полагается отцемъ любви. Неоспоримо, что прежде, нежели искать всѣхъ пріятностей сей страсти, должно, чтобъ страхъ нуждъ и бѣдности насъ не тревожилъ. Но не смотря на все сіе, мы видимъ безчисленное множество женатыхъ людей, кои посредѣ изобилія не чувствуютъ ихъ пріятностей.

Для учиненія брака щастливымъ, не довольно, чтобъ нравы супроговъ были сходны: я бы могъ представить въ примѣръ сто паръ, кои не имѣютъ ни малѣйшаго чувствія любви другъ къ другу, хотя нравы ихъ столь сходны, что естьли бы они были неженаты, то всѣ бы сказали, что они созданы другъ для друга.

Спиртъ любви столь тонокъ и нѣженъ, что часто выдыхается, или совсемъ улѣтаетъ, отъ нѣкоторыхъ небольшихъ приключеній, коихъ люди нерадивые и неучтивые совсемъ не примѣчаютъ, пока увидятъ, что уже и пособить тому не чемъ.

Ни что столько не способно изгонять любовь изъ брачнаго состоянія, какъ надмѣру короткое обхожденіе и нарушеніе правилъ благопристойности. Хотя бы я могъ привести тому множество разныхъ примѣровъ; но упомяну объ однихъ только нарядахъ. Наши молодчики и красавицы, наряжающіяся единственно для уловленія другъ друга, думаютъ, что не имѣютъ болѣе нужды въ сей приманѣ, когда получатъ успѣхъ въ своемъ намѣреніи. Но не упоминая о неопрятности, которая тогда послѣдуетъ обыкновенно, случаются еще и другіе недостатки, которые я видѣлъ осуждаемыми въ одной только изъ нашихъ новыхъ комедій, гдѣ

одна Французская горничная служанка хочетъ раздѣваться въ присудствіи любовника, которой есть Герой піесы, и какъ она говоритъ своей госпожѣ, что сіе въ обыкновеніи во Франціи; то госпожа ей отвѣчаетъ, что она никогда не слыхивала о такой модѣ, и что она не Француженка, но Агличанка такая неучтивая, что никогда при мужѣ своемъ не одѣвается.

Въ поведеніи нѣкоторыхъ женщинъ находится нѣчто столь грубое, что онѣ тѣряютъ любовь своихъ мужей за такія погрѣшности, о коихъ человѣкъ добросердечной, или хорошо воспитанный, не знаетъ, какимъ образомъ ихъ увѣдомить. Я опасаюсь даже, чтобъ женщины не были, въ разсужденіи сего, виноватѣе мущинъ, и чтобъ въ перьвыхъ изліяніяхъ ихъ любви онѣ не находили столь пріятнаго и сладостнаго вкуса, что наконецъ вздумаютъ, что тѣмъ не льзя наскучить.

62

Надобно столько нѣжности и благоразумія, для поддержанія любви послѣ бракосочетанія, и для учиненія разговоровъ всегда живыми и пріятными въ продолженіе двадцати или тридцати лѣтъ, что я не вижу ни чего, столь много тому споспѣшествующаго, какъ подлинное усиліе нравиться другъ другу, и чтобъ мужь былъ разсудительнѣе жены. Я называю здѣсь человѣкомъ разсудительнымъ такова, которой знаетъ свѣтскія дѣла, и имѣетъ свѣдѣнія.

Женщины устроеваютъ свое уваженіе къ мущинамъ по фигурѣ, которую они дѣлаютъ въ свѣтѣ, и по характеру, приписываемому ему его друзьями. Поелику знаніе есть главнѣйшее наше преимущество предъ женщинами; то мнѣ кажется, что богатый человѣкъ столь же не извинителенъ, что не учился, какъ и женщина, которая не вѣдаетъ, какимъ образомъ поступать ей въ

обыкновеннѣйшихъ обстоятельствахъ жизни. Сіе-то отдаляетъ одинъ полъ отъ другаго: женщина огорчается и удивляется, что не находитъ ничего въ разговорахъ съ мущиною, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей, полу ея приличныхъ.

Нѣкоторая небольшая по дѣламъ обязанность служитъ не токмо къ обнаруженію дарованій человѣка и къ предписанію ему такого дѣйствующаго лица, которое женщина выполнить не въ состояніи; но еще и подаетъ ему частые случаи къ симъ непродолжительнымъ отсудствіямъ, кои, не смотря на всѣ заботы, которыя могутъ онѣ причинить, наконецъ найдутся лучшими средствами, для поддержанія любви и желаній.

Женщины столь сильно въ томъ убѣждены, что онѣ не имѣютъ ни чего такого, чтобъ было достойно привязать къ нимъ человѣка совершенно, и учинить себя единымъ предметомъ его вниманія, что онѣ

63/

совершенно презираетъ такихъ мущинъ, которые, какъ говорится, безпрестанно только виснутъ у нихъ на вороту.

Летиція прекрасна, скромна, исполнена нѣжности и умна; она вышла за Ераста, которой находился въ статской службѣ, и имѣетъ склонность къ изящнымъ художествамъ. Во всѣхъ тѣхъ домахъ, куды она часто ѣздитъ, имѣетъ она удовольствіе слышать похвалы, какому либо великодушному дѣянію ея супруга, или острому слову, имъ сказанному. Со времени ихъ бракосочетанія, Ерастъ одѣвается еще щеголеватѣе, нежели какъ до женидьбы своей, и во всѣхъ тѣхъ гостяхъ, гдѣ онъ ни видится вмѣстѣ съ Летиціею, онъ такую же учтивость ей показываетъ, какъ и прочимъ Госпожамъ. Я видѣлъ, какъ онъ подымалъ ей опахало со всемъ рвеніемъ, проворствомъ и учтивствомъ любовника. Когда они вмѣстѣ прогуливаются; то онъ

помышляетъ токмо о обогащеніи ума своей супруги, и съ помощію нѣкоего оборота, которой умѣетъ дать онъ своему уму, онъ ей открываетъ множество вещей, о коихъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Летиція, возлищаяся новымъ симъ явленіемъ, глазамъ ея представляющимся, ищетъ только сообщества сего человѣка, которой ея столь пріятно научаетъ. Отъ сего-то произходитъ, что она день отъ дня болѣе горячности къ нему ощущаетъ, и становится несравненно довольнѣе сама собою. Во всѣхъ ея словахъ или дѣяніяхъ Ерастъ находитъ нѣкоторую справедливость, или нѣкоторую красоту, которыхъ она и не приметила: такимъ образомъ посредствомъ его открываетъ она въ себѣ много хорошихъ качествъ, коими никогда обладать и не помышляла. Сверьхъ того, онъ имѣетъ къ ней безпримѣрное снисхожденіе, всячески ей угождаетъ, и посредствомъ весьма око-

личныхъ внушеній заставляетъ онъ ее говорить всегда то, что онъ хочетъ, и принимаетъ то, какъ будто за сказанное ею отъ самой себя, и всю честь приписываетъ ей.

Ерастъ имѣетъ изящный вкусъ въ живописи, и на сихъ дняхъ возилъ онъ свою супругу смотрѣть славныя картины, съ публичнаго торгу продающіяся. Я иногда посѣщаю сію счастливую чету, и на прошедшей недѣлѣ случился у нихъ. Мы прохаживалися до обѣда въ живописной галлереѣ, и тогда-то Ерастъ сказалъ мнѣ сіи слова: я не давно купилъ новыя картины; видите ли вы ету Венеру съ Адонисомъ. Мнѣ Летиція присовѣтовала ее купить; она мнѣ стоитъ шестдесятъ гвиней, а сего дня по утру давали мнѣ за нее сто. Я тотчасъ взглянулъ на Летицію, и увидѣлъ радость, написанную на лицѣ ея, между тѣмъ, какъ она бросила на Ераста взглядъ самый нѣжный, какой я когда либо видалъ въ свой вѣкъ.

Блондина вышла за Щелкопера; она не могла противиться его шитому кафтану и пребогатой его цѣпочкѣ: но нынѣ со стыдомъ видитъ, что его всѣ достойные люди презираютъ. Щелкоперъ послѣ обѣда занимается только одними тѣми мыслями, гдѣ бы ему веселѣе грызть ногти свои, въ гостяхъ ли у кого, или дома. Со времени своего бракосочетанія, ничего онъ не сказалъ такого Блондинѣ, чего бы она не могла столь же хорошо узнать отъ своей служанки. Со всемъ тѣмъ онъ старается изъ всей силы поддержать нахальство и власть супружескую. Что бы она такое ни сказала, онъ всегда ей противорѣчитъ, и скажетъ непремѣнно: должно признаться, душа моя, что ты сказала такъ глупо, что не льзя глупѣе. Блондина имѣла съ природы сердце столь же расположенное къ супружеской горячности, какъ и Летиція: но поелику дружба не можетъ быть тамъ, гдѣ

почтеніе пропало; то трудно теперь рѣшить, ненавидитъ ли больше, или презираетъ, нещастная Блонда на ту глупую тварь, съ которою принуждена она проводить весь вѣкъ свой.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ.

Люди расточительные почитаютъ себя богатыми въ самой даже бѣдности; прошедшая скудость не оставляетъ въ нихъ ни малѣйшихъ впечатлѣній, настоящая не приводитъ въ уныніе, а будущее ихъ всегда утѣшаетъ. Туча, имъ угрожающая, не ужасаетъ ихъ; они устремляютъ глаза къ тишинѣ, коея тщетно ожидаютъ.

О СТЫДЛИВОСТИ.

Мы не можемъ освободиться отъ стыда, природою въ насъ напечатлѣннаго: ежели захотимъ изгнать его изъ сердца; то онъ убѣгаетъ въ лицо.

О СТРАСТЯХЪ.

Страсти суть дщери природы. Добрыя и худыя имѣютъ одинакій источникъ, такъ, какъ розы и шипы, свѣтъ и дымъ, золото и желѣзо, кои произходятъ отъ одного корня, отъ одного огня и отъ одной матери.

О РОСКОШИ.

Естьли бѣдность крестьянина заставляетъ почитать нещастіемъ многочисленную семью; то роскошь не менѣе пагубна для размноженія рода человѣческаго. Человѣкъ, имѣющій нарочитый достатокъ, находитъ,

66

что гораздо для него славнѣе держать шесть лошадей въ своей конюшнѣ, нежели дать шестерыхъ дѣтей Государству.

Естьли бы наши предки вышли изъ гробовъ своихъ; то подумали бы, увидя насъ, что мы нарядилися итти на какое нибудь торжество, и не могли бы повѣрить, что всѣ сіи дурачества суть всегдашняя болѣзнь.

О ЯЗЫКАХЪ.

Тотъ, кто обучается рачительно иностраннымъ языкамъ, а о своемъ собственномъ не рачитъ, подобенъ такому человѣку, которой пашетъ чужое поле, а свое оставляетъ необработаннымъ.

О ТРУСАХЪ.

Трусы, кои обыкновенно на словахъ превосходятъ всѣхъ героевъ,

подобны вѣсамъ, у коихъ, когда одна чашка поднимается, то другая тотчасъ опускается.

О МУДРОСТИ.

Человѣкъ мудрый есть тотъ, кто ни чего не желаетъ, обуздываетъ свои страсти, презираетъ тщетными почестями, ни отъ кого, кромѣ себѣ, не зависитъ, не подверженъ превратности фортуны, поставляетъ себя превыше бѣдственныхъ приключеній, и не даетъ ни какой власти надъ умомъ своимъ, бѣдности, оковамъ и смерти.

О БОЛѢЗНЯХЪ.

Нѣмощи и болѣзни тѣлѣсныя часто дѣйствительнѣе бываютъ краснорѣчія Риторовъ; онѣ насъ отвлекаютъ отъ міра сего и ведутъ къ добродѣтели. Онѣ суть для человѣка училища мудрости; и естьли бы люди не выходили изъ сихъ учи-

67

лищь; то не видѣли бы мы столько порочныхъ безумцовъ.

ОБРАКѢ.

Родители, желая отдать дочь свою за мужь, навѣдываются о богатствѣ жениха, которое почитаютъ главнѣйшею вещію. Нравы же, качества разума и сердца почитаются излишествомъ, безъ котораго можно обойтися.

Гораздо выгоднѣе выдать дѣвицу за человѣка безъ богатства, нежели за богатство безъ человѣка.

ПРОДОЛЖЕНІЕ АПОѲЕГМОВЪ.

Періандръ. Благотворительность должна быть стражемъ Царей.

Сократъ. Сей Философъ совѣтовалъ своимъ ученикамъ наблюдать три вещи: быть мудрыми, осторожными и молчаливыми.

Демокритъ. Надѣжда мудрыхъ иногда исполняется; но надѣжда безразсудныхъ никогда, по тому, что ихъ желанія выходятъ изъ границъ возможности.

Богатство не въ томъ состоитъ, чтобъ имѣть много золота, но въ хорошемъ употребленіи онаго

Антисѳенъ. Въ свѣтѣ ничего нѣтъ страннаго, кромѣ порока.

Нужнѣйшая наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть предохранить себя отъ заразы дурныхъ примѣровъ.

Единое добро, коего похитить у насъ не возможно, есть удовольствіе, отъ добродѣтельнаго дѣянія произходящее.

Віонъ. Станемъ почитать старость: ибо мы всѣ къ ней стремимся.

Не скупой обладаетъ своимъ имѣніемъ; но имѣніе имъ.

Благоразуміе есть око мужества; оно замѣняетъ храбрость въ старикахъ; а храбрость въ молодыхъ людяхъ занимаетъ мѣсто благоразумія. И дѣйствительно, благоразуміе удаляетъ стариковъ отъ опасности, а храбрость извлекаетъ изъ оной молодыхъ людей.

Діогенъ. Стыдливость есть цвѣтъ добродѣтели.

Надѣжда есть послѣдняя вещь умирающая въ человѣкѣ.

Любовь есть времяпровожденіе праздныхъ людей.

Порочные повинуются своимъ страстямъ, подобно, какъ слуги господамъ своимъ.

Діогенъ часто простиралъ руку къ статуѣ, дабы пріучить себя къ отказамъ.

Зенонъ. Самые мудрые люди не во всемъ бываютъ мудры, и самые ученые не знаютъ иногда обыкновеннѣйшихъ вещей.

Послы нѣкоего Государя позвали Зенона къ себѣ на великолѣпной обѣдъ, и удивлялися, что онъ не говорилъ ни слова. Какъ они спросили его, что сказать имъ о немъ своему Государю: „Скажите ему, отвѣчалъ онъ, что вы видѣли старика, которой умѣетъ молчать на пиршествѣ.“

Аристотель. Корни наукъ горьки; но плоды ихъ сладки.

Ни что столь скоро не старѣется, какъ благодѣяніе.

Мотъ живетъ такъ, какъ бы ему скоро умрѣть надлежало, а скупой такъ, какъ будто бы онъ безсмертенъ.

Надѣжда есть сонъ неспящаго человѣка.

Заадій. Ты спрашиваешь, имѣетъ ли право жаловаться муравей, подъ ногою твоею находящійся? Конечно имѣетъ; естьли ты имѣешь право жаловаться, когда слонъ тебя раздавитъ.

Алмазъ, въ навозъ втоптанный, всегда будетъ алмазъ; а пыль, восхищенная вихремъ до небесъ, всегда будетъ пыль.

Думать, что слабый непріятель не можетъ намъ вредить, есть то же, какъ думать, что искра не можетъ произвести пожара.

Что есть языкъ въ устахъ добродѣтельнаго человѣка? Ключь отверзающій сокровище.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ АГЛИНСКАГО ЗРИТЕЛЯ.

Я не могъ отказать автору сего письма странную милость, о которой онъ меня просилъ, чтобъ сообщить оное читателямъ.

Г. Зритель!

Безъ всякаго предисловія признаюсь я вамъ откровенно, что я есмь, былъ отъ самаго моего младенчества, и кажется и впредь буду одинъ изъ величайшихъ лжецовъ Великобританіи. Я читалъ всѣхъ авторовъ, писавшихъ о сей матеріи; но разсужденія ихъ ни какого другаго дѣйствія не произвели надо мною, кромѣ того, что къ вящшему моему нещастію, снабдили они

70

меня новыми мыслями, и учинили способнымъ придавать видъ истинны скаскамъ моимъ, кои бы безъ того были совершенно безъ всякаго вѣроподобія. Не смотря на сію непобѣдимую склонность ко лжи, я смѣю сказать, что нѣтъ честнѣе меня человѣка, и нѣтъ лучшаго друга. Но воображеніе мое меня заноситъ, и о какой бы матеріи въ бѣседѣ ни заговорили, мнѣ приходитъ въ голову всегда столько странныхъ приключеній и удивительныхъ вещей, что я не могу преодолѣть себя, чтобъ ихъ не пересказать, хотя въ самое то же время, я думаю съ нѣкоторымъ стыдомъ, что могутъ примѣтить, что въ сказываемомъ мною нѣтъ ни капли правды.

Въ то время, какъ Полтавская баталія была предметомъ всеобщихъ разговоровъ, я не могъ преминуть, чтобъ не сдѣлать полнаго описанія сему знаменитому произшествію, и сказать, что сію подробность сооб-

щилъ мнѣ племянникъ мой. Сей молодой человѣкъ, котораго никогда на свѣтѣ не бывало, былъ посланъ родителями своими въ Россію торговать; но не имѣя къ тому склонности, пошелъ онъ волонтеромъ въ Россійскую армію, гдѣ вскорѣ отличился отмѣнною храбростію. Сей герой, коего я произвелъ на свѣтъ въ одинъ мигъ, спѣхнулъ съ лошади Шведскаго Полководца, и былъ причиною, что Россіяне съ такою храбростію и неустрашимостію побѣдили. Племянникъ же мой присоединялъ къ столь несравненному мужеству безподобную тихость и учтивость. Я имѣлъ отъ него письма, столь же подлинныя, какъ и онъ самъ, (оканчивая сіи слова, началъ я шарить въ карманахъ), въ коихъ свойство великаго преобразителя Россіи было съ точностію описано. Къ сему не устыдился я еще примолвить, что во время пребыванія *ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА* въ Депфордѣ, я имѣлъ

честь два или три раза въ недѣлю съ нимъ кушать, и ночевать въ одной комнатѣ. Но вотъ что всего хуже, что все, что бы ни сказали, подаетъ мнѣ поводъ къ новой лжи, въ которой нѣтъ по большой части ни ума, ни пріятности, и отъ которой нѣтъ мнѣ ни малой выгоды, такъ, что я и самъ не знаю, для чего лгу. На сихъ дняхъ, слыша похвалы одному славному Богослову, я тотчасъ сказалъ, что онъ бы гораздо лучшій и почтеннѣйшій видъ имѣлъ, естьли бы не былъ такъ бѣлокуръ. Всѣ, при томъ бывшіе, взглянувъ другъ на друга, улыбнулися. Послѣ того я вскорѣ увидѣлъ сію духовную особу: къ стыду моему волосы и глаза были у него черные, а лицо столь смуглое, какъ будто бы онъ лѣтъ десять шатался по полямъ съ Цыганами. Я всякой день слышу комплиментъ, что мнѣ ни кто не вѣритъ; но отъ етаго я не исправляюсь. Мѣсяца съ

два тому назадъ, разсказалъ я, не помню что, одному изъ моихъ пріятелей, которой отвѣчалъ мнѣ на то Цицероновою шуткою одному подобнаго мнѣ свойства человѣку. Сей сказавъ Римскому Оратору раза три или четыре почти сряду, что ему въ текущемъ мѣсяцѣ исполнилось сорокъ лѣтъ, получилъ отъ него въ отвѣтъ: „По истиннѣ, мнѣ кажется, что ты меня почитаешь самымъ нелегковѣрнымъ человѣкомъ, естьли думаешь, что я не повѣрю такой вещи, въ которой ты меня десять лѣтъ уже увѣряешь.„ Одно изъ моихъ нещастій состоитъ въ томъ, что я безмѣрное имѣю желаніе увѣрить всѣхъ, что я былъ очевидным свидѣтелемъ всѣхъ достопамятныхъ произшествій. Сія слабость часто ввергала меня въ недоумѣніе и въ хлопоты, которыя бы были гораздо многочисленнее, естьли бы я былъ человѣкъ злонравный. Но я добръ, и мнѣ никогда не случалося

оклеветать кого либо лично: я всегда довольствовался только сказать, что такой-то человѣкъ поносилъ такого-то, хотя сіе и совсемъ было не справедливо. Естьли при мнѣ скажутъ, что одинъ изъ моихъ пріятелей часто говоритъ глупости; то я не премину тотчасъ выдумать оныхъ съ дюжину, и скажу, что я ихъ отъ него самъ слышалъ. Однажды вздумалося мнѣ постараться исправиться отъ сего мерзкаго порока, и я вознамѣрился цѣлую недѣлю не говорить ни слова; но въ теченіе сего мучительнаго для меня времени, я сдѣлалъ столько выразительныхъ тѣлодвиженій, и употребилъ столь много иныхъ нѣмыхъ способовъ къ показанію того, что хотѣлъ сказать, что внутренно налгалъ гораздо больше, нежели когда нибудь. Я вамъ скажу вещь, весьма для меня огорчительную, въ разсужденіи того полезнаго употребленія, которое бы я могъ изъ нея сдѣлать;

ето есть то, что я ни когда не путешествовалъ; однако же трудно лучше меня говорить о иностранныхъ Государствахъ предъ людьми, мнѣ незнакомыми. Я проклинаю Нѣмецкіе постоялые дворы, не могу довольно похвалить Венеціянскихъ дѣвокъ, и прихожу въ восхищеніе отъ Французской вѣжливости: и хотя я ни когда не отъѣзжалъ далѣе 50 миль отъ Лондона; но раза два или три едва было въ Римѣ меня не зарѣзали за то, что я кидалъ страстные взгляды на любовницу нѣкоего Кардинала. Я ни когда бы не кончилъ; естьли бы сталъ вамъ разсказывать всѣ мои грубыя лжи: но могу васъ увѣрить, что я знаю въ семъ городѣ человѣкъ тридцать, или сорокъ, кои не уступятъ мнѣ въ томъ. Такимъ образомъ насъ столько, что мы можемъ составить особливое общество; и поелику намъ ни одна живая душа не вѣритъ; то сдѣлайте милость, напечатайте сіе пись-

мо, дабы мы могли соединиться, и составить корпусъ, коего одно изъ перьвыхъ правилъ будетъ то, что всякой членъ можетъ говорить, что ему угодно, и что ни кто изъ прочихъ не будетъ тому ни мало вѣрить. Естьли вы разсудите за благо; то мы назовемъ себя *Историками*; ибо названіе *лжеца* сдѣлалося омерзительно. И дабы прочіе люди насъ не презирали; то я покорно васъ прошу, различить *Историковъ* отъ *лжецовъ* обыкновенныхъ. Ежели по нещастію вы противъ ихъ предъубѣждены; то для объясненія я вамъ доложу, что *Историкъ* въ *бѣседѣ*, есть просто человѣкъ, столь богатое воображеніе имѣющій, что обыкновенные произшествія не могутъ удовлетворить онаго. Я знаю нѣкотораго Господина, которой не смотря на знатность свою, принадлежитъ къ нашему обществу. Ему по крайней мѣрѣ сорокъ три года, и онъ по Цицероновой шуткѣ давно уже

пребываетъ въ сихъ лѣтахъ. Нѣтъ на свѣтѣ другаго подобнаго ему романическаго ума. Какъ скоро хотя малой предстанетъ къ тому случай; то онъ выдумаетъ вамъ немедленно произшествіе, случившееся въ такомъ-то году и въ такомъ-то мѣстѣ, со множествомъ подробностей, удобныхъ прикрасить его повѣсть; все сіе объяснитъ онъ столь краснорѣчиво и такъ правдоподобно, что вы сочтете его за весьма искренняго и умнаго человѣка. Со всѣмъ тѣмъ, онъ удивительно скромокъ, когда говоритъ о самомъ себѣ. Я надѣюсь, по крайнѣй мѣрѣ, что ето не назовутъ ложью. Ничего нѣтъ поучительнѣе его выдумокъ; и сверхъ того онъ имѣетъ важный и почтенный видъ.

Я знаю еще другова весьма молодова *Историка*, коего бы мы могли принять въ наше общество, хотя онъ и не имѣетъ всей потребной для сего способности. Но мы бы

74

послѣдовали въ томъ примѣру нѣкоторыхъ родителей, кои, прежде, нежели дѣти ихъ удобны чему либо учиться, отдаютъ ихъ въ школу, для того только, что бы дома не случилося съ ними какого либо нещастія. То, что онъ разсказываетъ, не совсемъ безъ пріятности; ибо его единственная цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ забавляться самому, и забавлять другихъ своими рѣчами, ибо въ прочемъ онъ наилучшій въ свѣтѣ малой.

Я могъ бы вамъ назвать еще нѣкотораго Офицера, которой надѣлалъ множество знаменитыхъ подвиговъ, не видавъ никогда въ глаза непріятеля; у него совершенно нѣтъ воображенія, и онъ крайне глупъ: но поелику все, что онъ ни скажетъ, есть ложно; то намъ онъ необходимо надобенъ.

Мнѣ остается представить вамъ еще одинъ или два примѣра. Перьвой есть волокита, которой нахо-

дится теперь въ несказанномъ недоумѣніи и смертельномъ страхѣ, чтобъ городъ не узналъ о томъ, что произходило не давно у него съ одною изъ перьвыхъ знатнѣйшихъ красавицъ, которую онъ никогда не видывалъ. Однако же онъ иногда ободряетъ себя тою надѣждою, что горничная дѣвушка сей красавицы будетъ скромна; ибо, присовокупляетъ онъ, я ничего не пощажу, для побужденія ея къ молчанію, хотя бы то мнѣ всего моего имѣнія стоило, ибо любви должно всемъ жертвовать, даже престоломъ свѣта.

Другой примѣръ есть нѣкоторой купецъ, живущій не подалеку отъ биржи. Онъ лжетъ оптомъ и въ разницу. Онъ имѣетъ при всѣхъ дворахъ друзей, онъ знаетъ намѣренія всѣхъ Государей. Но увы! Къ чему служитъ то, что я признался въ слабости моей ко лжи, когда въ самое то время, какъ я оплакиваю мое нещастіе, описываю я знатнаго Гос-

75

подина, Офицера, волокиту и купца, кои ни гдѣ не существовали, кромѣ моего воображенія!

Однако же справедливо, и единая правда, которая изъ устъ моихъ давно не выходила, что я вашъ покорнѣйшій слуга.

О ХУДЫХЪ ПОСТУПКАХЪ НѢКОТОРЫХЪ ГОСПОДЪ СЪ ИХЪ СЛУГАМИ.

Переводъ изъ Зрителя.

Я весьма тронутъ частыми жалобами сей части рода человѣческаго, которая принуждена служить другимъ тварямъ такого же рода. Всѣ сіи жалобы обыкновенно содержатъ въ себѣ то, что тѣ, коимъ они служатъ, не хотятъ, чтобъ они были такъ щастливы, какъ бы ихъ состояніе могло имъ дозволить. Естьли вѣрить симъ нещастнымъ моимъ корреспондентамъ; то есть господа,

гнѣвающіеся за то, естьли они увидятъ радостное лицо у своихъ слугъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ пишетъ ко мнѣ, что когда онъ имѣетъ видъ довольной; то баринъ его спрашиваетъ всегда: чему, дуракъ, обрздовался? Ежели же когда ему случится показать нѣсколько печальное лицо; то непремѣнно поподчиваетъ его симъ вопросомъ: чемъ ета скотина недовольна; развѣ онъ не обутъ, не одѣтъ и не сытъ. — Словомъ: они живутъ очень непріятно. Одинъ не умѣетъ повелѣвать, а другой не умѣетъ повиноваться. Баринъ съ природы бранчивъ, и столь мало чувствуетъ удовольствія отъ изобилія, въ коемъ плаваетъ, что досадуетъ за то, какъ слуга, едва имѣющій сотую часть его дохода, смѣетъ казаться довольнымъ, когда онъ и несравненно большимъ не бывалъ никогда доволенъ. Вообще всякой кропотливой, и коему трудно угодить, заставляетъ чувствовать свое неудо-

вольствіе всѣхъ, отъ него зависящихъ; что весьма живо описано въ слѣдующемъ письмѣ.

Милостивый государь!

Господинъ, которому я служу, имѣетъ странныя свойства. Когда онъ что приказываетъ; то его любимая Риторическая фигура есть язвительная Иронія: на примѣръ, когда ему нужно, чтобъ я не забылъ какой вещи; то онъ, позвавъ меня, и сдѣлавъ лицо свое такъ, какъ онъ пріобыкъ его имѣть, когда подаетъ такія наставленія, скажетъ мнѣ: сіе должно забыть; слышишь ли ты? — Когда же должно мнѣ поскорѣе возвратиться; то онъ не преминетъ мнѣ сказать: пожалуй приходи часовъ чрезъ десять, и дорогою говори со всѣми знакомыми, съ которыми ты встрѣтишся. Другая его прекрасная привычка состоитъ въ томъ, что приказавъ мнѣ сдѣлать такую вещь, которую не

возможно мнѣ кончить прежде суток, кличетъ онъ меня разъ десять въ полчаса, и спрашиваетъ меня, что не уже ли я до сихъ поръ еще не кончилъ. Такъ-то онъ со мною поступаетъ! Сверьхъ того онъ такъ недовѣрчивъ, что вездѣ за нами присматриваетъ; и правду сказать, дѣлая насъ несчастливыми онъ и самъ не меньше насъ несчастливъ; одна розница, находящаяся между нами въ разсужденіи свободы и удовольствій, состоитъ въ томъ, что онъ бѣдный тюремный староста, а мы колодники. Онъ намъ разставляетъ сѣти, чтобъ какъ нибудь насъ сдѣлать виноватыми; и когда получитъ успѣхъ въ столь прекрасномъ намѣреніи; то бранитъ насъ такими словами, которыя я менѣе стыжусь сносить, нежели слышать ихъ изъ его господскихъ устъ. Таково, милостивый государь, въ короткихъ словахъ изображеніе моего господина, коему я служу девять лѣтъ. Хотя

я никогда не бывалъ передъ нимъ умышленно виноватъ, но будучи увѣренъ, что мнѣ ни какъ не можно ему угодить, перемѣнилъ я въ разсужденіи сего мое расположеніе: видя, что поступаютъ со мною строжае, нежели я того достоинъ, я впредь буду стараться болѣе то заслуживать. Въ прочемъ имѣю честь быть

М. Г.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Горемыкинъ.

Любезный Зритель!

Я занимаю мѣсто непосредственно подъ горничною дѣвушкою моей барыни, и слѣдовательно, вмѣсто одной имѣю двухъ госпожь. Та и другая обходятся со мною такъ, чтобъ я желала видѣть ихъ въ вашихъ листахъ. Барыня моя никогда сама съ собою не согласна, и перемѣняетъ мысли на одномъ часу разъ двадцать.

Она снимаетъ и надѣваетъ свои уборы безщотну, прежде нежели рѣшится въ чемъ ей быть остальную часть дня. Я стою въ углу ея уборной, и подаю все горничной ея. Когда барыня чего потребуетъ; то я приношу: но едва успѣю раза два шагнуть, какъ горничная, которая уже протягивала руку, чтобъ оное отъ меня взять, говоритъ мнѣ: нѣтъ, она этого не хочетъ. Я возвращаюсь назадъ, а горничная пойдетъ къ ней. Чрезъ минуту послѣ того, барыня потребуетъ того, сего, пятаго, десятаго, и надобно знать, въ одинъ мигъ: я бѣгу къ горничной, а она ко мнѣ. Набравъ полны руки платьевъ, отдаю я ихъ ей; но сіе кажется служитъ сигналомъ барынѣ моей сказать мнѣ, что ей ничего этаго не надобно, что мы обѣ дуры, что она нещастливѣйшая въ свѣтѣ женщина; и что она ни когда не одѣнется. Между тѣмъ, какъ мы не знаемъ что дѣлать, наша добрая госпожа

18

скажетъ намъ съ удивительнымъ спокойствіемъ духа, что она насъ прощаетъ, видя, что то мы сдѣлали не съ умысла, а отъ глупости. По томъ начинаетъ она сызнова одѣваться, любопытствуя весьма знать, будемъ ли мы столько умны, чтобъ угадать, чего она желаетъ. Когда она одѣнется; то пойдетъ за столъ, и расхуливъ всѣ блюда, велитъ закладывать карету, по томъ велитъ отложить, раздумавъ ѣхать: минуту спустя, вспомнитъ, что ей надобно необходимо выѣхать, и приказываетъ заложить каляску, а не карету. Я желала бы, любезный Зритель, чтобъ въ пользу всѣхъ дѣвушекъ, служащихъ вздорнымъ и безразсуднымъ госпожамъ, доказали вы въ вашихъ листахъ, что не всѣ вещи можно съ одинакою скоростію сдѣлать, и что когда насъ посылаютъ за какою нибудь вещію, то намъ ни какъ не льзя принести оную, не сходя съ мѣста.

Я желала бы также, чтобъ вы растолковали госпожамъ, что поелику они одного съ нами пола, то и не льзя, чтобъ не имѣли онѣ какихъ нибудь своихъ недостатковъ. Я есмь

Ваша доброжелательница П. П.

Дѣйствительно сіе есть весьма несправедливое дурачество. Я на сихъ дняхъ былъ свидѣтелемъ одного въ такомъ же вкусѣ, но гораздо смѣшнѣе. Одинъ весьма толстой человѣкъ попался мнѣ на улицѣ; онъ шелъ безъ кафтана въ разстегнутомъ камзолѣ такъ скоро, что почти задыхался: за нимъ шелъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати въ ливреѣ, и несъ плащь, кафтанъ, шляпу, парикъ и шпагу своего господина. Бѣдной сей мальчикъ насилу тащился отъ сей тяжелой ноши. Для ускоренія же шествія слуги, баринъ при всякихъ десяти шагахъ оглядывался, и

дабы ободрить его, говорилъ съ видомъ удивленія: кто видалъ такова лѣниваго бездѣльника? Весьма несправедливо и безразсудно поступаютъ тѣ господа, кои не хотятъ одну минуту стать на мѣсто людей, принужденныхъ исполнять ихъ повелѣнія. Но ни чего нѣтъ въ свѣтѣ столь обыкновеннаго, какъ видѣть дурака, коего бы ни кто не взялъ въ слуги, естьли бы онъ принужденъ былъ таковымъ быть, жалующагося на нещастіе свое, что слуги его совершенные скоты.

Сіе можетъ быть было бы непріятно многимъ; естьли бы я сталъ здѣсь утверждать, что кто не умѣетъ владѣть страстями своими, тотъ не можетъ повелѣвать людьми. Но весьма было бы прискорбно, естьли бы всѣ господа подобны были тѣмъ, о коихъ я сдѣсь говорилъ. *Памфилъ* весьма щастливъ въ своемъ домѣ, и щастіе его произходитъ отъ образа мыслей и поступокъ его въ разсуж-

денiи служителей его. Онъ во всѣхъ случаяхъ поставляетъ себя на ихъ мѣсто. Я намнясь былъ въ восхищенiи, обѣдая у него, отъ извиненiя, которое онъ представилъ, для чего мало слугъ было за столомъ: одинъ изъ моихъ слугъ, сказалъ онъ, пошелъ на свадьбу къ сестрѣ своей, а отъ другова я не могу еще требовать ни какихъ услугъ, по тому, что у него дни съ два тому назадъ умеръ отецъ.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Анекдоты
о
Сикстѣ V, Папѣ Римскомъ.

28. Когда СикстЪ былЪ еще простымЪ монахомЪ, и жилЪ въ монастырѣ МочератскомЪ; то въ одинЪ день пошелЪ онЪ къ сапожнику купить себѣ башмаки. По долговременномЪ торгованіи, сапожникЪ уступилЪ ихЪ ему за семь юліевЪ; братЪ же ФеликсЪ не хотѣлЪ дать ему больше шести, и просилЪ его уступить ему ихЪ за сію цѣну, примолвя,

что онъ можетъ быть нѣкогда будетъ въ состояніи заплатить ему и седьмой юлій: но когда ты мнѣ его отдашь, сказалъ сапожникъ; развѣ тогда, какъ будешь Папою? Естьли бы ты хотѣлъ потерпѣть до того времени, отвѣчалъ Феликсъ; то бы я возвратилъ его тебѣ и съ процентами. Сапожникъ засмѣялся и сказалъ: я вижу въ тебѣ такое желаніе быть Папою, что соглашаюсь ждать до того срока, и отдалъ ему башмаки. Братъ Феликсъ записалъ его имя, и обѣщалъ вспомнить въ свое время о заключенномъ торгѣ. Пришедъ въ келью, внесъ онъ сіе приключеніе въ журналъ, въ которой записывалъ все, что съ нимъ ежедневно случалося. Сдѣлавшись Папою, онъ иногда съ удовольствіемъ читалъ сей журналъ, которой приводилъ ему на память всѣ произшествія его жизни. Въ одинъ день, пересматривая сей журналъ, попалось ему приключеніе его съ сапожникомъ,

и онъ приказалъ немедленно справиться о немъ. Губернаторъ Мочератскій отправилъ его въ Римъ, не сказывая ему причины такова путешествія. Сапожникъ забылъ уже болѣе сорока лѣтъ о башмакахъ и о юліи, коимъ долженъ ему остался Феликсъ, и не могъ понять, за чемъ его везутъ, и умиралъ отъ страха, подъѣзжая къ Риму. Какъ скоро онъ пріѣхалъ; то повели его къ Его Святѣйшеству, которой спросилъ у него, не видалъ ли онъ его когда нибудь въ Мочератѣ. Сей бѣднякъ, дрожа отъ страха, сказалъ, что нѣтъ. Какъ нѣтъ, примолвилъ Сикстъ; развѣ ты не помнишь, что я у тебя купилъ башмаки? Сапожникъ пришедъ въ вящшее изумленіе, только что подымалъ плеча, трясъ головою, и сими тѣлодвиженіями показывалъ, что онъ отнюдь не помнитъ того, о чемъ его спрашивали. Ну, такъ ежели ты не помнишь, отвѣчалъ Папа; такъ я помню, что я твой

92

должникъ, и я тебя велѣлъ сюда привести нарочно для того, чтобъ заплатить тебѣ мой долгъ. Сіи слова еще умножили удивленіе сапожника, такъ, что онъ не могъ промолвить ни одного слова; наконецъ Сикстъ слѣдующимъ образомъ вывелъ его изъ недоумѣнія. Ты мнѣ продалъ нѣкогда пару башмаковъ, сказалъ онъ ему, и повѣрилъ мнѣ въ долгъ одинъ юлій, которой обѣщался я тебѣ заплатить съ процентами, когда буду Папою; а поелику я теперь сталъ онымъ: то справедливость требуетъ, чтобъ я сдержалъ свое слово. Сказавъ сіе, послалъ онъ за своимъ Казначеемъ, и сказалъ ему: поди, сочти, сколько должно въ теченіе сорока лѣтъ заплатить на одинъ юлій процентовъ, щитая по пяти на сто, и сдѣлавъ сіе, выдай сію сумму и съ главнымъ долгомъ сему человѣку. Послѣ сего отпустилъ онъ сапожника и приказалъ Казначею примѣтить, будетъ ли онъ доволенъ

сею заплатою. Сапожникъ вышелъ отъ Папы въ тѣхъ мысляхъ, что получитъ великую сумму; но увидя, что Казначей далъ ему только три юлія, пошелъ онъ съ великимъ неудовольствіемъ и роптаніемъ, и встрѣтясь вышедъ изъ Дворца со многими своими земляками, кои нетерпѣливо его дожидались, желая знать, за чемъ Сикстъ его призывалъ, онъ сказалъ имъ, что Его Святѣйшество выписывалъ его въ Римъ только затѣмъ, чтобъ заплатить ему три юлія, и жаловался, что для такой бездѣлицы, заставили его предпринять такое путешествіе, которое стоило уже ему болѣе двадцати ефимковъ, не щитая того, что должно издержать ему на возвратномъ пути. Сикстъ весьма смѣялся, услыша чрезъ своихъ шпіоновъ жалобы сапожника, которой, выходя изъ Ри[illegible], держалъ еще свои три юлія въ рукѣ, и ропталъ на сей столь разорительной для него поступокъ. Едва

выѣхалъ онъ за городъ, какъ получилъ повелѣніе возвратиться къ Папѣ, которой спросилъ у него, имѣетъ ли онъ сына. По щастію у сапожника сего былъ сынъ монахомъ, которой сверьхъ сего былъ весьма примѣрнаго житія Священникъ. Сикстъ приказалъ отцу выписать его въ Римъ до отъѣзда его, и далъ ему небольшое Епископство въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. По томъ сказалъ сапожнику: теперь сочти снова, и посмотри, такъ ли я тебѣ, какъ должно, заплатилъ проценты за твой іолій.

29. Шутка, сыгранная имъ надъ однимъ Августинскимъ монахомъ, не меньше забавна. Когда еще онъ находился въ монастырѣ; то, путешествуя нѣкогда остановился на ночлегъ въ небольшемъ Августинскомъ монастырѣ, не желая, по нѣкоторымъ особливымъ причинамъ, останавливаться въ монастыряхъ своего ордена. Игуменъ, по имяни отецъ

Салвіати, весьма хорошо его принялъ, и поелику гостинница была безпокойна; то онъ раздѣлилъ съ нимъ свою постѣлю. Феликсъ на другой день поутру, отправляясь въ путь, попросилъ у него въ займы подъ росписку четыре ефимка, и обѣщался, какъ можно скорѣе возвратить: въ самомъ ли дѣлѣ имѣлъ онъ нужду въ деньгахъ, или желалъ только испытать щедрость сего человѣка, сіе неизвѣстно. Салвіати далъ ему сіи деньги; но Феликсъ написалъ росписку необыкновенною своею рукою, и подписалъ ложное имя. Августинецъ, не слыша о должникѣ своемъ долгое время ни какого извѣстія, освѣдомлялся у монаховъ Францискаскаго ордена, гдѣ находится такой то ихъ собратъ, коего назвалъ онъ именемъ, подписаннымъ Феликсомъ въ роспискѣ; но не могъ получить отъ нихъ ни малѣйшаго объ немъ объясненія: ибо въ ихъ орденѣ ни одного монаха сего имени не нахо-

84

дилося. Сикстъ сдѣлавшись Папою, вспомнилъ о семъ приключеніи посредствомъ своего журнала. Онъ немѣдленно приказалъ начальнику Августинскаго ордена, прислать поскорѣе въ Римъ отца Салвіати, естьли онъ еще находится въ живыхъ. Сей монахъ былъ тогда въ великой ссорѣ съ своимъ Епископомъ, которой приносилъ даже на него жалобу Кардинальской конгрегаціи. Начальникъ получивъ такое повелѣніе, думалъ, что Папа посылаетъ за Салвіати съ тѣмъ, чтобъ его наказать по жалобѣ на него Епископа; однакоже онъ повиновался сему повелѣнію, опасаясь раздражить Папу, и отправилъ сего старца съ четырью монахами, кои въ дорогѣ карaулили его, какъ самые исправные разсыльщики. Епископъ узнавъ, какимъ образомъ везли въ Римъ Салвіати по Папскому указу, весьма тому обрадовался, будучи увѣренъ, что его везутъ въ тюрьму, и стамутъ судить въ слѣдствіе жалобъ,

принесенныхъ имъ конгрегаціи. Какъ скоро Салвіати пріѣхалъ въ Римъ; то начальникъ его повелъ къ Папѣ: но Папа начальника отпустилъ, а Салвіати одного позвалъ въ свою комнату. Сей бѣдный старецъ отъ страха едва имѣя силу говорить, будучи въ тѣхъ мысляхъ, что онъ призвалъ за ссору его съ Епископомъ, извинялся, какъ могъ лучше, и старался показать свою невинность. Сикстъ, неслыхавшій ни когда о сей ссорѣ, притворялся однако же, что извѣстенъ о ней, и сказалъ ему важнымъ и строгимъ голосомъ: я знаю, что ты виноватъ, и что вышелъ изъ почтенія къ своему Епископу, которой есть весьма достойной Архипастырь; но я призвалъ тебя сюды за другимъ дѣломъ. Говорятъ, что ты расточаешь монастырскія деньги: я хочу чтобъ ты далъ мнѣ вѣрный въ нихъ отчетъ; но преждѣ должно, чтобъ ты мнѣ въ томъ признался. Салвіати нѣсколько успокоился, уви-

дя, что дѣло идетъ только о семъ отчетѣ, которой кромѣ чести не могъ ему ни чего принести, по тому, что онъ своимъ добрымъ хозяйствомъ, усугубилъ имѣніе сего монастыря, и такъ сказалъ Папѣ съ великимъ смиреніемъ, что онъ подвергается всякому наказанію, какое только угодно будетъ Его Святѣйшеству на него наложить, въ случаѣ, ежели онъ окажется въ семъ виноватымъ. Сикстъ отвѣчалъ ему съ притворнымъ гнѣвомъ: берегись, ты не правду мнѣ говоришь; ибо я имѣю въ рукахъ, чемъ тебя уличить. Салвіати будучи увѣренъ въ своей невинности, пожалъ только плечами: ибо Сикстъ, не давъ ему времяни отвѣчать, примолвилъ: не правда ли, что будучи намѣстникомъ въ 1564 году далъ ты одному проѣзжающему Францисканскаго ордена монаху четыре ефимка: такъ я теперь спрашиваю у тебя, могъ ли ты располагать такимъ образомъ монастырскими день-

гами. Салвіати тотчасъ о томъ вспомнилъ; но не могъ никакъ себѣ представить, чтобъ Сикстъ былъ тотъ самой монахъ, котораго онъ ссудилъ помянутыми деньгами, и сказалъ ему: ето правда, Святѣйшій отецъ, и я бы далъ ему еще и больше, естьли бы онъ попросилъ, по тому, что сей старецъ показался мнѣ человѣкомъ весьма достойнымъ и заслуживающимъ, чтобъ я его одолжилъ; но послѣ я узналъ, что ето былъ обманщикъ, по тому, что онъ мнѣ далъ росписку подъ чужимъ именемъ, и о коемъ я послѣ ни чего не могъ свѣдать. Папа засмѣявшись сказалъ ему: не прилагай теперь тщетнаго труда искать его; ты въ томъ не успѣешь; но онъ поручилъ мнѣ заплатить тебѣ сей долгъ, и поблагодарить за одолженіе. Доволенъ ли ты, что я заступилъ его мѣсто, и сдѣлался твоимъ должникомъ? Салвіати началъ думать, что Папа былъ тотъ самой, кото-

86

раго онъ почтилъ обманщикомъ, и присматриваясь къ нему внимательнѣе, нашелъ въ немъ тѣ самыя черты. Естьли обрадовался онъ, услыша послѣднія слова Папы, столь обязательныя; то больше еще того испугался, чтобъ онъ его не наказалъ, за обидныя слова, коими онъ его назвалъ. Сикстъ, примѣтя его смятеніе, и желая воздать ему за оказанную ему услугу, поднялъ его, и сказалъ: время уже засвидѣтельствовать тебѣ мою благодарность, по тому, что я самой тотъ монахъ, коего ты такъ великодушно одолжилъ, и поелику ты уступилъ мнѣ въ то время половину своей кельи; то по справедливости долженъ и я тебѣ дать комнату въ моемъ Дворцѣ. По томъ немедленно послалъ онъ за Кардиналомъ Монтальтомъ своимъ племянникомъ, и приказалъ ему отвести Салвіати комнату, и приглашать его обѣдать къ своему столу, пока онъ расположитъ о немъ

иначе. Во все время пребыванія Салвіати въ Римѣ, что продолжалось мѣсяцъ, Папа ежедневно съ нимъ видѣлся, для того, чтобъ узнать его способности и склонности. Наконецъ далъ ему большое Епископское мѣсто въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Что заставило Пасквина сказать, что Епископства стоятъ не болѣе, какъ по четыре ефимка штука.

30. Іезуиты, кои совершенно управляли покойнымъ Папою, всячески старалися взять то же надвластіе и надъ симъ: они часто забавляли молодаго Кардинала Монтальта веселыми зрѣлищами, надѣясь, что привязавъ его къ себѣ, склонятъ они его уговорить Папу, чтобъ онъ выбралъ къ себѣ въ духовники кого нибудь изъ ихъ ордена. Однажды онъ выбралъ удобной часъ, для предложенія ему сего; но Сикстъ выслушавъ его, отвѣчалъ съ важнымъ видомъ: гораздо бы лучше

было, другъ мой, естьли бы я взялся исповѣдывать Іезуитовъ, нежели итти къ нимъ самому на исповѣдь. Его Святѣйшество по прозбѣ ихъ поѣхалъ однажды служить обѣдню въ ихъ монастырь, въ которомъ ученики наговорили въ его присутствіе множество похвальныхъ Латинскихъ стиховъ предшественнику его, отъ коего ихъ общество получало великія благодѣянія. Папа, выслушавъ сихъ дѣтей съ великимъ вниманіемъ, обратился къ Іезуитамъ, и сказалъ имъ: вы конечно думаете, что говорите съ Папою Григоріемъ; но вы обманываетесь: ибо меня зовутъ Сикстомъ, и я вамъ обѣщаюсь, употребить въ пользу мою слабости моего предшественника. Іезуиты просили его чрезъ нѣсколько времени по томъ, сдѣлать имъ честь своимъ присутствіемъ при нѣкоторомъ торжествѣ, въ ихъ церкви произходившемъ. Папа отслушавъ у нихъ

обѣдню, пошелъ по всему монастырю. Они дали ему замѣтить чистоту ихъ поварни и трапезы; но Сикстъ сказалъ имъ тогда: я бы лучше желалъ посмотрѣть вашу казну. Ректоръ отвѣчалъ ему, что они не были ни когда такъ бѣдны, какъ въ то время. Тѣмъ лучше для васъ, отцы святые, отвѣчалъ имъ Папа; чемъ бѣднѣе вы будете, тѣмъ лучше.

31. Въ одно утро увидѣли въ Римѣ Пасквина (*) въ черной и замасленой рубашкѣ; Марморію (**) спрашивалъ у него о причинѣ такого неопрятства, а Пасквинъ ему отвѣтствовалъ: ето отъ того, что прачка моя сдѣлалась Принцессою, разумѣя подъ тѣмъ Синвору Камиллу, сестру Сикстову, которая и дѣйствительно прежде мыла бѣлье. Папа узнавъ о сей язвительной насмѣшкѣ, приказалъ строжайшимъ образомъ искать автора

(*) Статуя.
(**) Другая статуя.

сего пасквиля; но не могши его найти, приказалъ онъ обнародовать при играніи трубъ, что онъ даетъ честное слово, даровать жизнь, и сверьхъ того пожалуетъ двѣ тысячи пистолей, тому, кто сдѣлалъ сію шутку, съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ пришелъ признаться въ своей винѣ. Хотя выдумавшій сію насмѣшку одинъ только зналъ сію тайну; но двѣ тысячи пистолей соблазнили его, и онъ пришедъ къ Папѣ, признался. Сикстъ, удивленный такою смѣлостію, сказалъ ему: я долженъ сдержать данное мною слово; я дарую тебя жизнію, и даю сверьхъ того сей часъ обѣщанныя мною деньги. И дѣйствительно, онъ немедленно велѣлъ отщитать ему двѣ тысячи пистолей, и спросивъ у него, доволенъ ли онъ имъ, примолвилъ: ты видишь, съ какою точностію я исполняю мои обѣщанія, и что я съ тобою теперь поквитался; но я оставилъ также себѣ власть велѣть

отрубить тебѣ руки, и отрѣзать языкъ, что бы ты впередъ не могъ ни писать ни произносить такихъ дерзскихъ ругательствъ. Онъ немедлѣнно приказалъ отрубить ему руки, и проколоть языкъ горячимъ желѣзомъ; не столько за то, что онъ его обругалъ, какъ за дерзость, съ какою онъ предсталъ предъ него, для полученія двухъ тысячь пистолей.

32. Одинъ Неаполитанской стихотворецъ, жившій въ Римѣ около сего же времени, выпустилъ похвальные стихи нѣкоторымъ Римскимъ госпожамъ, въ числѣ коихъ была одна весьма добродѣтельная женщина, жена одного адвоката, котораго господинъ стихотворецъ не жаловалъ, и для того-то, насказавъ много похвалъ сей женщинѣ, оканчевалъ онъ стихи свои о ней слѣдующимъ образомъ:

Но въ прочемъ никому нѣтъ отъ нее отказа.

89

Копія сихъ стиховъ, кои носилися по городу, попалася въ руки мужу. Онъ принесъ ея къ Папѣ, которой немедлѣнно приказалъ Полиціймейстеру сыскать сего стихотворца, и привести къ нему, желая допросить его лично, и узнать отъ него самаго истинну сего обвиненія. Адвокатъ, боясь, чтобъ сей человѣкъ не бѣжалъ, и чрезъ то не отнялъ бы случай къ отмщенію, такое приложилъ о сысканіи его стараніе, что его въ самой тотъ же вечеръ арестовали. Сей нещастный весьма удивился, видя себя окруженнаго полицейскими, кои вели его къ Папѣ: хотя и не вѣдалъ онъ причины своего нещастія; но совѣсть начала его упрекать въ его преступленіи. Папа держалъ въ рукѣ копію сихъ стиховъ, и спросилъ у него, онъ ли былъ авторъ оныхъ. Сей человѣкъ въ томъ признался. Сикстъ велѣлъ ему по томъ прочитать самому до того мѣста, гдѣ онъ об-

ругалъ помянутую женщину, и по томъ приказавъ ему положить бумагу сію, спросилъ у него, что побудило его замарать такимъ образомъ честную женщину. Виноватый отвѣчалъ, что все, что ни было ругательнаго противъ нея въ его стихахъ, было дѣйствіе одной только стихотворческой вольности, что сія вольность давалася во всякое время Піитамъ и Живописцамъ, и что, наконецъ, онъ учинилъ сіе для того, что необходимость рифмы того требовала. Всѣ предстоящіе не могли удержаться отъ смѣха, слыша столь странное извиненіе, выключая Папы, которой отвѣчалъ ему важнымъ голосомъ: естьли ваша братья мѣлкотравчатые стихотворцы имѣютъ вольность дѣлать такіе стихи; то мнѣ кажется, что и Папы могутъ пользоваться такимъ же правомъ. Посмотримъ же, могу ли я еще сочинять стихи, и располагать по моему вкусу: но томъ подумавъ не

90

много, сказалъ онъ слѣдующіе два стиха:

Ты стоишь, господинъ Матере, (*)
Гребцомъ быть на галерѣ.

Что и было исполнено.

33. Прогуливаясь однажды по городу, остановился онъ у воротъ одного монастыря, которые были отворены. Взошедъ въ келью придверника, нашелъ передъ нимъ блюдо бобовъ, вареныхъ съ поснымъ масломъ. Бѣдность сего обѣда привела ему на мысль прежнее его состояніе; онъ сѣлъ на лѣстницѣ подлѣ сего брата: и помогалъ ему ѣсть бобы съ великимъ апетитомъ, и съѣвъ сію порцію, послалъ за другою. Люди его свиты весьма удивилися сему дѣянію; но Сикстъ не смотря на то, продолжалъ ѣсть бобы деревянною ложкою; по томъ поблагодаривъ за угощеніе, обратился къ своимъ людямъ и сказалъ имъ: етотъ обѣдъ прибавилъ мнѣ два

(*) Сіе былъ имя того стихотворца.

года жизни; ибо я поѣлъ съ охотою, и безъ всякаго страха и недовѣрчивости. Онъ приказалъ поставить въ Священники сего брата, столь хорошо его угостившаго, и сказалъ ему, благословляя его: я былъ нѣкогда въ томъ состояніи, въ которомъ ты теперь находишся; постарайся же и ты быть со временемъ тѣмъ, что я есмь теперь.

34. Одинъ Лѣкарь, Сиракузской урожденецъ, называемой Мони, женился двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія, на нѣкоторой дѣвушкѣ, которая не очень была достаточна; но проживъ съ нею только три года, и промотавъ все ея имѣніе, уѣхалъ отъ нее въ Неаполь, и тамъ женился на одной непотребнаго поведенія женщинѣ, за которою взялъ болѣе десяти тысячь ефимковъ приданаго. Поживъ съ нею также три года, и промотавъ всѣ ея деньги, оставилъ онъ ея, и уѣхалъ въ Венецію, гдѣ по двухъ-мѣсячномъ пре-

бываніи умѣлъ притти въ любовь къ вдовѣ одного портнаго, не давно предъ тѣмъ умершаго, и которой оставилъ ей четыре тысячи ефимковъ. Сія женщина думая, что нашла великое благополучіе, вышедъ за мужъ за человѣка, коего званіе было знатнѣе ее перьваго мужа, ввѣрила всѣ свои деньги сему бездѣльнику, которой не больше трехъ мѣсяцовъ съ нею проживъ, забралъ все ея имѣніе, и уѣхалъ отъ нея въ Римъ. Онъ зналъ нѣкоторые шарлатанскіе секреты, чрезъ кои пришелъ въ славу; не помышляя ни мало о строгости Папы. Онъ еще и того меньше заботился о трехъ женахъ, имъ обманутыхъ, и перемѣня имя свое, готовился жениться на четвертой: но въ самое то время, какъ онъ пріѣхалъ для вѣнчанія въ церьковь, взошелъ въ оную братъ жены его, которую онъ оставилъ въ Венеціи. Онъ узналъ его, и когда по совершеніи брачной церемоніи всѣ пошли

изъ церькви; то онъ слѣдовалъ за нимъ изъ дали до самаго того дома, въ которой онъ пріѣхалъ съ молодою своею женою. По томъ пошелъ донести о всемъ томъ Губернатору Римскому. Молодаго арестовали въ ту самую минуту, какъ онъ готовился лѣчь въ постѣлю. Папа, услыша о семъ произшествіи, полюбопытствовалъ допросить самъ сего обманщика, которой отвѣчалъ ему такимъ образомъ: я признаюсь, Святѣйшій отецъ, что женясь въ Сиракузахъ на первой моей женѣ, не знавъ ея коротко, я нашелъ въ ней столь дурной нравъ, что ни какъ не могъ съ нею ужиться. Оставя ея пріѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ женился на другой; но она вела столь распутную жизнь, что я, не простясь съ ней, уѣхалъ отъ нея. Послѣ того удалился я въ Венецію, гдѣ нечаянной случай представилъ мнѣ третью жену, но столь своенравную и злую, что я принужденъ былъ съ нею

разстаться. Вчера я женился на четвертой, которую я знаю нѣсколько еще дней, и не думаю и съ етою долго прожить. Сикстъ отвѣчалъ ему: поелику на семъ свѣтѣ нѣтъ столько женщинъ, чтобъ ты могъ изъ нихъ избрать себѣ по своему обычаю; то я хочу тебя отправить на тотъ свѣтъ, гдѣ ихъ несравненно больше. По семъ велѣлъ онъ немедлѣнно его повѣсить, что на другой же день и было исполнено.

35. Онъ велѣлъ напечатать Италіянской переводъ Библіи съ весьма пространною буллою, или граматою, въ которой содержалося повелѣніе оной переводъ обнародовать. Нѣкоторые Кардиналы представляли ему, что сей переводъ былъ нѣкоторымъ образомъ соблазнителенъ, по тому, что еретики употребляютъ тѣ же самые способы, для развращенія народа, учиня оному надмѣру вразумительнымъ Святое писаніе; но Сикстъ отвѣчалъ имъ: ето

для васъ невѣждъ, кои не разумѣютъ по Латинѣ, велѣлъ я сдѣлать сей переводъ.

36. Филиппъ второй, Король Гишпанской, будучи жестоко раздраженъ Сикстомъ пятымъ, вознамѣрился по совѣту нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ, созвать соборъ Національный, составленный изъ Епископовъ и законоучителей своего Государства, и на ономъ избрать новаго Папу; онъ далъ повелѣніе своему Посланнику сообщить о семъ Кардиналамъ, наиболѣе ему преданнымъ. Они положили вмѣстѣ избрать какое нибудь торжество, при коемъ будетъ присутствовать Папа, для объясненія ему о семъ соборѣ. Для сего избрали 26 число Декабря, въ которой день Папа долженствовалъ шествовать по городу. Сикстъ узналъ чрезъ своихъ шпіоновъ о всѣхъ подробностяхъ сего намѣренія въ вечеру, на канунѣ сего шествія, и тотчасъ послалъ за Губернаторомъ

93

Римскимъ и за двумя Церемоніймейстерами, кои ему донесли, что къ завтрешнему дню все было готово. Я желаю, сказалъ онъ имъ, чтобъ вы перемѣнили порядокъ шествія: вы, господинъ Губернаторъ, пойдете непосредственно предо мною, въ предшествіи двухъ сотъ Сбировъ (*), которые чтобъ шли по четыре въ рядъ. Вы пойдете предъ четырью послѣдними, между коими пойдетъ палачь съ веревкою въ рукахъ; и естьли кто нибудь осмѣлится остановить меня на дорогѣ, чтобъ подать мнѣ прошеніе; то я приказываю, чтобъ безъ всякаго суда онъ былъ въ ту же минуту удавленъ, хотя бы то былъ Принцъ, Кардиналъ, или Посланникъ. Сей приказъ былъ исполненъ. Не вѣроятно бы почти показалося, что въ такой торжественный день палачь шелъ между Сбирами, безъ одной Пасквиновой

(*) Такъ въ Римѣ называются Полицейскіе служители.

шутки, котораго одѣли курьеромъ, и всунули въ руку письмо съ сею надписью: знаменитому господину *Джиголо* (сіе было имя палача), Екзекутору Его Свящѣйшества, живущему съ духовными особами при Дворѣ Римскомъ. Что жъ касается до Гишпанскаго Посланника и Кардиналовъ его партіи; то они во весь тотъ день не смѣли выйти изъ домовъ своихъ.

37. Онъ не стыдился ни когда бѣдности своихъ родственниковъ, и даже относилъ оную къ своей чести. Сдѣлавшись Папою, услышалъ онъ нѣкогда разговоры о знатнѣйшихъ въ Италіи домахъ: что до меня касается; то мой домъ еще сихъ знатнѣе, сказалъ онъ. Домъ моего отца до половины раскрытъ, стѣны сдѣланы въ немъ изъ плетня, такъ, что Солнце входитъ въ него со всѣхъ сторонъ, и я могу сказать и похвастать, что домъ отца моего есть блистательнѣйшій изъ

94

всѣхъ въ Европѣ. Когда Синьора Камилла, сестра сего Папы, пріѣхала въ Римъ; то Кардиналы Медицисъ, д' Естъ и Александринъ выѣхали къ ней на встрѣчу, и прежде представленія ея къ Папѣ, отвезли ея въ ближайшій домъ, и тамъ одѣвъ ея какъ Принцессу, думали чрезъ то угодить Сиксту, которой любилъ весьма горячо сію сестру, такъ, что при нихъ много разъ показывалъ нетерпѣніе ея видѣть. Сіи Кардиналы повезли ея въ семъ убранствѣ къ Папѣ, которой узнавъ, что она въ Ватиканскомъ Дворцѣ, велѣлъ немедлѣнно представить ее предъ себя; но увидя ея столь великолѣпно наряженною, притворился, что ея не знаетъ, и не переставалъ спрашивать, гдѣ она. Кардиналъ Александринъ, которой велъ за руку Камиллу, представилъ ее ему, сказавъ: вотъ она, Святѣйшій отецъ. Но Сикстъ съ презрѣніемъ отвѣчалъ: я имѣю одну только сестру, которая есть бѣдная

крестьянка въ Монтальтѣ, и которую я не вижу въ платьѣ Принцессы Римской; но естьли бы она предстала предъ меня въ такомъ видѣ, какъ она ходитъ въ своей деревнѣ; то тогда бы я ее узналъ. Сказавъ сіе пошелъ онъ въ другую комнату. Камилла на другой день пріѣхала къ Папѣ въ своемъ обыкновенномъ платьѣ. Сикстъ, какъ скоро ея увидѣлъ, то обнобызалъ съ нѣжностію, и сказалъ ей: теперь ты моя настоящая сестра, и я не хочу, чтобъ кто другой кромѣ меня пожаловалъ тебя Принцессою.

Сикстъ умеръ 27 Августа 1590 года, на 70 году отъ рожденія. Царствовалъ 5 лѣтъ, 4 мѣсяца и 3 дни.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ
О
Вывозѣ изъ Африки Негровъ или Араповъ на Вестъ-Индійскіе острова.

Переведено съ Аглинскаго.

Естьли частныя нещастія заслуживаютъ всеобщее вниманіе; то какого дѣйствія должны мы ожидать отъ злощастія многихъ милiоновъ людей, сихъ невинныхъ жертвъ любостяжанія Европейцовъ и преступнаго злоупотребленія, дѣлаемаго ими изъ дарованій своихъ и ума? Но я не токмо именемъ человѣчества вопію противъ варварскаго обычая, которой есть верьхъ нашей несправедливости; но яко Агличанинъ и яко Христіянинъ, послѣдователь Бога кротости и милосердія, коего вся жизнь на землѣ была ничто иное, какъ безпрерывная цѣпь благости и любви: читатель угадаетъ, что я хочу говорить о вывозѣ Негровъ; и для чего же не слѣдовать путемъ уже

проложеннымъ? Извѣстно, что два Квакѣра посредствомъ усильныхъ настояній достигли до того, что уничтожили сей варварской торгъ въ одномъ изъ своихъ собраній, и съ такимъ успѣхомъ, что ни одинъ членъ сей секты не оставилъ у себя ни одного невольника во всей Сѣверной Америкѣ.

Комерція между Европейцами и Африканцами установилася въ 1481 году, съ начала положено было продавать намъ однихъ только къ смерти приговоренныхъ преступниковъ и военноплѣнныхъ: но требованія съ одной стороны были такъ велики, а торгъ съ другой стороны столь прибыточенъ, что не смотря на всѣ несправедливыя осужденія, коими Африканскіе Царьки премѣняли въ уголовное преступленіе самомалѣйшія подозрѣнія. Европейцы согласились покупать еще и такихъ Негровъ; кои будутъ имъ преданы властію Государя ихъ, и даже и тѣхъ, коихъ

96

торгующіе осмѣлятся украсть: таковы то суть ненавистные способы, употребляемые въ теченіе трехъ вѣковъ, для снабженія нашихъ колоній Неграми. Въ 1570 году Сиръ Джонъ Аткинсъ вооружилъ два корабля, въ намѣреніи завладѣть жителями зеленаго мыса; но сіи нещастные, предвидѣвшіе свой жребій, ушли во внутренность своей земли, Аткансъ за ними погнался, они противъ его оборонялися, и онъ потерялъ семь человѣкъ прежде, нежели могъ овладѣть десятью человѣками.

Когда Король Барсальской (говоритъ Г. Муръ, Факторъ Африканской компаніи) имѣетъ нужду въ водкѣ, или въ какой либо иной вещи; то онъ даетъ знать о томъ Аглинскому Коменданту крѣпости Святаго Джемса, и къ нему отправляютъ немедлѣнно небольшое судно; какъ скоро Король оное усмотритъ; то нападаетъ военною рукою на какіе либо сосѣдніе города, дабы достать плѣн-

никовъ, и часто безъ зазрѣнія совѣсти отдаетъ намъ своихъ собственныхъ подданныхъ.

Французы производили сей торгъ почти такимъ же образомъ. Я писалъ къ Королю, говоритъ Г. Брю, что я готовъ съ нимъ торговаться, естьли у него есть довольное количество невольниковъ; онъ отвѣчаетъ мнѣ, что дастъ три ста человѣкъ своихъ подданныхъ въ промѣнъ на мои товары. Въ журналѣ Г. Барбота, другаго Французскаго Фактора, читаютъ слѣдующее: многіе изъ невольниковъ, Неграми проданныхъ, суть военноплѣнные, и купцы продаютъ намъ такъ же великое число обоего пола рабятъ, коихъ крадутъ они на большихъ дорогахъ, въ лѣсахъ, а особливо на поляхъ, куды родители посылаютъ ихъ для спугиванія птицъ.

Вотъ выписки изъ двухъ путешествій въ Гвинею за симъ вывозомъ; первая отъ слова до слова

97

взята изъ подлинной рукописи корабельнаго Лѣкаря.

Изъ Сестро 29 Декабря 1724 года. Нынѣшній день не было ни какого дѣла, хотя многіе купцы и приходили на корабль; они сказали намъ, что ихъ люди отправились воевать внутрь земли, и что приведутъ намъ плѣнниковъ чрезъ два или три дни; въ сей надеждѣ остаемся мы здѣсь.

30. Сего дня также не было ни какого дѣла; но купцы наши опять приходили извѣстить насъ, что ихъ люди сожгли четыре города; завтра мы ожидаемъ плѣнныхъ.

31. Погода очень хороша; но все нѣтъ еще дѣла: каждую ночь видимъ мы города въ огнѣ; но мы получили извѣстіе, что многіе изъ жителей Сестро были убиты внутренними Неграми, и опасалися, чтобъ сія война не была совсемъ безуспѣшна.

2 Генваря. Мы видѣли ночью ужасной пожаръ, а поутру сего дня

усмотрѣли, что городъ Сестро совершенно созженъ; и такъ непріятели остались побѣдителями, и наша торговля совершенно въ сей сторонѣ пропала: мы поднимаемъ якорь, и отправляемся въ другое мѣсто.

Выписка изъ другаго журнала, писаннаго Лѣкаремъ, отправившимся изъ Нев-Іорка за вывозомъ Араловъ.

Капитанъ извѣстилъ Короля о причинѣ своего путешествія; Король немедлѣнно отправился въ походъ, дабы напасть на нѣкоторые города, и достать плѣнниковъ; онъ увѣдомляетъ насъ, что его прогнали, но что онъ въ скоромъ времени достанетъ невольниковъ въ большемъ перьваго сраженіи; и дѣйствительно, сраженіе послѣдовало, продолжалося три дни, и четыре тысячи пять сотъ человѣкъ остались на мѣстѣ: такимъ образомъ, для овладѣнія десятью

Африканцами, убиваютъ сто оныхъ; ибо побѣдители, раздраженные сопротивленіемъ, часто умерщвляютъ безъ милосердія побѣжденныхъ, не смотря ни на полъ ни на возрастъ.

Слѣдующее описаніе такого сраженія, учиненное очевиднымъ свидѣтелемъ, заслуживаетъ вниманіе читателей. „Я былъ посланъ, говоритъ онъ, съ многими другими на небольшомъ суднѣ по рѣкѣ Нигеру, для покупки невольниковъ; съ нами находилися вольные и вооруженные Африканцы: ибо судно наше могло быть атаковано съ одной стороны Неграми, коихъ шалаши построены по берегу сея рѣки, а съ другой стороны Маврами, насѣляющими противолѣжащій берегъ. Мы долго простояли на якорѣ, устремивъ глаза въ поле, и вскорѣ увидѣли приближающуюся многочисленную толпу народа, которая бросилася съ бѣшенствомъ на обиталища Негровъ: сіи несчастные прежде казалися изумленными,

но защищалися храбро; женщины же и дѣти бѣжали къ берегу рѣки, являя знаки величайшаго отчаянія: наконецъ, когда ихъ сторона была побѣждена; то бѣглецы бросилися въ рѣку, дабы переплыть въ Варварію; но побѣдители погнались за ними, и забывъ, что они дралися единственно для полученія плѣнниковъ, умерщвляли своихъ непріятелей безъ всякой пощады, кровопролитіе было ужасное, мы находилися только за три ста шаговъ оттолѣ, вопль и ревъ раздирали наши сердца. Мы снялися съ якоря при началѣ сраженія, и судно наше находилося на самомъ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ побѣжденные Негры тщетно искали своего спасенія; ибо даже и дѣти ихъ не были пощажены: что до насъ, то мы будучи свидѣтелями, и пришедъ въ негодованіе отъ столь лютаго позорища, которое описать не возможно, начали стрѣлять по побѣдителямъ, и чрезъ то принудили ихъ отсту-

пить и вскорѣ скрыться въ лѣсу; рѣка представляла странное зрѣлище; она казалася совершенно черною отъ головъ бѣглецовъ, кои плаваніемъ старалися избѣгнуть смерти; сіи несчастные столь же боялися приближенія нашего корабля, какъ и непріятелей своихъ; они всѣ вдругъ ныряли, когда мы готовилися стрѣлять, и просили помилованія трогательнѣйшимъ голосомъ; и дѣйствительно мы споспѣшествовали ихъ спасенію, и вытащили многихъ изъ воды, кои были ранены и изнурены отъ усталости: ибо всѣ тѣ, кои не могли плавать, были умерщвлены или утонули прежде, нежели могли мы имъ подать помощь; мы поступили съ ними съ такою справедливостію и великодушіемъ, которыя не слыханы у торгующихъ невольниками; мы возвратили свободу всѣмъ нами спасеннымъ, и они присоединилися къ несчастному остатку своихъ товарищей кои спаслися отъ нападенія сего.

Берегъ, съ давняго уже времяни опустошенный, не можетъ болѣе снабжать насъ невольниками; и такъ ихъ достаютъ изъ внутреннихъ земель, часто за двѣсти и за триста миль оттуда; купцы соединяются тогда, дабы составить нѣкоторой караванъ, и тащатъ за собою миль на триста множество рядовъ по придцати и по сороку невольниковъ, обремѣненныхъ водою и хлѣбомъ, кои имъ необходимо нужны въ семъ пустомъ мѣстѣ; всякому невольнику надѣваютъ на шею желѣзное ожерелье, къ которому прикрѣпленъ кольцомъ, или инымъ какимъ способомъ, длинной деревянной роженъ, которой тягостію своею и при томъ упираясь въ землю, препятствуетъ безпрестанно, носящему оной, дѣвать какое либо движеніе. Когда пускаются они въ путь; то купцы ставятъ Негровъ въ одинъ рядъ, и привязываютъ концы каждаго изъ сихъ рожновъ къ плѣчу идущаго напередъ невольника,

и такъ до послѣдняго, коего бремя поддерживаетъ бѣлой, и ведетъ такимъ образомъ сей канатъ: когда же вожатые захотятъ спать; то привязываютъ руки каждаго невольника къ его рожну, и взявъ сію предосторожность спятъ безъ всякой заботы.

Сіи нещастные приводятся такимъ образомъ къ намъ на корабли, гдѣ лѣкарь ихъ осматриваетъ, какъ мущинъ, такъ и женщинъ, раздѣвъ ихъ совершенно до нага, и немѣдленно потомъ клеймятъ ихъ въ грудь раскаленнымъ желѣзомъ, на которомъ вырѣзанъ гербъ и вензель компаніи, или Капитана; послѣ сей пріятной церемоніи бросаютъ сихъ невольниковъ безъ всякаго разбора оба пола и сотнями въ каюту столь тѣсную, сколько могъ хозяинъ корабля выдумать сдѣлать ея тѣснѣе и меньше, такъ, что воздухъ, коимъ они тамъ дышатъ вычисленъ и измѣрянъ на дюймы. Я не стану говорить о не-

пристойности сего обычая; ибо пристойности суть пылинка на вѣсахъ несправедливости. И такъ мученія, столь тѣснымъ мѣстомъ причиняемыя, ядовитыя испаренія, худая пища и та въ маломъ количествѣ ими получаемая, томительная пытка, знойнымъ тѣхъ странъ климатомъ причиняемая, однимъ словомъ, сіе стѣченіе золъ толико изнуряютъ силы сихъ злополучныхъ, что многіе изъ нихъ морятъ себя голодомъ въ продолженіе плаванія сего, а другіе пользуяся тѣмъ времянемъ, какъ выводятъ ихъ для переклички на верьхъ корабля, бросаются въ море, иногда также пришедъ въ крайнее отчаяніе, дѣлаютъ они заговоръ, и бунтуютъ противъ своихъ гонителей, и тогда то начинаются страшныя позорища, и почти не вѣроятныя; иногда виновныхъ умерщвляютъ, иногда же безчеловѣчно обрѣзываютъ имъ носъ, уши и губы, и окровавленныхъ отсылаютъ въ низъ къ ихъ нещастнымъ

товарищамъ, или наконецъ, привязавъ ихъ къ корабельнымъ канатамъ, раздираютъ ихъ тѣло кнутьями и ножами, пока они претерпя несказанное мученіе, издыхаютъ въ семъ ужасномъ состояніи.

Читатель можетъ найти въ собраніи Аткинсовыхъ путешествій, какъ поступилъ д' Арденъ съ своими невольниками, кои покусилися освободиться; перо мое отрекается начертать ужасныя сіи подробности; я умолчу также о варварскихъ изобрѣтеніяхъ нѣкоторыхъ корабельныхъ Капитановъ, какъ для учиненія возмущеній въ Африкѣ, дабы достать чрезъ то невольниковъ, такъ и для возпрепятствованія Неграмъ умерѣть съ голода на нашихъ корабляхъ. Повѣсти сего рода хотя и не всѣ одинаковы, смотря по нравамъ Капитановъ; но мы можемъ однако же изъ того заключить, что власть, употребляемая во зло съ такою лютостію, не должно бы ни кому давать.

Естьли во время путешествія случится буря, или когда съѣстныхъ припасовъ мало станетъ; то бросаютъ въ море извѣстное число невольниковъ, для облегченія корабля, и для уменьшенія лишнихъ ѣдоковъ; я видѣлъ такимъ образомъ принесенныхъ въ жертву тридцать два Негра въ три дни безъ всякой бури и уменьшенія припасовъ, но единственно для выгоды помѣщика оныхъ нащетъ того человѣка, кто взялъ корабль на свой страхъ; сіе было въ 1783 году, а я бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ могу привести всѣ сіи подробности, такъ, какъ и имя корабля и Капитана: сихъ нещастныхъ связывали по парно, и такъ бросали въ воду, а десятеро изъ нихъ, для избѣжанія сей лютой и безполѣзной предосторожности, побросалися сами въ море; предлогомъ же сему варварству былъ страхъ, чтобъ не имѣть недостатка въ водѣ: но едва учинено было сіе звѣрство, какъ дождь по-

102

шелъ изобильно, такъ, какъ предсказывали всѣ тѣ, кои противилися сему лютому дѣянію.

Во время переѣзда погибаетъ всегда пятая часть невольниковъ, и третья доля въ перьвые два года пребыванія ихъ на островахъ и рабства. Не должно удивляться сему великому мору, сравнивъ прежную безпѣчную ихъ жизнь съ тяжкою работою, которой Европейцы отъ нихъ требуютъ: земля въ Африкѣ не имѣетъ нужды въ обработываніи; она снабжаетъ безо всякаго труда щастливыхъ обитателей своихъ драгоцѣннѣйшими своими дарами.

Упоминать ли мнѣ о тѣхъ смертоносныхъ мѣльницахъ, въ коихъ единое мгновеніе сна, или отдохновенія лишаетъ цѣлыхъ членовъ нещастныхъ работниковъ, кои попадаются въ колесо, и часто жалостно погибаютъ въ ономъ.

Но я не стану говорить о всѣхъ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ Неграми

въ островахъ нашихъ; они естественно прекратятся, когда запретятъ сей вывозъ: ибо необходимость, въ которой будемъ мы, чтобъ берѣчь нашихъ невольниковъ, и размножать ихъ, заставитъ насъ находить наши выгоды въ строгомъ наблюденіи всѣхъ законовъ человѣколюбія.

Болѣе шестидесяти тысячь невольниковъ ежегодно вывозится въ Европейскія колоніи; по чему и должно заключить, сочтя уронъ во время переѣзда, что мы покупаемъ ихъ по сту тысячь на берегахъ Африканскихъ; но войны, коимъ торговля сія служитъ источникомъ, суть столько же продолжительны, сколь и кровопролитны, и часто можетъ быть десять Негровъ лишаются жизни, дабы достать намъ одного невольника. Я не смѣю представить здѣсь ужаснаго щета, отъ сего примѣчанія происходящаго: но естьли положить хотя по сту тысячь; то неоспоримо будетъ, что въ десять лѣтъ

милiонъ людей поглощается корыстолюбiемъ и адскимъ сладострастiемъ Европейцовъ. Дикiе, лiющiе кровь своихъ плѣнныхъ непрiятелей, столько ли, какъ мы, виновны?

Сей вывозъ во время войны не столь былъ великъ; невольники сдѣлавшись дороже, были не столь мучимы, и отъ того не произошло ни малаго неудобства; но положивъ, хотя то и весьма безразсудно и противно опыту, что работы въ Америкѣ не могутъ быть производимы безъ непрестаннаго вывоза невольниковъ; то и тогда бы нацiя получила великую выгоду, естьли бы устремила она всѣ свои виды къ Африканскимъ нашимъ колонiямъ; ибо Американскiе острова завлекутъ насъ со временемъ во вторичную войну необходимо. Колонiи на то заводятся, чтобъ снабжать отечество всѣми тѣми произведенiями, коихъ оно само не приноситъ: и такъ первое правило состоитъ въ томъ, чтобъ

заводить колоніи въ климатѣ, противномъ нашему. Должно замѣтить, что всѣ произведенія Американскихъ острововъ растутъ изобильнѣе и совершеннѣе въ жаркихъ странахъ Африки: хлопчатая бумага родится тамъ безъ всякаго присмотра, индиго равномѣрно, сахарныя трости тамъ въ четверо толще, нежели въ Америкѣ; сверьхъ того, мѣста тамъ пространнѣе и берега длиннѣе.

Но скажутъ, что торговля Неграми весьма прибыльна, въ семъ я сомнѣваюсь: ибо она истребляетъ множество матросовъ, и кажется, что Французы и Гишпанцы почитаютъ ея не выгодною, по тому, что они хотѣли сдѣлать трактатъ, для покупки ежегодно отъ насъ извѣстнаго числа невольниковъ.

Сія торговля, присовокупляютъ еще къ тому, есть училище матросовъ; но я скажу, что она есть ихъ гробъ: извѣстно, что они ее ненавидятъ, и что должно ихъ при-

104

нуждать къ предпринятію оной; ибо они погибаютъ въ семъ путешествіи въ большемъ гораздо числѣ, нежели во всѣхъ прочихъ.

Увѣряютъ, что мы препятствуемъ Неграмъ истреблять взаимно другъ друга: но я хотѣлъ бы знать, довольны ли бы мы были, естьли бы во время бывшей у насъ междоусобной войны, Французы и Голландцы пришли намъ мѣшать резаться.

Окончаніе будетъ впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ ДѢЯНІЯ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Не давно Целій Родигиній, котораго я уже давно не читывалъ, попался мнѣ въ руки: ето было хорошее и исправленное изданіе. Я прочиталъ его съ большимъ удовольствіемъ и пользою, нежели въ перьвой разъ. Кто что не говори о семъ писателѣ; но я его отмѣнно почитаю за глубокую его ученость. Во время сего чтенія попался мнѣ одинъ изъ прекраснѣйшихъ секретовъ, которые я когда либо читалъ или слыхалъ. Целій конечно почерпнулъ его изъ сокровеннѣйшихъ таинствъ древней Греціи. Италія не содержитъ въ себѣ столь рѣдкихъ вещей. Удивительно, что Греки, изобрѣтатели сего превосходнаго секрета, или забыли его, или

105

продали Вавилонянамъ. Иной бы на моемъ мѣстѣ умолчалъ о немъ и оставилъ бы его для себя и для пріятелей своихъ; но я не таковъ, и перьвое мое желаніе состояло всегда въ томъ, чтобъ услужить обществу. Я примѣчаю, что любопытство читателя умножается, и такъ я не буду долѣе его томить: сей секретъ состоитъ въ томъ, чтобъ варить яица безъ огня. Тщетно станутъ себѣ ломать голову тѣ, кои пожелаютъ угадать сію тайну; одному нашему писателю предоставлено оную повѣдать: „Нѣкоторая „вещь, говоритъ онъ, повѣствуемая „Греческими Историками, достойна „вниманія; она состоитъ въ томъ, „что Вавилоняне упражняясь въ по„левой охотѣ въ степяхъ, и не „имѣя огня для варенія себѣ пищи, „клали яица въ пращу, которую „вертѣли они на воздухѣ до тѣхъ „поръ, пока яица сварятся.„ Я столько обрадовался сему открытію,

Крыловъ.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ГЮЛЬПА и ШАЛЮМЪ,

Китайская сказка.

Изо ста пятидесяти дщерей *Зильфы* отъ поколенія *Когю*, коего многіе писатели почитали за *Каина*, была одна толико рѣдкой красоты, что на семидесятомъ году отъ роду имѣла великое число обожателей. Въ томъ числѣ были два брата *Гарпатъ* и *Шалюмъ*, которые столько же разнилися нравами ихъ, какъ и богатствомъ. Старшій Гарпатъ имѣлъ повелительный духъ гордости, и обладалъ плодоносными долинами, простирающимися при подошвѣ горы *Тирзы*. Младшій Шалюмъ будучи тихаго и благотворительнаго нрава, не

106

имѣлъ болѣе во владѣніи на свою часть, какъ по длинное протяженіе горъ, кои возвышалися надъ плодоносными долинами его брата. Изо всѣхъ женъ, жившихъ до потопа, не было такихъ жадныхъ къ богатству, какъ дщери Когю. И такъ Гарпатъ будучи богатѣйшимъ въ той странѣ, получилъ по славѣ сей преимущество надъ своимъ братомъ Шалюмомъ, коимъ удостоила его Гюльпа. Она была 99 лѣтъ, какъ сочеталася съ нимъ бракомъ. Сей супругъ, возгорженъ будучи щастіемъ, смѣялся часто злощастію брата своего, который не взирая на бѣдность свою, старался быть совмѣстникомъ его. Шалюмъ столь былъ раздраженъ колкими насмѣшками онаго, что внутренно его проклиналъ. Онъ желалъ въ горести сердца своего, чтобъ одна изъ тѣхъ горъ, коихъ неплодностію Гарпатъ его упрекалъ, обрушася, раздавила его, естьлибъ случилося ему подъ тѣнію оной проходить.

Гарпатъ видѣвши такую враждебную клятву брата своего, не оставлялъ долинъ своихъ; однако сіе не могло продлить заматерѣлой старости его: ибо на двѣсти пятидесятомъ году утонулъ онъ переходя черезъ рѣку, которая по близости реченной горы Тирзы текла. Гюльпа была на сто семидесятомъ году отъ роду, какъ осталася вдовою, и не имѣла больше, какъ 50 дѣтей. Великое множество новыхъ любовниковъ, явяся, старалися, чтобъ полюбиться ей. Между всѣми оными надѣялся больше всѣхъ Шалюмъ имѣть право въ благосклонности ея, и которой по томъ занялъ мѣсто брата своего, десять лѣтъ спустя послѣ смерти его. Ибо обычаи тогдашнихъ временъ не позволяли вдовамъ принимать любовныя объясненіи отъ жениховъ прежде истеченія срока сего. — Шалюмъ, чтобъ уничтожить всѣ причины въ случаѣ отказа ея ради неплодности земли его, ста-

107

рался всѣми мѣрами воздѣлать и улучшить оную. Онъ насадилъ множество плодоносныхъ древесъ по холмамъ владѣнія своего. Въ коротком̀ъ времени покрыты были всѣ горы младыми деревьями, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ содѣлалися лѣсами, между коими находилися по мѣстамъ луга, сады и тѣкущіе изъ каменистыхъ ущелинъ источники. Вся страна сія бывши прежде того неплодною, превратилася вдругъ во вторый Едемъ. По чему множество жителей пришедъ поселилися въ оной, привлечены будучи изобиліемъ и пріятностію ея мѣстъ.

Въ концѣ ста семидесятаго года отъ роду Гюльпа не нечувствительна была къ прелѣстямъ такого пребыванія, украшеннаго веселыми садами и рощами, кои едва ли когда бывали послѣ разворѣнія земнаго рая. Она была на десятомъ году вдовства своего, какъ отъ Шалюма получила письмо, которое Китайскіе

бытописатели предали намъ въ слѣдующемъ содержаніи:

„Шалюмъ, обладатель горы Тир-
„зы, къ Гюльпѣ, обладательницѣ до-
„линъ! — Чего не претерпѣлъ я,
„о прекрасная Гюльпа! съ тѣхъ поръ,
„какъ ты совмѣстника моего мнѣ
„предпочла? Свѣтъ Солнца казался
„мнѣ не милъ; я искалъ убѣжища
„своего во мрачныхъ пещерахъ, и о-
„плакивалъ тамъ нещастную судь-
„бу свою. Семдесятъ лѣтъ уже
„тому, какъ я тужу на горѣ Тирзѣ
„о потерѣ прекрасной особы твоей,
„и занимаюся разсѣять печаль мою
„посреди рощей, кои я самъ наса-
„дилъ. Мѣсто пребыванія моего со-
„дѣлалося нынѣ какъ вторый Едемъ.
„Со всѣхъ сторонъ онаго предста-
„ляются плодоносные сады, прекрас-
„ные цвѣты и шумящіе источники
„водъ. Холмы владѣнія моего ис-
„пущаютъ ароматный запахъ, ради
„приняпія тебя. Приди, возлюблен-
„ная моя! приди насѣлять со мною

„страну сію новымъ родомъ смерт-
„ныхъ. Умножимся и возрастимъ
„подъ сими пріятными тѣнями дре-
„весъ моихъ и населимъ землю сы-
„нами и дщерями рода нашего.
„Вспомни, прекрасная дщерь Зильфы,
„что жизнь человѣческая не болѣе
„продолжается, какъ 1000 лѣтъ, а
„красота не долѣе цвѣтетъ, какъ
„нѣсколько сотъ лѣтъ. Она не до-
„лѣе существуетъ, какъ наидрев-
„нѣйшій на горѣ моей кедръ, ко-
„торому уже скоро исполнится пять
„сотъ лѣтъ, послѣ чего потеряет-
„ся даже и память его, ежели онъ
„не оставитъ отраслей по себѣ. По-
„мысли о томъ, возлюбленная моя
„Гюльпа! и не забудь словъ сосѣда
„твоего, обитающаго на горахъ.„

Не менѣе, какъ чрезъ годъ, на-
писала Гюльпа Шалюму отвѣтное
письмо, которое тѣ же Китайскіе
бытописатели предали намъ въ слѣ-
дующемъ содержаніи:

„Гюльпа, обладательница до-
„линъ, къ Шалюму, обладателю
„холмовъ горы Гирзы! — Какое дѣ-
ло имѣю я съ тобою? О Шалюмъ! —
„Ты хвалишь мою красоту; но я
„думаю, что ты болѣе тронутъ
„пріятностію и зеленостію моихъ
„долинъ и луговъ. Рычаніе воловъ
„и блѣяніе овецъ моихъ, составля-
„ющее, какъ мнѣ кажется, восхи-
„щающее ехо на высокихъ твоихъ
„горахъ, и производятъ сладкой гласъ
„слуху твоему. Хотя я со удоволь-
„ствіемъ взираю на твои лѣса, ког-
„да Зефиръ колеблетъ верьхи оныхъ,
„и охотно обоняю ароматный запахъ,
„произходящій отъ холмовъ твоихъ:
„но что имѣешь ты сравнительнаго
„съ плодоносіемъ долинъ моихъ? —
„Правда, должно отдать тебѣ спра-
„ведливость, о Шалюмъ! Ты разум-
„нѣйшій и счастливѣйшій изъ сы-
„новъ человѣческихъ; ты обитаешь
„на холмахъ въ кедровыхъ лѣсахъ;
„ты знаешь свойство земли, влія-

„ніе звѣздъ и порядокъ тѣченія вре-
„менъ, купно съ погодами ихъ.
„Женщина, какова я, можетъ ли по-
„казаться любви достойною въ гла-
„захъ такого человѣка, каковъ ты? —
„И такъ оставь тревожить мой
„покой, и не старайся склонять
„меня ласкательствомъ словъ тво-
„ихъ; да умножатся и возрастутъ
„кедры твои! да благополучно по-
„живешь подъ тѣнію ихъ! — Но
„останься съ покоемъ въ уединеніи
„твоемъ, и не старайся склонять
„меня, чтобъ я пришла насѣлять съ
„тобою горныя мѣста твои.„

Хотя сей отвѣтъ неблагосклон-
нымъ казался Шалюму; однако онъ
не оставилъ попросить Гюльпу на
пиршество, на которое она по зву
его чрезъ годъ и пришла. Пиршест-
во сіе продолжалося не меньше трехъ
лѣтъ. И для онаго употреблено бы-
ло больше 500 юницъ, 2000 строфо-
камиловъ и 1000 бочекъ молока, кро-
мѣ великаго количества садовыхъ пло-

довъ и огородныхъ овощей. Пиршество произходило подъ нарочно устроенною бесѣдкою, называемою *жилище соловьевъ*. Въ продолженіи онаго Шалюмъ представлялъ очамъ прекрасной Гюльпы разныя забавныя позорища, и имѣлъ много случаевъ угождать ей, и говорить о своей любви, и наконецъ предуспѣлъ столько въ своей любви, что Гюльпа дала ему слово чрезъ пятдесятъ лѣтъ сочетаться съ нимъ бракомъ, поелику такое время требовалося для оплакиванія перьваго ея супруга.

Какъ скоро она возвратилася въ долины свои; тогда явилося къ ней паки множество жениховъ. Между прочими былъ одинъ богатѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ. Онъ обладалъ великимъ городомъ, называемымъ по имени его; зданія онаго были столь твердо сооружены, что казалися спорить съ тысячами вѣковъ. *Мишла* не упустилъ ни чего для пріобрѣтенія благосклонности

110

Гюльпы. Онъ дарилъ ея богатыми подарками; онъ восхищалъ слухъ ея гармоническими гласами нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенныхъ музыкальныхъ орудій. А что еще больше, онъ самъ плясалъ въ присутствіи ея, по складу звука бубновъ. — Шалюмъ лишенъ будучи надѣжды, видя предпочтительнымъ соперника своего, впалъ въ несказанную отчаянность. Онъ пересталъ писать къ владычицѣ своей, измѣнившей ему, и не упоминалъ объ ней, почти, чрезъ цѣлой Сатурновъ годъ. Но какъ скоро примѣтилъ, что перьвыя старанія Мишпы не имѣли успѣховъ въ данномъ словѣ Гюльпу поколебать; то возобновилъ опять свою прозьбу у сей вдовы, которая, какъ онъ самъ видѣлъ, часто обращала взоръ свой къ его холмамъ.

По двадцатилѣтнемъ размышленіи въ нерѣшимости своей, кого ей избрать изъ сихъ двухъ жениховъ, поелику, не взирая на данное слово

Шалюму, богатство Мишпы больше плѣняло ее, какъ вдругъ нечаянный случай принудилъ оную рѣшиться въ пользу перьваго. Пожаръ, произшедшій отъ молніи въ одной высокой башнѣ, построенной изъ дереза въ городѣ Мишпы, распространился такъ, что не болѣе, какъ въ сутки превратилъ сей великой городъ въ прахъ. — Послѣ чего Мишпа, въ намѣреніи будучи сей городъ паки возстановить, принужденъ былъ прибѣгнуть къ Шалюму, и просить его о снабдѣніи лѣсомъ, для построенія города. Онъ купилъ великую часть изъ лѣсовъ его, кои болѣе 400 лѣтъ расли, въ обмѣнъ которыхъ далъ онъ ему такое великое множество стадъ и луговъ своихъ, что Шалюмъ сдѣлался въ короткое время богатѣйшимъ, нежели онъ самъ. Шалюмъ учиняся чрезъ то пріятнѣйшимъ для Гюльпы, получилъ скоро руку ея. Въ день, какъ онъ ее для бракосочетанія на гору свою воз-

111

велъ, склалъ онъ великой костеръ изъ кедровыхъ и прочихъ благовонныхъ деревъ, высотою въ 300 лактей. По томъ зажегши оный, бросалъ не него Кассію, Ѳиміамъ и разные ароматы, произрастающіе въ его садахъ. Сіе было жертвоприношеніе Тіему, богу неба, коимъ Шалюмъ чествовалъ его при бракосочетаніи своемъ. Куреніе жертвы возходило до небесъ; и вся страна оная наполнена была благоуханнымъ воздухомъ.

СОБИРАЮЩАЯ КЛАСЫ

ЛАВИНІЯ.

Изъ поемы Г. Томсона.

Младая прекрасная Лавинія имѣла прежде сего пріятелей. Щастіе съ начала ласкало оную; но съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ оставило ее. Въ первомъ возрастѣ своемъ не имѣла она уже другой подпоры, какъ небо и

невинность свою. Она жила въ соломенной хижинѣ съ своею матерью, которая угнѣтена будучи старостію и бѣдностію во вдовствѣ своемъ, принуждена была удалиться съ нею въ тишину одной долины. Сокрывшися въ уединеніе густой тѣни, паче ради стыда, нежели бѣдности, яко подруги его, и отъ коего и самая скромность не изъемлется, убѣгали они вмѣстѣ того несноснаго презрѣнія, въ кое нещастная добродѣтель часто видитъ себя погруженною неистовыми страстьми міра и гордостію духа человѣческаго. — Обыкновенная щедрость природы составляла тогда почти все ихъ пропитаніе; они жили спокойно и безпечно, подобно птицамъ, пекущимся о пищѣ своей на утріе. — Красота Лавиніи была блистательна, подобно розѣ, когда утренняя роса при восхожденіи Солнца влажностію своею напаяетъ развернувшіеся ея листочки. Скромная добродѣтель и невин-

ность выражалися изъ очей ея всегда склоненныхъ къ землѣ, а иногда устремляющихъ взоръ свой въ страну прежняго жилища. Часто, когда мать ей разсказывала о печальныхъ приключеніяхъ въ ея жизни, и о томъ, что прежде сего непостоянное щастіе обѣщало семейству ихъ; тогда мысли ее угнѣтаемы были печалію, и очи ее подобно вечерней звѣздѣ и разливающей росу, купалися въ слезахъ: природныя прелѣсти оживляли всю особу ее. Красы ее покрыты были простою одѣждою: се есть наилучшее одѣяніе красавицъ предъ всѣми великолѣпными нарядами: ибо естественныя красы и пріятности не требуютъ помощи чуждаго украшенія; чемъ меньше красавица украшена, тѣмъ больше она ею кажется: коротко сказать, она была самая красота, сокрытая подъ густою тѣнію осѣняющихъ ее зеленыхъ древесъ, и не знавшая сама о достоинствахъ и прелѣстяхъ своихъ. Какъ мирта,

выросшая далеко отъ глазъ человѣческихъ въ глубокомъ уединеніи Апенинскихъ горъ, подъ укрывательствомъ окружающихъ ее холмовъ, разливаетъ благовонный запахъ свой въ пустынѣ; такъ возрасла и процвѣла не извѣстна свѣту Лавинія до тѣхъ поръ, какъ нѣкогда принуждена была строгимъ закономъ немилосердой нужды, съ терпѣливостію сердца и со смиреніемъ духа своего итти собирать класы послѣ жнецовъ на нивахъ Палемоновыхъ.

Сей младый пастухъ былъ украшеніемъ своихъ товарищей, великодушенъ, богатъ, щедръ и ведущій пастушескую жизнь свою въ спокойствіи и удовольствіи: такъ, какъ піиты Аркадскихъ долинъ въ прежнія златыя времена воспѣвали и предали намъ на память оную жизнь, когда еще обычаи и обряды надъ нещастнымъ человѣкомъ не тиранствовали, а позволяли ему слѣдовать путями простой природы. Палемонъ

113

такимъ образомъ, занятъ будучи воображеніемъ пріятныхъ предметовъ осенняго времени, прогуливался однажды предъ вечернею зарею на нивахъ своихъ, присматривая за жнущими. Но какое восхитительное явленіе представилося нечаянно очамъ его! Собирающая класы Лавинія красотою своею привлекаетъ его взоръ, и обращаетъ на себя его вниманіе. Она не знаетъ и сама дѣйствій силы красоты своей; но какъ вдругъ Палемона примѣтила, зардѣвшися и потупя взоръ свой, обращается она на другую сторону. Палемонъ, уязвленъ бывъ толико нѣжными прелѣстями, хотя не болѣе, какъ поверьхность оныхъ видитъ, и коихъ скромность Лавиніи не могла отъ него скрыть, воспламеняется въ то самое мгновеніе священнымъ огнемъ чистой любви въ душѣ своей. Симпатія, подобно магниту, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ взоръ его. Какъ Философъ, удаляся блѣстящихъ игрушекъ свѣта,

обращаетъ вниманіе свое на простую природу и красоту ея; такъ Палемонъ въ восторгѣ бросаетъ свои взоры на нее; но въ нерѣшимости не смѣетъ приближиться и объясниться ей о нѣжности чувствованій своихъ, воздыхаетъ онъ, и говоритъ самъ себѣ: „О судьба!.... Какое „нещастіе; естьли толико нѣжная „красота, и толико живый и пре„красный образъ творенія щедрыя „природы, въ коихъ совокупно сія„ютъ благородство и цѣломудріе, „преданы будутъ нѣкогда въ объ„тія и на жертву грубому поселя„нину, незнающему достоинства о„ныхъ! — Она достойна быть по„роды древняго Акаста; она призы„ваетъ мнѣ его на память!.... „Сего благодѣтеля и установителя „благополучія моей жизни, и коему я „обязанъ началомъ моего щастія!.... „Но его уже нѣтъ!.... Домъ его „и семейство раззорены уже и раз„сѣяны. Слышно только, что ос-

114

„тавшаяся послѣ его въ старости „вдова живетъ съ дочерью своею „въ нѣкоемъ неизвѣстномъ уедине- „ніи, принужденною будучи уда- „литься отъ тѣхъ мѣстъ по бѣд- „ности своей, коихъ напередъ сего „она съ семействомъ своимъ въ „благополучныя времена была укра- „шеніемъ. — Но, ахъ! до днесь не „могъ я еще отыскать пристанища „ихъ; всѣ поиски мои были тщет- „ны. — Странное предчувствованіе! „.... О естьлибъ ето была дщерь „Акастова!„

По окончаніи послѣдняго слова подходитъ онъ къ Лавиніи, извѣ- щается отъ самой ее, что она точ- но дщерь Акастова. — Кто въ со- стояніи выразить перомъ оживляю- щую его радость? Кто можетъ из- рѣщи восхищающія чувствованія серд- ца его, коими оно незапно тронуто было? — Се Палемонъ во изступле- ніи, забывъ прежнюю свою нерѣши- мость, приближается къ Лавиніи,

воздыхая, объемлетъ оную, и съ горячностію лобызаетъ ланиты ее. — Память Акастова, любовь, благодарность и милосердіе, соединившися тогда вмѣстѣ, и разливаяся въ его сердцѣ, исторгнутъ вдругъ слезы изъ очей его. — Смущенная незапными слѣзами Лавинія умиляется, взирая съ томностію на жалостное состояніе сердца его; а Палемонъ предавшися невинной страсти, выражаетъ слѣдующими словами священное восхищеніе души своей:

„Се не ты ли дражайшій ос-
„татокъ рода Акастова, коего при-
„знательность моя съ толико вели-
„кимъ стараніемъ до сихъ поръ
„искала, но вотще? — О! се ты та
„самая .... Образъ умиленный благо-
„дѣтеля моего Акаста; се его взо-
„ры и пріятныя черты лица! ....
„Ты прекраснѣе и миловиднѣе цвѣ-
„та весны! Единая отрасль того ко-
„реня, которой возвысилъ мое щас-
„тіе, вѣщай: въ коей отдаленной

„странѣ ты привлекала на себя бла-
„госклонныя взоры небесъ? — Какъ
„достигла ты сей толико рѣдкой
„красоты, не взирая на холодныя
„бури бѣдствій, и на упадающій иній
„нужды, суровой зимы на нѣжныя
„твои лѣта? — Отъ нынѣ да поз-
„воль мнѣ преселить тебя въ при-
„станище выгоды и изобилія, гдѣ
„щедрые лучи Солнца и весенніе
„дожди изливаютъ источники бо-
„гатства и плодоносія; буди укра-
„шеніемъ и радостію моего вертогра-
„да. О великіе боги! Достойна ли
„дщерь Акастова собирать остатки
„класовъ на нивахъ, коими благо-
„дѣтельной мой другъ, а ее роди-
„тель, меня снабдилъ? Родитель ее,
„коего богатства для меня всегда
„открыты были.... Отвергни сію
„связку, недостойную руки твоей....
„Сія нѣжная рука не для такихъ
„трудовъ сотворена. Отъ нынѣ домъ
„мой, луга, нивы, однимъ словомъ,
„все и я самъ буду принадлежать

„тебѣ; удостой меня только тою „властію, чтобъ я могъ тебя сдѣ„лать щастливою.... Се все твое; „я обязанъ тѣмъ родителю твоему „.... Но отъ тебя зависитъ увѣн„чать любовь мою къ тебѣ, а къ не„му благодарность мою.„

Палемонъ умолкъ; но взоры являли торжество и восхищеніе души его: священное изступленіе выше всякой радости, и коего существенный источникъ произходитъ отъ добродѣтели, почитаемой имъ изъ любви и благодарности, убѣждали между тѣмъ Лавинію. Напослѣдокъ неотвѣтствуя ни чего, дала она себя побѣдить плѣняющимъ его прелѣстямъ и великодушію. Въ замѣшательствѣ покраснѣвъ, и вырвавшись изъ объятій его, бѣжитъ она къ своей матери извѣстить ее о произшедшемъ случаѣ, которая во удивленіи будучи, ожидала возвращенія своей любезной Лавиніи; она печалилася о неизвѣстной судьбѣ ея, сомнѣваяся, не приключи-

лося ли ей какое нещастіе. — Но увидѣвъ ее идущую, и услышавъ обо всѣмъ произшедшемъ съ ней, приходитъ она во удивленіе, и едва вѣритъ ей: радость разливается по всѣмъ обветшалымъ членамъ ея, и ясный лучь надѣжды озаряетъ наморщенное чело ея: щастлива и три краты щастлива чета сія! восклицала мать ее. Они оставили по томъ уединеніе свое, и переселилися къ Палемону въ домъ, и обще вкушая всякое благоденствіе, оставили многочисленное потомство по себѣ, которое составляло славу той страны.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ
И
ОСТРЫЯ ШУТКИ.

Нѣкоторый ГасконецЪ, поссорясь съ Епископомъ своимъ поклялся, что ни когда не будетъ молиться Богу въ его Епархіи. Однажды, какъ онъ плылъ чрезъ рѣку на лодкѣ; то оная потѣкла и стала тонуть на самой срединѣ рѣки, перевозчикъ сказалъ ему, что ни чего болѣе не осталось дѣлать, какъ просить Бога о спасеніи души; на что ГасконецЪ спросилъ: въ которой мы Епархіи?

ОдинЪ Кастильской СвященникЪ убилъ до смерти сапожника; за что духовный судъ осудилъ его только не служить чрезъ цѣлой годъ обѣдни. Послѣ того сынъ сапожниковъ убилъ того Священника: Король, въ наказаніе ему за сіе, запретилъ ему на годъ шить сапоги.

117

Одинъ молодой Офицеръ изъ петиметровъ, говоря однажды о Фелдъ-маршалѣ Тюреннѣ, сказалъ, что онъ былъ *презрядной человѣкъ*. А ты, мой сынъ, сказалъ ему отецъ, давъ ему сильную пощечину, *презрядной глулецъ*, что смѣешь такъ говорить о семъ великомъ мужѣ, которому подобнаго Франція ни когда не имѣла.

Докторъ Бурнетъ, великій Ораторъ, желая сбыть съ рукъ дурную свою лошадь, сѣлъ на нее верьхомъ, чтобъ показать оную купцу въ лучшемъ видѣ; но какъ онъ со всевозможнымъ стараніемъ не могъ ни чего пуіпнаго отъ нее добиться; то покупщикъ сказалъ ему: Господинъ Докторъ! Когда вы захотите меня обмануть; то не на лошадь всходите, а на каѳедру.

Нѣкій Французскій дворянинъ, разбойничая на большихъ дорогахъ, былъ пойманъ и въ Парижѣ колесо-

ванъ. Священникъ того села, коего сей господинъ былъ помѣщикомъ, препоручая его молитвамъ своихъ прихожанъ, говорилъ: помолимся, православные, за спасеніе души помѣщика сего села, умершаго отъ ранъ своихъ.

Діогенъ, услышавъ, что нѣкоторой весьма плохой борецъ изъ его знакомыхъ, сдѣлался лѣкаремъ, сказалъ: я тому не дивлюсь, видно онъ хочетъ отплатить тою же монетою тѣмъ, кои его побарывали.

Одинъ старикъ съ предлинною густою бородою, просилъ Императора Адріяна о нѣкоторой милости; но неполучивъ оной, вздумалъ обрить себѣ бороду, и предспалъ съ тѣмъ же прошеніемъ въ тѣхъ мысляхъ, что его безъ бороды не узнаютъ: то, о чемъ ты меня просишь, сказалъ ему Императоръ, я уже отказалъ твоему отцу.

118

НормандецЪ, дѣлая однажды описаніе принадлежащихЪ ему лѣсовЪ, превозносилЪ красоту, пріятность и пространство оныхЪ; что слыша одинЪ ГасконецЪ сказалЪ: не вѣрьте етому Господину; я дамЪ себя повѣсить, естьли онЪ столько имѣетЪ лѣсу, чтобЪ вышла мнѣ изЪ того зубочистка.

ОдинЪ знатной Бретанской дворянинЪ, поссорясь сЪ нѣкоторымЪ ФранцузскимЪ МаршаломЪ, сказалЪ ему: ежели я не МаршалЪ; то по крайней мѣрѣ я изЪ него лѣса, изЪ коего они сдѣланы. Ваша правда, отвѣчалЪ МаршалЪ; и вы, конечно, можете быть МаршаломЪ, когда войдутЪ вЪ употребленіе деревянные.

Г. де ла ФельядЪ былЪ раненЪ вЪ голову пулею вЪ 1655 году при Ландрессійской осадѣ; лѣкари перевязавЪ ему рану, объявили, что она очень опасна, и что мозгЪ виденЪ.

Ахъ, какъ же я тому радъ, вскричалъ онъ; пожалуйте заверните онаго не много въ тряпочку, и пошлите къ Кардиналу Мазарину, которой мнѣ разъ съ тысячу говорилъ, что у меня нѣтъ ни капли мозгу.

Одинъ ученый человѣкъ говорилъ въ бѣсѣдѣ, что Г. Бюфонъ сказалъ еще прежде Ж. Ж. Руссо, что матери должны сами кормить грудью дѣтей своихъ. Такъ, ето правда; мы всѣ ето говорили, отвѣчалъ Г. Бюфонъ: но Руссо одинъ приказалъ, и заставилъ себѣ повиноваться.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ О НѢКОЕЙ ОБЕЗЪЯНѢ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ВЕЛИКОМУ МОГОЛУ.

Рое, Аглинской путешественникъ, извѣстный по Посольскому своему достоинству ко Двору Великаго Могола, утверждаетъ за истинну такое дѣяніе, которое безсомнѣнія покажется читателямъ невѣроятно. Многіе секты Индѣйцовъ приписываютъ обезъянамъ нѣкоторую божественность. При Дворѣ Великаго Могола вздумали однажды испытать сіе свойство, при случаѣ одной большой обезъяны, поднесенной однимъ Бенгальцомъ Императору, и которую выдавалъ онъ за животное божественное. Индѣйской Монархъ снялъ съ руки своей кольцо, и велѣлъ его спрятать въ

платьѣ одного изъ своихъ Пажей. Обезъяна не видавшая, какъ оное прятали, пошла и сыскала въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ его схоронили. Императоръ не удовольствовавшись симъ опытомъ, велѣлъ написать на двенадцати лоскуткахъ бумаги имена двенадцати законодателей, какъ то, Моисея, Іисуса Христа, Магомета, Алія и проч. по томъ скатавъ ихъ трубками, приказалъ положить въ чашу, и перемѣшавъ, спросилъ у обезъяны, кто изъ сихъ законодателей лучшую и справедливую предписалъ вѣру. Обезъяна опустила лапу въ чашу, и вынула отъ толѣ имя Спасителево. Императоръ, пришедъ отъ того въ изумленіе, началъ подозрѣвать, что хозяинъ обезъяны умѣлъ читать Персидскія письмена, коими сіи имена были написаны, и пріучилъ обезъяну дѣлать сіе различіе. Онъ принялъ трудъ написать своею рукою тѣ же имена тѣми цыфрами, кои употреблялъ онъ, когда случа-

лося ему предписывать своимъ Министрамъ тайныя повелѣнія. Обезъяна и въ сей разъ не ошиблась; но вынувъ вторично имя Іисуса Христа, поцѣловала оное. Одинъ изъ перьвыхъ чиновниковъ сказалъ Императору, что подъ симъ вѣрно скрывается какой нибудь обманъ, и просилъ у него позволенія перемѣшать бумажки, вызываясь, что онъ охотно подвергнетъ себя жесточайшимъ казнямъ, естьли обезъяна не ошибется. Онъ написалъ еще разъ тѣ двенадцать имянъ, но положилъ только одиннадцать въ чашу, а двенадцатое оставилъ у себя въ рукѣ: но обезъяна, потрогавъ помянутыя бумажки одна за другою, не вынула ни одну изъ оныхъ. Императоръ, справедливо изумленный симъ произшествіемъ, тщетно старался заставить ее вынуть которую ни будь бумажку: но животное пришло въ несказанную досаду, и давало знать различными тѣлодвиженіями, что имя ис-

тиннаго законодателя не находилося въ чашѣ. Императоръ спросилъ у нее наконецъ, гдѣ оно: обезъяна подбѣжала къ чиновнику, и взяла его за ту руку, въ которой онъ держалъ то имя.

Какимъ бы образомъ кто ни толковалъ сію повѣсть; но то по крайней мѣрѣ достовѣрно, что сія обезъяна была весьма хорошо выучена.

О ПОЛЬЗѢ СЛОНОВЪ, ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ АРТИЛЛЕРІИ.

ВЪ Индіи слоны употребляются для перевозу артиллеріи по горамъ; и въ семъ-то случаѣ понятіе сего звѣря бываетъ ощутительнѣе. Вотъ какимъ образомъ слонъ поступаетъ: между тѣмъ, какъ волы, запряженные къ пушкѣ силятся встащить ее на гору, слонъ пехаетъ ее съ зади лбомъ, и при каждомъ дѣлаемомъ имъ усиліи, поддерживаетъ онъ лафетъ коленомъ. Кажется, что онъ

разумѣетъ то, что ему говорятъ. Когда вожатой его захочетъ, чтобъ онъ исполнилъ нѣсколько трудное путешествіе; то изъясняетъ ему прежде, въ чемъ состоитъ дѣло, и разсказываетъ ему подробно причины, долженствующіе побудить его къ повиновенію. Естьли слонъ покажетъ нехотѣніе въ исполненіи отъ него требуемаго; то Корнакъ обѣщаетъ ему дать Араку, или чего инаго, до чего онъ охотникъ; тогда сей звѣрь безъ труда на все соглашается.

(*Бюфонъ.*)

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ О СЛОНАХЪ.

Я многократно примѣчалъ, говоритъ Едуардъ Терри, что слонъ дѣлаетъ множество такихъ вещей, кои болѣе кажется свойственны человѣческому разуму, нежели естественному побужденію, которое ему приписывается. Онъ исполняетъ всѣ

приказанія своего хозяина. Естьли ему захочется, чтобъ онъ кого ни будь испугалъ; то слонъ приближается къ тому точно съ такимъ бѣшенствомъ, какъ будьто бы онъ и въ самомъ дѣлѣ хочетъ его убить: но подошедъ къ нему вдругъ остановится и не причинитъ ни малѣйшаго вреда. Естьли хозяинъ желаетъ надъ кѣмъ ни будь пошутить; то скажетъ о томъ слону, которой набравъ себѣ въ хоботъ воды и грязи, забрызжетъ ему лицо. Хоботъ его состоитъ изъ хряща, и виситъ между клыками. Нѣкоторые называютъ оный рукою его, по той причинѣ, что во многихъ случаяхъ онъ ему оказываетъ тѣ же самыя услуги, какія рука человѣку. У Могола есть слоны, служащіе палачами преступникамъ, на смерть осужденнымъ, Естьли вожатой ихъ прикажетъ имъ поскорѣе умертвить сихъ нещастныхъ; то они въ одинъ мигъ оныхъ разтерзываютъ и растаптыва-

122

ютъ ногами: но напротивъ того, естьли будетъ имъ приказано томить ихъ продолжительнымъ мученіемъ; то они имъ переламываютъ кости одну по одной, и причиняютъ имъ казнь столь же лютую, какъ и колесованіе.

(*Бюфонъ.*)

ПОЛЬЗА И УСЛУГИ, ПОЛУЧАЕМЫЯ ОТЪ ОБЕЗЬЯНЪ.

Францискъ Пирардъ повѣствуетъ, что въ Сіерра-Леонской провинціи есть родъ обезьянъ, называемыхъ барисами, кои весьма велики и толсты, и такимъ одарены понятіемъ, что естьли ихъ съ молода прикормить и выучить; то они могутъ служить вмѣсто человѣка; ходятъ они всегда на двухъ заднихъ ногахъ; толкутъ въ иготи, что имъ приказано будетъ; ходятъ за водою на рѣку съ кувшинами, кои наполнивъ приносятъ домой на го-

ловѣ; но пришедъ къ воротамъ дома, естьли нескоро возмутъ у нихъ сіи кувшины; то они роняютъ ихъ на землю, и увидя пролитой и разбитой кувшинъ, начинаютъ кричать и плакать.

Свидѣтельство Шутена согласуется съ Пирардовымъ, касательно воспитанія сихъ животныхъ: наловивъ, говоритъ онъ, молодыхъ обезьянъ тенетами, стараются ихъ сдѣлать ручными, учатъ ихъ ходить на заднихъ ногахъ, и употреблять передніе ноги, кои у нихъ почти подобны рукамъ, на дѣланіе нѣкоторыхъ домашнихъ работъ, какъ то, полоскать стаканы, мыть посуду, подавать пить, вертѣть жареное, стоять за стуломъ съ тарелкою и проч.

Я видѣлъ на островѣ Явѣ, говоритъ Гватъ, весьма чудную обезьяну: она была самка, росту большаго, ходила всегда весьма прямо на заднихъ ногахъ, и прикрывала, почти всегда, рукою отличительную часть

ея пола. На лицѣ ея не было иныхъ волосъ, кромѣ бровей, и она довольно походила вообще на тѣ странныя хари Готентотскихъ женщинъ, коихъ видалъ я на мысѣ Доброй Надѣжды. Сія обезъяна всякой день переправляла свою постѣлю, ложилась на оную порядочно, подкладывая подъ голову подушку, и одѣвалась одѣяломъ. Когда болѣла у нее голова; то она стягивала ее платкомъ; и весьма было забавно на нее смотрѣть лежащую въ семъ нарядѣ на постѣлѣ.

(*Бюфонъ.*)

Продолженіе впредь.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Приказавъ кому ни будь бросить двѣ игральныя косточки, найти число очковъ верьхней стороны каждой кости, не видя оныхъ.

Прикажите бросившему на столъ двѣ косточки приложить 5 къ двойному числу очковъ верьхней стороны, которой ни будь косточки, по томъ, велѣвъ помножить сумму тѣмъ же числомъ 5, скажите ему, чтобъ онъ приложилъ къ произведенію число очковъ верьхней стороны второй кости. Наконецъ спросивъ число сей второй суммы, вычтите изъ оной 25, то есть квадратъ того же числа пяти: остатокъ будетъ число, составленное изъ двухъ цыфръ, изъ коихъ первая, представляющая десятки, покажетъ число очковъ верьхней сторо-

124

ны перьвой кости, а второе, изображающее единицы, будетъ число очковъ верьхней же стороны второй кости.

Положимъ, что число очковъ верьхней стороны перьвой кости есть 2, а число очковъ верьхней стороны второй кости 3. Когда удвоишь 2, то есть число очковъ перьвой кости, и къ удвоенному числу 4, прибавишь 5; то получишь 9, которое будучи умножено тѣмъ же числомъ 5, произведетъ 45, къ коимъ прибавя 3, то есть число очковъ второй костй, получишь 48, изъ коихъ вычтя 25, квадратъ того же числа 5, останется 23, изъ коихъ перьвая цыфра 2 показываетъ число очковъ перьвой кости, а другая цыфра 3 означитъ число очковъ второй кости.

II.

Какъ узнать, какое кто число задумалъ.

Вели помножить само на себя задуманное число; по томъ вели приложить къ сему квадрату двойное число противъ задуманнаго; по томъ вели приложить единицу къ суммѣ квадратнаго и двойнаго чиселъ: наконецъ спросивъ число суммы сей, извлеки изъ нее квадратный радиксъ, изъ коего вычтя единицу, получишь въ остаткѣ задуманное число.

Напримѣръ, положимъ, что задуманное число есть 6; то квадратъ сего числа будетъ 36, къ коему ежели прибавишь 12, то есть двойное число, противъ задуманнаго, то получишь 48: къ сему числу приложивъ единицу, будетъ 49. Квадратный радиксъ 49 есть 7, изъ коего вычтя единицу, получишь задуманное число 6.

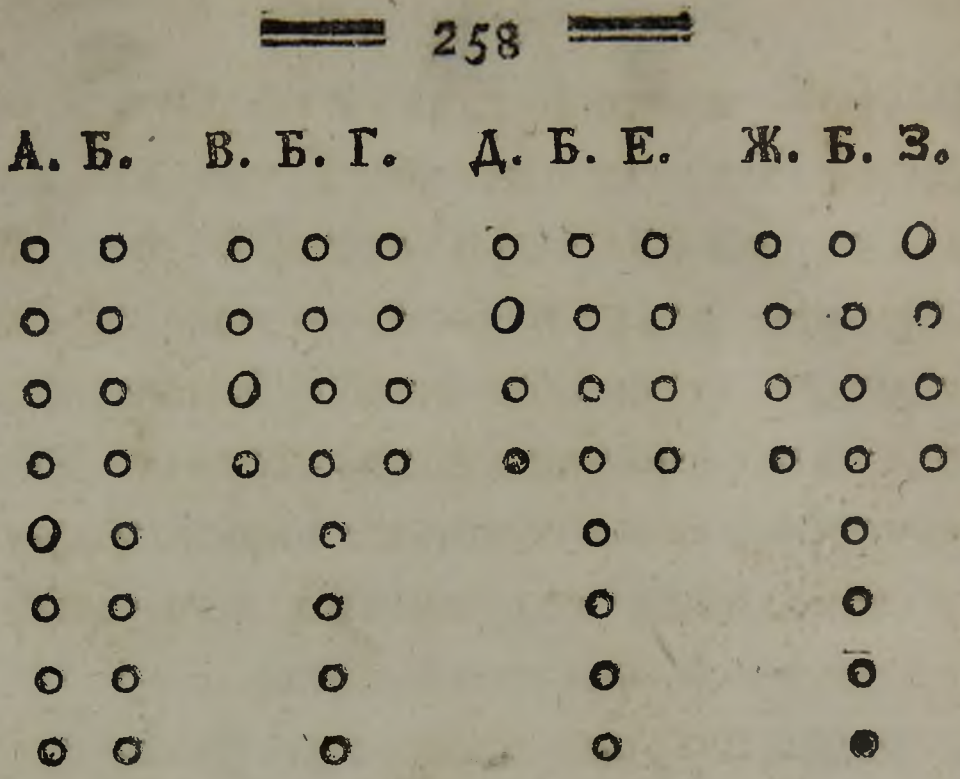
III.

Изъ шестнадцати жетоновъ угадать тотъ, которой кто ни будь задумалъ.

Сіи жетоны должно разложить въ два ряда такимъ образомъ, чтобъ въ каждомъ ряду было оныхъ по восьми, какъ въ приложенной при семъ фигурѣ представлено. По томъ надлежитъ спросить у того, кто задумалъ одинъ жетонъ, въ которомъ онъ ряду находится. Естьли отвѣтствуетъ онъ, что въ ряду А; то снявъ жетоны изъ ряда А расположи ихъ въ два ряда, изъ коихъ, чтобъ въ каждомъ было по 4 жетона, какъ видно въ В и Г; но рядъ Б должно оставить, какъ онъ былъ, не трогая онаго. Спросите еще, въ которомъ ряду задуманной жетонъ. Естьли скажутъ, что онъ въ ряду В; то снимите рядъ В и рядъ Г такъ, чтобъ жетоны одного ряда не смѣшалися съ жетонами другаго ряда, и сдѣлайте изъ нихъ два другіе ряда, какъ представлено въ Д и Е: но клавши ихъ рядомъ, сдѣлайте такъ, чтобъ жетоны ряда В были помѣщены по обѣимъ сторонамъ ряда Б такъ, чтобъ

пѣрьвый жетонъ ряда В былъ перьвой же въ ряду Д, чтобъ второй жетонъ ряда В былъ перьвый ряда Е, а третій ряда В былъ бы вторымъ въ ряду Д, по томъ, чтобъ четвертый ряда В, былъ вторымъ въ ряду Е и проч. Спросите еще, въ которомъ ряду находится задуманный жетонъ, и естьли вамъ скажутъ, что онъ въ ряду Д; по снимите еще разъ жетонъ, какъ сказано, и расположите ихъ такимъ же образомъ. Спросите наконецъ, въ которомъ ряду задуманной жетонъ: онъ долженъ тогда занимать перьвое мѣсто въ томъ ряду, въ которомъ скажутъ, что онъ находится: какъ въ слѣдующей фигурѣ, гдѣ косоизображенный жетонъ, есть перьвый своего ряда.

126



Примѣчаніе.

Гораздо удобнѣе дѣлать сіе увеселеніе картами, и хитрость еще болѣе можно скрыть, когда, узнавъ вышеписаннымъ образомъ карту, смѣшаешь карты и угадаешь оную.

IV.

Какъ дѣлать ракеты съ звѣздками.

Сіи звѣздки суть маленькіе шарики, столь яркій свѣтъ издающіе, что можно по справедливости сравнить оные съ настоящими звѣздами,

B. M
1
2
3
26A

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр	Стро.	Напечатано.	Читай.
5	13	одни	однихъ
8	14	новѣишее изобрѣтеніе	новѣищія изобрѣтенія
17	21	примѣшенной	примѣшанной
21	8	вооиство	свойство
--	9	смѣшенныхъ	смѣшанныхъ
22	3	исключая	исключающая
58	17	умираютъ	умираетъ
63	25	горячаго	горящаго
70	17	брожѳнія	браженія
75	4	мирровыхъ	миртовыхъ
82	3	носик	носки
84	18	бѣлку	бѣлка
99	2	какъ	лакъ
--	14	подвавь	подбавь
100	20	смолу	смолы
106	3	находимся	находишся
111	2	закрычитъ	закричитъ
--	8	вирхя	вихря
119	14	не чуствуютъ	не чувствуютъ
--	36	супроговъ	супруговъ
131	8	щетными почестями	щетныя почести
--	9	себѣ	себя
167	9	призвалъ	призванъ
257	11	жетонъ	жетоны
260	1	отъ него	отъ сего
261	17	вышумивъ	высушивъ

127

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ VI.

Печатано съ указнаго дозволенія
въ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

128

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

О ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ.

Подъ именемъ изящныхъ художествъ разумѣется Исторія, Поезія, Краснорѣчіе, Живопись, Скульптура, Музыка и Архитектура.

О ИСТОРІИ.

Исторія есть искуство предавать потомству достопамятныя дѣянія.

Съ начала Исторія состояла въ простыхъ лѣтописяхъ, въ коихъ за-

мѣчали по порядку временъ, главнѣйшія произшествія въ году случавшіяся.

Перьвый порядочный историкъ былъ Моисей. Величественная простота его слога, купно съ важностію повѣствуемыхъ имъ вещей, на каждой страницѣ показуетъ того, коего онъ былъ единственно провѣщателемъ.

Греки, коихъ природный даръ къ изящнымъ художествамъ служилъ въ оныхъ образцомъ всѣмъ прочимъ народамъ, довели искуство писать Исторію до высочайшаго степени совершенства.

Лучшіе Греческіе историки суть: Ѳукидидъ, Иродотъ и Ксенофонтъ. Ѳукидидъ изображаетъ съ отмѣнною выразительностію; читая его твореніе, кажется, видишь то, что онъ описываетъ. Ксенофонтъ разсказываетъ съ очаровательною пріятностію: онъ наполняетъ душу читателя сладчайшими и нѣжнѣйшими чувст

віями. Иродотъ кажется занимаетъ средину между сими двумя историками; онъ не столь изразителенъ, какъ перьвый, и не столь пріятенъ, какъ второй: но подобенъ величественной рѣкѣ, не имѣющей ни чрезмѣрной быстроты ни медлѣнности; но коея тихія и спокойныя воды тѣкутъ съ величественностію.

Римскіе историки, достойные совмѣстники Греческихъ, суть: Тацитъ, жившій въ царствованіе Веспасіяна. Въ перьвомъ вѣкѣ Христіянской церькви, онъ написалъ Исторію и Лѣтописецъ, съ такимъ выразительнымъ краснорѣчіемъ, что младшій Плиній сказалъ, что взялъ его за образецъ краснорѣчія, въ коемъ онъ желалъ упражняться, предпочтя его великому числу Ораторовъ, въ Римѣ тогда находившихся.

Салустій не уступаетъ въ ясности и силѣ выраженій ни одному изъ Греческихъ историковъ, даже и самому Ѳукидиду. Что до Тита

130

Ливія касается, то ни кто не можетъ сравниться съ нимъ въ томъ пріятномъ и убѣдительномъ витійствѣ, которое преклоняетъ всѣ сердца.

Вотъ правила, по которымъ должно судить о добротѣ Исторіи: историкъ не долженъ безъ разбора и безъ порядка сбирать кучею дѣянія; но останавливаться на томъ, что достойнѣе вниманія, рачительно оподробить оное и предложить со всевозможною ясностію. Для сего надлежитъ ему восходить до самаго источника вещей, и стараться открыть истинныя причины, побудившія дѣйствовать людей, о коихъ онъ повѣствуетъ. Онъ долженъ поддерживать и оживотворять повѣсти свои живымъ и благороднымъ слогомъ, не выходя изъ предѣловъ судіи наставляющаго народы, и распредѣляющаго славу смертнымъ, о коихъ онъ имѣетъ случай говорить, смотря по тому хвалы или хулы, почитаетъ онъ ихъ достойными.

Должно, чтобъ ни одного слова не вырывалось у него, которое бы выходило изъ предмета, имъ предлагаемаго, и всѣ бы его выраженія казалися внушенными ему важностію повѣствуемыхъ имъ вещей.

Разница между Исторіею и записками состоитъ въ томъ, что перьвая говоритъ токмо о всенародныхъ произшествіяхъ, а записки могутъ упоминать такъ же о дѣяніяхъ и приключеніяхъ частныхъ людей, кои до Государства не касаются.

Отличившіеся въ семъ послѣднемъ родѣ писанія, суть между древними Іюлій Цесарь, а у насъ Рошефукольтъ, Герцогъ Сюлли и множество другихъ.

Главное образовательное свойство такихъ сочиненій, должно быть легкій и естественный слогъ безъ всякаго тщетнаго витійства, заставляющій чувствовать человѣка а не Автора.

131

Таковаго рода писатели должны необходимо имѣть глубокое знаніе свѣта и дѣлъ, ими повѣствуемыхъ; по чему и можно, читая ихъ творенія, образовать правильно понятіе о вещахъ и вкусъ.

Ученые журналы суть повѣствованіе всего достопамятнаго, происходящаго въ Республикѣ ученыхъ, съ краткимъ и критическимъ изложеніемъ всѣхъ вновь выходящихъ книгъ.

Перьвый Авторъ ученыхъ журналовъ былъ *Сало*, Совѣтникъ Парижскаго Парламента. Глубокая ученость, вкусъ и соль, разсыпанные въ перьвыхъ опытахъ сихъ твореній, родили въ прочихъ просвѣщенныхъ народахъ желаніе завести таковые и у себя.

Польза отъ Исторіи происходящая состоитъ въ томъ, что мы познавая людей, познаемъ и себя. Частная Исторія великихъ людей, въ которой историкъ старается неопустить ни одного достопамятнаго

сказанія, и ни малѣйшей подробности жизни своего Героя, весьма удобно подать сіе свѣдѣніе.

О ПОЕЗІИ.

Разность, между Исторіи и Поезіи находящаяся, состоитъ въ томъ, что перьвая ищетъ только научить, и употребляетъ на то простый и равный слогъ. Стихотворство же имѣя цѣлію токмо то, чтобъ нравиться и поражать воображеніе, употребляетъ въ семъ намѣреніи все то, что чувствія имѣютъ блистательнѣйшаго.

Способы, употребляемые Поезіею для пораженія сердца и ума, состоятъ въ томъ, что она одушевляетъ всѣ даже самыя нечувствительнѣйшія бытія, какъ то, вѣтры, рѣки, и придаетъ страсти всему тому, что можетъ чувствовать, какъ то богамъ и людямъ, поставляя ихъ въ чрезвычайныя положенія.

132

Сіе искуство основано на томъ, что человѣкъ весьма удобно чувствуетъ разныя страсти / при всѣхъ трогательныхъ и нѣжныхъ предметахъ, и находитъ въ томъ великое удовольствіе.

Лирическая Поезія перьвая вошла въ употребленіе. Люди исполненные удивленія къ Творцу своему и къ Героямъ, начали къ звуку музыкальныхъ орудій присоединять слова выразительныя и живыя, изображающія чувствія ихъ сердецъ. Возмемъ въ примѣръ Лирическаго стихотворства славныя пѣсни Моисеевы, мы увидимъ въ нихъ благородныя мысли, великолѣпный слогъ, сильныя выраженія, смѣлое витійство; все въ нихъ наполнено вещами, поражающими умъ и воображеніе; все въ нихъ велико, сильно, выразительно, купно съ величественною простотою, которая возноситъ его творенія выше всякаго языческаго краснорѣчія.

Главнѣйшіе въ семъ родѣ стихотворцы суть: Пиндаръ и Горацій у древнихъ, а у насъ Малгербъ, Руссо и Ломоносовъ.

Горацій начерталъ намъ изображеніе Пиндара въ сочиненной ему похвальной одѣ: онъ представляетъ намъ его подобно быстрому потоку, которой не сохраняя въ своемъ теченіи извѣстнаго пути, съ шумомъ низвергается въ долины, и часто, подобно быстрому орлу, возлѣтаетъ къ облакамъ и парѣяется въ небесахъ.

Горацій нѣжнѣе и пріятнѣе Пиндара, кажется менѣе его способенъ къ описанію сильнаго и ужаснаго, нежели пріятнаго и нѣжнаго. Однакожъ и онъ иногда возлѣтаетъ; хотя не съ такою быстротою какъ Пиндаръ; но всегда съ пріятностію и силою.

Безсмертный Ломоносовъ, Пиндаръ нашего времени, соединилъ въ себѣ всѣ свойства, приписуемые древ-

133

нимъ; огонь, изступленіе, громкость и выразительность. Съ какимъ великолѣпіемъ, съ какимъ благородствомъ говоритъ Господь въ его духовныхъ пѣсняхъ, съ какимъ громкимъ краснорѣчіемъ описываетъ онъ побѣды Россіянъ. Однимъ словомъ, ни кто лучше его не умѣлъ облагородить и обогатить предмета своего всѣми красотами и великостями природы. Сколь жаль, что преждевременная смерть похитила его при началѣ Царствованія Богоподобныя ЕКАТЕРИНЫ! Воспѣвая ЕЯ великія дѣла, далеко бы оставилъ онъ за собою *Пиндаровъ и Малгербовъ.*

О ТРАГЕДІИ.

Трагедія получила свое начало отъ Лирической Поезіи. Повѣсть о томъ довольно извѣстна: Икарій, отъ коего Икарія получила свое названіе, нашедъ козла въ виноградномъ саду, недавно имъ насажден-

номъ, которой опустошалъ онъ, принесъ его въ жертву Вакху. Свидѣтели сего жертвоприношенія радуясь сему зрѣлищу и мыслямъ, отъ того родившимся, начали плясать вокругъ жертвы, воспѣвая хвалы Вакху. Сіе увеселеніе полюбилося, и вскорѣ учинилось во всей Греціи ежегоднымъ торжествомъ. Однакожъ, какъ частое повторѣніе однихъ пѣсенъ наскучило; то Ѳеспидъ вздумалъ прерывать хоры, и началъ вводить Актера, вымазаннаго грязью, которой съ высоты колесницы повѣствовалъ нѣкоторыя забавныя мѣста изъ Миѳологіи и изъ Исторіи. Сіи повѣсти понравились, и вскорѣ содѣлались главнымъ предметомъ сего торжества. Такимъ образомъ родилась трагедія посредѣ пляски и пиршествъ. Сіе названіе есть Греческое, и составлено изъ двухъ словъ, *трагосъ* козелъ, и *оди* пѣснь, что по Руски выйдетъ, козлиная пѣснь.

Трагодія, или какъ мы нынѣ

134

называемъ, трагедія, не долго пребыла въ семъ положеніи, вскорѣ было примѣчено, что чего-то не достаетъ симъ повѣстямъ, въ коихъ часто заставляли говорить тѣхъ, коихъ славныя дѣянія разсказывались, и заключили, что подражаніе будетъ совершеннѣе, когда начнутъ, такъ сказать, вызывать изъ царства мертвыхъ тѣней сихъ великихъ людей, и заставлять ихъ самихъ говорить и дѣйствовать въ присутствіи зрителей.

Изобрѣтатель сего послѣдняго искуства былъ Ахиллъ, знаменитый Греческій полководецъ; начальствовавшій надъ войсками при Саламинскомъ сраженіи, и которой по возвращеніи изъ похода вздумалъ представлять на Театрѣ нещастіе побѣжденныхъ имъ непріятелей; но съ такимъ жаромъ и запальчивостію, которое болѣе походило на бѣшенство, нежели на стихотворческіе восторги.

Софоклъ усовершенствовалъ Греческую трагедію, исправивъ исполинскую пышность и уродливую надутость Ахиллову, сохранилъ всю величественность и благородство, свойственныя трагическимъ лицамъ. Совмѣстникъ его въ семъ искуствѣ былъ Еврипидъ, коего свойство образуютъ нѣжность и пріятность, такъ какъ величавость и сила образуютъ свойство Софокла.

Латинскій Θеатръ былъ испорченный Греческій, въ которомъ не находятъ ни того знанія Θеатра, ни тѣхъ нравовъ, ни того правдоподобія, которое Греки столько любили. Но естьли Римляне ни чего совершеннаго не произвели въ трагедіи, то преданное ими намъ подало поводъ къ произведенію новаго Θеатра, столь правильнаго и столь изящными правилами снабденнаго.

Петръ Корнелій, славный Французскій трагикъ, почерпнулъ изъ Лукана и изъ Сенеки свои вели-

135

чайшія красоты, а МоліерЪ, сей неподражаемый комикЪ, почерпнулЪ изЪ Плавта и изЪ Теренція свои лучшіе характеры.

Славнѣйшіе Трагическіе стихотворцы суть: у ФранцузовЪ, Корнелій, РасинЪ, ВолтерЪ и КребильонЪ, вЪ Англіи ШекспирЪ, вЪ Нѣмецкой землѣ ЛессингЪ, у насЪ же вЪ Россіи СумароковЪ, котораго, по справедливости, можно назвать отцемЪ Россійскаго Ѳеатра. Красота его характеровЪ, естественное и занимательное расположеніе его трагедій; благородныя чувства и мысли, плавкость слога, и прочія многія совершенства, обѣщаютЪ безсмертіе его твореніямЪ, кои еще и понынѣ сЪ неменьшимЪ удовольствіемЪ принимаются публикою, какЪ и во время новости ихЪ.

Продолженіе впредь.

О ЗАТМѢНІЯХЪ.

Есть три рода затмѣній, а именно: затмѣнія Солнечныя, затмѣнія Лунныя и затмѣнія Спутниковъ.

Солнечныя затмѣнія, кои справедливѣе назвать затмѣніями земли; ибо земля лишается въ то время свѣта, и слѣдовательно она затмѣвается, случаются тогда, когда Луна находится между Солнцемъ и землею; поелику и тогда лучи Солнечные перехвачены; то изъ сего слѣдуетъ, что та часть земли, на которую они должны упадать, лишается менѣе или болѣе свѣта, смотря по тому, сколь близко или далеко линѣя, соединяющая средоточія Солнца и Луны, проходитъ близъ того мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ сіе затмѣніе наблюдается, или по тому, сколь далеко или близко Солнце и Луна находятся отъ земли.

136

Случается иногда, что Луна, будучи въ своемъ *апогеѣ*, или въ дальнѣйшемъ своемъ отъ земли разстояніи, а Солнце въ *перигеѣ*, или въ ближайшемъ своемъ удаленіи, то линѣя, проходящая сквозь средоточіе сихъ небесныхъ тѣлъ, упадаетъ на которую либо часть земли. Тогда нѣкоторая только часть Солнца закрывается, а края его видны на подобіе свѣтлаго кружка во кругъ всей Луны, сіе называется колечное затмѣніе. Сіе свѣтлое кольцо, окружающее темное тѣло Луны, продолжается токмо нѣсколько минутъ, для одного мѣста, по тому, что, дабы его такимъ образомъ видѣть, должно находиться въ направленіи продолженной Оси Конуса, составленнаго тѣнію Луны, которая проходитъ съ скоростію, равною разности, находящейся между движеніемъ Луны и Солнца. И такъ изъ сего легко можно понять, что колечныя затмѣнія не суть таковы,

для всѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ бываютъ видимы.

ПОЛНОЕ ЗАТМѢНІЕ.

Когда Солнце и Луна находятся въ такомъ отъ насъ разстояніи, что видимые ихъ діаметры суть равны, тогда въ мѣстахъ, кои находятся прямо противъ средоточій обѣихъ сихъ свѣтилъ, примѣчается не токмо средоточное затмѣніе, но еще и полное; однакожъ Солнце на одно только, почти, мгновеніе совершенно отъ глазъ скрывается, по причинѣ скораго движенія Луны.

ЗАТМѢНІЕ ПОЛНОЕ СЪ ПРЕБЫВАНІЕМЪ ВЪ ТѢНИ.

Когда Луна находится прямо между СолнцемЪ и землею, и естьли, сверьхъ того, она въ ближайшемъ отъ насъ разстояніи, особливо же когда Солнце случится въ дальнѣйшемъ разстояніи: то изъ сего

137

слѣдуетъ не только средоточное и полное затмѣніе; но еще и съ пребываніемъ въ тѣни, то есть, что видимый поперешникъ Луны будучи больше Солнечнаго, затмѣніе можетъ продолжаться болѣе трехъ часовъ. Дека Солнечная можетъ пробыть въ совершенной тѣмнотѣ въ продолженіи четырехъ или пяти минутъ: но не больше.

Не должно забыть сказать, что Солнечное затмѣніе хотя и средоточное; но не во всѣхъ частяхъ земли, симъ свѣтиломъ освѣщаемыхъ, примѣчается, но въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ затмѣнія, а въ другихъ оно не равнымъ образомъ видно. Вотъ тому причина: Луна меньше земли; сверьхъ же того тѣнь Луны уменьшается безпрестанно, по мѣрѣ отдалѣнія своего отъ сей планеты. Слѣдовательно тѣнь сія, столько, достигнувъ до земли, уменьшается, что не можетъ покрыть, кромѣ одной небольшой части, ея

поверьхности. Слѣдовательно одна только малая часть земли можетъ имѣть затмѣніе въ одно опредѣленное время.

ЧАСТНОЕ ЗАТМѢНІЕ.

Естьли случится, что Луна и Солнце будучи въ своемъ ближайшемъ или дальнѣйшемъ отъ земли разстояніи, линѣя же, соединяющая ихъ средоточія, находится на извѣстное разстояніе удаленною отъ даннаго мѣста на земной поверьхности; то въ семъ мѣстѣ послѣдуетъ частное затмѣніе, то есть, что Солнце ущербнетъ съ одного бока, или до половины, или только на одну четверть своего поперешника. Астрономы различаютъ сіи затмѣнія по числу дюймовъ. Для сего полагаютъ они, что поперешникъ Солнечный раздѣленъ на двенадцать частей, называемыхъ дюймами, а каждый дюймъ на шестдесятъ ми-

138

нутъ. Такимъ образомъ, что ежели третья часть Солнца затмится; то они говорятъ, что затмѣніе на четыре дюйма и прочее, въ Сѣверной или Южной части Солнца. Поелику Солнечныя затмѣнія случаются токмо въ новомѣсячія, и когда въ то же самое время Луна находится въ своихъ узлахъ, то есть, въ одной изъ тѣхъ двухъ точекъ, гдѣ орбитъ ея пресѣкаетъ еклиптику, и какъ сіи два обстоятельства могутъ встрѣтиться только два раза въ годъ; то изъ сего слѣдуетъ, что обыкновенно не бываетъ въ году болѣе двухъ Солнечныхъ затмѣній: однако же, поелику одной близости Луны къ ея узламъ довлѣетъ для затмѣнія Солнца, въ какой либо части земли; то можетъ случиться, что бываетъ въ году и три Солнечныхъ затмѣній, и даже болѣе; но тогда сіи затмѣнія весьма малы, и видимы обыкновенно бываютъ только въ крайнихъ странахъ земнаго

шара, то есть, подъ тѣмъ или другимъ полюсомъ.

Удобнѣе можно понять, что разумѣется здѣсь подъ именемъ узловъ, прочитавъ слѣдующее: путь планетъ и еклиптики могутъ изображаться какъ два обруча, одинъ въ другой вложенные, но не много наклоненные одинъ въ разсужденіи другаго, точки же пресѣкновенія сихъ двухъ обручей, суть сіи узлы. Поелику не нужно, чтобъ сіи обручи были одинакой величины, дабы казались пересѣкающимися, то и пути планетъ и еклиптика не прикасаются другъ до друга въ точкѣ пресѣкновенія; но должно разумѣть, что онѣ находятся въ такомъ положеніи, что кажутся пресѣкающимися, въ разсужденіи глаза, которой бы помѣщенъ былъ такъ, чтобъ могъ уловить сіе дѣйствіе: сего довольно, кажется, для уразумѣнія, что такое называется узломъ; надлежитъ только примолвить, 1е, что они перемѣня-

139

ютъ положеніе; 2е, что узлы планетъ, а особливо Лунные, движутся въ направленіи противномъ движенію планетъ, то есть, отъ Востока къ Западу; 3 е, что называется узломъ восходящимъ, такой, чрезъ которой планета проходитъ изъ Южной части еклиптики въ Сѣверную; а низходящимъ, тотъ, которой сему противоположенъ (*). Но обратимся къ затмѣніемъ.

Я надѣюсь, разумѣютъ уже изъ всего вышесказаннаго, что Солнечныя затмѣнія не могутъ иначе быть, какъ въ новомѣсячіе, то есть, когда Луна бываетъ намъ не видима, находяся въ соединеніи(**) съ Солн-

(*) Сіе означается слѣдующими двумя знаками:
☊ Узелъ восходящій.
☋ Узелъ нисходящій.

(**) Двѣ планеты находятся въ соединеніи, когда онѣ бываютъ подъ однимъ градусомъ, одного знака зодіака, и въ противоположеніи, когда онѣ на шесть знаковъ отстоятъ другъ отъ друга. Вотъ какъ сіе изъясняютъ:
☌ Соединеніе.
☍ Противоположеніе.

цемъ, иначе же бы она не была между Солнцемъ и землею. Что касается до наблюденія сихъ затмѣній; то вотъ какимъ образомъ Астрономы поступаютъ. Они приправливаютъ стекло къ ставню плотно закрытой комнаты, и чрезъ него получаютъ изображеніе Солнца и Луны на положенной бѣлой бумагѣ; они раздѣляютъ поперечникъ, изображеннаго такимъ образомъ Солнца, на двенадцать равныхъ частей единосредоточными шестью кругами, симъ способомъ измѣряютъ они величину затмѣнія и его продолженіе, съ помощію вѣрныхъ часовъ; другіе же приправливаютъ къ фокусу зрительной трубы микрометръ (мѣлкомѣръ), и смотрятъ прямо на Солнце въ сію трубу; посредствомъ же нитокъ микрометра, они не токмо измѣряютъ величину затмѣнія; но даже и видимый поперешникъ обѣихъ свѣтилъ и проч. Все сіе довольно трудно для не привыкшихъ къ дѣ-

140

ланію опытовъ, или къ наблюденіямъ; но я имъ предложу наблюденія самыя простыя и требующія весьма малаго, со стороны ихъ, вниманія. Вотъ что они могутъ наблюдать въ Солнечныхъ затмѣніяхъ.

Съ помощію хорошей трубы, снабдѣнной темными стеклами, должно начать наблюдать Солнце не много прежде назначеннаго къ затмѣнію времени, дабы не сдѣлать какой либо ошибки и не пропустить начала, по неправильному вычету разности меридіановъ, или по незнанію настоящаго мѣста, съ котораго Солнце начнетъ затмѣваться; ибо хотя Солнце и всегда съ Западнаго своего края начинаетъ померкать, но не можно точно знать, какою точкою его окружности сіе начнется. Причиною же тому, что Солнце начинаетъ затмѣваться съ Западнаго края, есть то, что движеніе Луны скорѣе Солнечнаго и дѣлается отъ Запада къ Востоку, и что, слѣдовательно, дол-

жна Луна прежде прикоснуться до Западнаго края Солнца. И такъ надлежитъ примѣчать точное время, въ которое Солнце начнетъ ущербать отъ круга Луннаго, и прочіе пункты, которые родъ затмѣнія наблюдать позволитъ, какъ я уже сказалъ о прохожденіи планетъ мимо Солнца. Кромѣ того можно, и слѣдовательно полезно, наблюдать всѣ дѣйствія лучей, во время затмѣнія, назначать ихъ время и мѣста на краяхъ или на кругахъ обѣихъ свѣтилъ, упоминать о ихъ цвѣтѣ, живости, щитать время погруженія и проч.

Вотъ еще другія наблюденія, хотя и не относящіяся къ Астрономіи, но изъ коихъ бы Философія могла извлечь нѣкоторую пользу. Сіи наблюденія можно дѣлать во время полныхъ Солнечныхъ затмѣній, а особливо, съ пребываніемъ въ тѣни. Примѣчаютъ, дѣлаютъ ли тогда какое движеніе барометръ и вермо-

метръ; чувствуютъ ли животныя сіе произшествіе, коего, безъ сомнѣнія, они не ожидаютъ, и показываютъ ли отъ того они какой страхъ движеніями, или крикомъ своимъ; показываются ли ночныя птицы; садятся ли куры на нашести, поютъ ли пѣтухи и проч. и проч.

Я надѣюсь, что простятъ мнѣ небольшое отступленіе отъ моего предмета, которое не совсемъ чуждо сей матеріи. Упражняяся въ наукахъ и художествахъ, часто я желалъ имѣть луциметръ (свѣтомѣръ); такимъ образомъ можно бы назвать орудіе, которое бы служило для измѣренія степеней свѣта, въ разныя времена бываемаго, и въ разныхъ странахъ, подобно, какъ измѣряютъ различную высоту парокружія горъ, съ помощію барометра, и степенями тѣплоты, тѣпломѣра. Астрономія могла бы получить немалую выгоду изъ такого орудія; знавши уменьшеніе свѣта, причиненное затмѣніемъ,

не можно ли было бы судить о величинѣ онаго, лишь бы только погода была ясная, и когда бы взяты были всѣ предосторожности, чтобъ не впадать въ погрѣшности, дѣлая симъ образомъ наблюденія. Живописецъ написавши картину, для помѣщенія оной въ церкви, или гдѣ индѣ, не могъ ли бы, съ помощію свѣтомѣра, удостовѣриться въ дѣйствіи своей картины, не смотря на разность степени свѣта, освѣщающаго оба сіи мѣста? Весьма удобно понять, что употребленіе сего орудія, которое, я думаю, не существуетъ, симъ бы еще не ограничилось. Желательно, чтобъ кто нибудь занялся симъ изобрѣтеніемъ; я бы оное и самъ учинилъ, естьли бы упражненія мои мнѣ оное дозволили. Въ такомъ случаѣ главное стараніе должно быть, чтобъ найти постоянную точку свѣта въ природѣ, какъ Г. Реомюръ нашелъ такую точку въ тѣплотѣ, для своего тѣпломѣра.

142

Луна могла бы, можетъ быть, снабдить насъ оною, естьли бы взять ея въ такихъ обстоятельствахъ, кои наименѣе неудобствъ представляютъ. Сжиманіе и разжиманіе жилокъ глазнаго зрачка, проходя отъ великой темноты къ ясному свѣту, можетъ подать мысли о семъ изобрѣтеніи, равно какъ и опыты о свѣтѣ, находящіеся въ 5^мъ томѣ Експериментальной Физики Г. Аббата Нолета; сочиненія Г. де ла Шамбра, и отца Кастеля и проч.

Сказанное мною о Солнечныхъ затмѣніяхъ, избавляетъ меня отъ многаго говорить о Лунныхъ. Сіи случаются только тогда, какъ земля находится между Солнцемъ и Луною, во время полнолунія, и сверьхъ того надобно, чтобъ Луна находилася въ извѣстной близости отъ одного изъ своихъ узловъ. Сіи затмѣнія примѣчаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы Луна была видима, естьли бы она не была затмѣнена,

по тому, что Луна не имѣетъ собственнаго свѣта. Всѣ Лунныя затмѣнія суть одинакой величины для всей земли, и начинаются въ единую минуту для всѣхъ тѣхъ, кои въ то время видятъ Луну на горизонтѣ своемъ. Восточный край Луны всегда первый затмѣвается, по тому, что Луна движеніемъ своимъ отъ Запада къ Востоку предъускоряетъ движеніе Солнца, какъ то мы уже сказали говоря о затмѣніяхъ сего свѣтила.

Полутѣніе (*) есть препятствіе, учиняющее довольно невѣроятными наблюденія Солнечныхъ затмѣній; что не случается въ прохожденіи планетъ мимо Солнца, ни въ Солнечныхъ затмѣніяхъ, ни даже въ звѣздныхъ затмѣніяхъ отъ Луны. Затмѣнія Юпитеровыхъ спутниковъ подвержены такимъ же неудобствамъ, хотя и въ другомъ родѣ; но не

(*) Полутѣніе есть часть тѣни, освѣщенная частію свѣтозарнаго тѣла.

143

вѣрность, отъ того выходящая, не есть велика; по крайней мѣрѣ, что касается до перваго и втораго спутниковъ.

Сколь бы Лунное затмѣніе не было велико, но весьма рѣдко случается, чтобъ сія планета совершенно скрылась; обыкновенно принимаетъ она на себя цвѣтъ посредственно раскаленнаго желѣза, что весьма удивляетъ людей, незнающихъ тому причины. Вотъ отъ чего сіе случается: Луна, даже и въ самое величайшее затмѣніе свое, получаетъ нѣсколько лучей Солнечныхъ, кои преломляются и пресѣкаются въ земномъ парокружіи.

О ЗАТМѢНІЯХЪ СПУТНИКОВЪ.

Когда Юпитеръ довольно отдаленъ отъ Солнца, то въ то время наблюдаютъ затмѣніе его спутниковъ. Они случаются по тому, что орбитъ ихъ мало наклоняется къ

орбиту Юпитерову; сверьхъ же того, поелику сія планета весьма велика, то спутники ея часто погружаются въ тѣни ея. Сіи затмѣнія весьма удобно наблюдать съ помощію хорошаго телескопа (звѣздозора) или большой трубы. Ничто столь не способствуетъ къ найденію градуса долготы, какъ наблюденія сихъ затмѣній и прохожденія планетъ мимо Солнца, что весьма полезно для мореплаванія.

Спутники Сатурновы такъ же затмѣваются.

Можно такъ же наблюдать затмѣнія неподвижныхъ звѣздъ и планетъ отъ Луны.

Перьвымъ предсказаніемъ затмѣній обязаны мы Ѳалесу Милетскому, а по мнѣнію другихъ Паламиду.

144

ПРОДОЛЖЕНІЕ
О ДѢЛАНІИ СОЛНЕЧНЫХЪ ЧАСОВЪ.

VII.

Для Механическаго начертанія вертикальныхЪ СолнечныхЪ часовЪ, надлежитЪ начать тѣмЪ, что провести меридіанЪ какЪ прежде сказано; потомЪ приложить кЪ подошвѣ гномона, или центра часовЪ, гномонЪ СолнечныхЪ часовЪ горизонтальныхЪ, сдѣланныхЪ по широтѣ того мѣста, гдѣ находишся. Когда гномонЪ плотно и вѣрно покроетЪ меридіанЪ; то начерти тогда линѣи, равныя линѣямЪ горизонтальныхЪ часовЪ: но продолжи ихЪ линѣйкою.

Таблица часовыхЪ дугЪ, вЪ пятой части помѣщенная, можетЪ равномѣрно служить и для вертикальныхЪ часовЪ.

VIII.

Вотъ еще нѣкоторыя простыя и методическія дѣйствія, касательно вертикальныхъ Солнечныхъ часовъ.

Солнечные вертикальные часы, прямые или правильные, суть тѣ, коихъ плоскость параллельна большому вертикальному кругу, мысленно проходящему чрезъ точки Зенита и Надира страны, въ которой находишся, и такъ же чрезъ точки равноденственнаго Востока и Запада.

Неправильными называются такіе часы, коихъ плоскость параллельна какому нибудь изъ вертикальныхъ круговъ, кои не проходятъ чрезъ точки Востока, Запада, Юга и Сѣвера. Склоненіе ихъ берется только отъ Сѣвера къ Югу: что дѣлается по меридіану. Смотри номеръ IV и IX. Когда вертикальные часы направлены прямо къ Югу, несклоняясь ни къ Востоку ни къ За-

145

паду; то ихъ называютъ вертикальными Южными правильными. Они дѣлаются такимъ же образомъ, какъ и горизонтальные, подъ номеромъ II означенные, выключая, 1е, что вмѣсто того, чтобъ взять центръ на линѣи высоты полюса, онъ берется на равноденственной линѣи. 2е, на сей же линѣе берется треугольникъ долженствующій служить гномономъ: такимъ образомъ, чтобъ уголъ, собственно составляющій тѣнникъ или гномонъ, былъ бы на столько же подъ 58 градусомъ, на сколько выше сего градуса уголъ, которой долженъ имѣть гномонъ горизонтальныхъ часовъ. 3е, случается, что сторона, означавшая часы утренніе, на горизонтальныхъ часахъ, означаетъ на сихъ часы вечерніе. Однимъ словомъ, ето второй чертежь нашъ опрокинутый, и коего часы перенесены съ лѣва на право.

Естьли отнимешъ отъ того же

втораго чертежа (оставя ихъ въ томъ положеніи, которое предписано имъ во 2 номерѣ,) часы, занимающіе всю верьхнюю часть между осмью и четырью; то получишь *Вертикальные Сѣверные прямые часы.* Сіи часы могутъ употребляться токмо въ должайшіе дни, и означаютъ единственно часы отъ четырехъ до осми, какъ по утру, такъ и въ вечеру.

Равноденственные Солнечные часы суть тѣ, кои начертываются на плоскости параллельной екватору, или равноденственной линѣи. Сіи часы суть изъ всѣхъ вѣрнѣйшіе и легчайшіе для начертанія. Іе, описавъ кругъ какой пожелаешь величины, раздѣли на двадцать четыре равныхъ частей. Но означь изъ нихъ только 18, по тому, что Солнце въ наши должайшіе дни не можетъ дѣлать на нихъ тѣни, какъ отъ трехъ часовъ утра, до девяти часовъ вечера. (Смотри чертежь 4 и). Гномонъ

146

сихъ часовъ долженъ быть прямой прутъ, или шпиль, поставленный сколь можно перпендикулярнѣе въ средоточіе круга: нѣтъ нужды, какой бы онъ длины не былъ, лишь бы только, хотя нѣсколько, соразмѣрялся съ величиною часовъ. 2е, дабы поставить сіи часы; то должно ихъ поворотить стоймя къ Сѣверу, чтобъ число 12 находилось въ низу; и всѣ часы направить такъ, чтобъ черта, идущая отъ 12 къ противоположенной крайности круга, отвѣчала градусу екватора, того мѣста, гдѣ находишся. Сія самая линѣя, которая есть и меридіанъ, должна отвѣчать полуденной линѣи, взятой, какъ мы выше сего предписали въ номерѣ IV, или какъ то показано будетъ въ номерѣ IX. Смотря на сіи часы, должно лицомъ быть къ Югу, а Востокъ чтобъ былъ на лѣвой рукѣ.

Часы, здѣсь изображенные, называются верьхними: они служатъ

отъ весенняго равноденствія до осенняго.

Есть и такіе часы, кои служатъ только отъ осенняго равноденствія до весенняго: они называются нижними. Ихъ начертываютъ на другой сторонѣ той же доски, такъ, что шпиль, проходящій на сквозь, можетъ служить для обѣихъ временъ. Вмѣсто того, что верьхніе часы запрокидываютъ, болѣе или менѣе, назадъ, смотря по широтѣ мѣста, и что они направлены къ Сѣверу. Нижніе часы наклоняются на столько же градусовъ къ землѣ, съ полуденной стороны. Число 12 должно и на нихъ, такъ какъ и на верьхнихъ, находиться въ низу.

IX.

Сыскать склоненіе вертикальныхъ часовъ.

Сыщи тонкую и весьма гладкую доску; наклѣй на нея бѣлую бумагу, и на сей бумагѣ, поставя ножку циркуля въ средину, яко въ

147

центрЪ, опиши многіе единосредоточные круги.

2. ИзЪ средоточія сихЪ круговЪ, проведи прямую линѣю, упадающую перпендикулярно на ту сторону доски, коя должна быть приложена кЪ стѣнѣ, или кЪ иной вертикальной плоскости, которой склоненіе вѣдать желаешь.

3. Поставь вЪ сіе самое средоточіе иголку, вмѣсто шпиля, сколь можно перпендикулярнѣе, вЪ разсужденіи доски: что можно со всякою точностію учинить, приложа по иголкѣ наугольникЪ.

4. Приложи сію доску кЪ стѣнѣ, наблюдая, чтобЪ плоскость, на коей описаны круги, была совершенно горизонтальна. Для сего должно употребить отвѣсЪ.

5. Наблюдай до полудня то время, вЪ которое Солнце ударяя на доску, крайность тѣни иглы коснется до окружности котораго либо изЪ означенныхЪ круговЪ. ЗамѢть

сію секцію, для большей же вѣрности дѣлай сіе замѣчаніе на многихъ кругахъ. Сіе продолжай и по полудни.

6. По томъ сними свою доску, и изъ двухъ противолежащихъ точекъ, на одномъ кругѣ назначенныхъ, расствори циркуль по произволенію, опиши двѣ дуги, кои бы пресѣкалися въ противоположенной сторонѣ, упомянутой выше сего въ номерѣ 2 линѣи. По томъ изъ средоточія круговъ, проведи прямую черту въ точку пресѣкновенія сдѣланныхъ дугъ. Уголъ, которой сія линѣя составитъ съ означенною во второмъ номерѣ сего члена, будетъ уголъ склоненія: то есть, что стѣна будетъ склоняться на столько градусовъ, сколько сей уголъ или дуга, проведенная между сими двумя линѣями, будетъ ихъ въ себѣ заключать. Для удостовѣренія себя въ томъ, приложи на сей уголъ транспортиръ: или опиши изъ сего

148

угла дугу между двумя помянутыми линѣями; перенеси ея на четверть круга на такое же разстояніе отъ центра, и сочти по оному градусы.

Другое кратчайшее дѣйствіе для сего же.

Начертивъ на доскѣ перпендикулярную линѣю, въ разсужденіи той стороны, которая должна быть приложена къ стѣнѣ, означь точкою конецъ тѣни шпиля въ три разныя времена въ теченіе одного или двухъ часовъ, по утру и въ вечеру. По томъ найди центръ сихъ трехъ точекъ, какъ бы для описанія круга, коего они должны составлять часть, со стороны противоположенной тѣни шпиля; и изъ сего центра проведи прямую линѣю къ подножію шпиля: такимъ образомъ получишъ менѣе, нежели въ два часа, ту же самую линѣю, которую вышесказанный способъ научаетъ нахо-

дить посредствомъ многихъ точекъ, на кругахъ назначенныхъ.

Дабы со всякою точностію найти центръ сихъ двухъ точекъ; то опиши изъ каждой изъ двухъ ближайшихъ другъ отъ друга, яко изъ центра, дуги, въ противной сторонѣ тѣни шпиля, и кои бы пересѣкалися: по томъ растворивъ циркуль или сжавъ оной, засѣки другія дуги выше или ниже перьвыхъ, изъ тѣхъ же самыхъ точекъ. По томъ проведи прямую черту чрезъ двѣ точки пресѣкновенія, къ противной сторонѣ тѣни шпиля. Послѣ чего опиши такія же дуги изъ третьей точки, яко изъ центра; и изъ ближайшей къ ней точки проведи чрезъ точки пресѣкновенія дугъ, прямую линѣю къ той же сторонѣ, какъ и первую; и продолжай ея до тѣхъ поръ, пока обѣ линѣи пересѣкутся; точка, въ которой сіи линѣи пересѣкутся, будетъ искомый центръ сихъ трехъ точекъ.

149

Примѣчаніе. Поелику линѣя склоненія, найденная такимъ образомъ и назначенная на доскѣ, есть меридіанъ того мѣста, въ которомъ дѣлаются часы; то сей способъ весьма удобенъ для сыскиванія меридіана. Можно также употреблять оное, какъ весьма вѣрное средство для установленія подвижныхъ горизонтальныхъ Солнечныхъ часовъ.

О ГОДѢ.

Годъ самъ по себѣ не имѣетъ ни начала ни конца, для того-то Греки называли его Еніавтосъ, что значитъ повтореніе и возвращеніе въ самаго себя; *Іероглифъ* изображающій его, есть змѣя, поглощающая хвостъ свой. Одни начинали годъ съ вѣсны, другіе съ осѣни; Христіане съ обрезанія Спасителя, то есть, съ перваго Генваря (*); Астрономы съ Марта мѣсяца, когда Солнце вступитъ въ знакъ Овна, и когда плодотворный Апрѣль готовится отверзать недра природы въ нашемъ полушаріи.

Раздѣленіе года на четыре времена, содержащихъ каждое по три

(*) Мы до временъ Петра Великаго начинали годъ съ перваго Сентября, но сей Государь приказалъ щитать оной по примѣру прочихъ Европейцовъ съ перваго Генваря, и сіе щисленіе началось у насъ съ 1701 года, то есть, съ началомъ нынѣшняго столѣтія.

150

мѣсяца, вѣсна, лѣто, осѣнь, зима, всѣмъ извѣстны, но можно замѣтить, что четвертая часть каждаго дня, составленная изъ шести часовъ, представляетъ въ кратцѣ сіи четыре времена; а имянно: утро лѣто, вечеръ осѣнь, а ночь зиму. Изъ чего можно относить различныя движенія наши, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, ощущаемыя нами въ продолженіе каждаго дня и года.

При началѣ Христіянства, время числилося олимпіядами: каждая олимпіяда была составлена изъ пяти лѣтъ; но въ царствованіе Императора Іуліана, въ 532 году по Рождествѣ Христовѣ, начали лѣтослисленіе съ года Рождества Спасителя. Папа Григорій XIII въ 1582 году, замѣтивъ, что щитая съ точностію найдешь, что годъ содержитъ 365 дней, 5 часовъ, 49 минутъ и 16 секундъ, вмѣсто того, что при Цесарѣ Іюліи, и послѣ, щитали въ году 365 дней и 6 часовъ равно; и

что сія разность, почти изъ одиннадцати минутъ состоящая, дѣлаетъ цѣлый день во сто тридцать четыре года; изъ чего произходило иногда, что между днемъ Пасхи и равноденствіемъ находилося два мѣсяца разности, противъ начальнаго установленія сего праздника, которой всегда долженъ быть торжествованъ въ первое Воскресеніе послѣ полнолунія, въ весеннѣе равноденствіе: и такъ сей Папа, говорю я, убавилъ десять дней, въ разсужденіи погрѣшности, которая могла произойти со времени Рождества Христова до 1582 года отъ сихъ одиннадцати минутъ каждаго года; такимъ образомъ тотъ день, которой по старому стилю, называемому Іуліанскимъ счисленіемъ, щитался одиннадцатымъ числомъ мѣсяца, симъ Папою названъ былъ перьвымъ. И поелику сіе счисленіе нашлося справедливѣйшимъ; то было принято почти всею Европою, и названо Гри-

151

горіянскимъ лѣтосчисленіемъ, для отличенія отъ перваго.

Королева Елисавета, не желая, по ненависти своей къ Римскому Двору, ничего одобрять, что оттолѣ произходило, не захотѣла, чтобъ подданные ея послѣдовали сему счисленію; и по ея примѣру провинція Утрехтская, городъ Женева и нѣкоторыя Германскія Княжества, отпадшія отъ Римской церькви, удержали Іуліанское счисленіе, которому и теперь слѣдуютъ, такъ какъ и Россіяне, и называютъ оное старымъ стилемъ.

Римскій годъ, по первому учрежденію Нумы, былъ Лунный; онъ взятъ отъ Грековъ, кои составляли его изъ 354 дней. Нума прибавилъ къ нему еще одинъ день, дабы число было нечетное: ибо оное почиталося щастливѣйшимъ; и желая вознаградить то, чего не доставало его году противъ Солнечнаго, онъ всякіе два года включалъ въ него,

по примѣру Грековъ, чрезвычайный мѣсяцъ, состоявшій изъ двадцати двухъ дней, и всякіе четыре года еще другой мѣсяцъ изъ двадцати трехъ дней, между 23 и 24 Февраля. Сіе помѣщеніе поручено было въ послѣдствіи жрецамъ, кои, или отъ небреженія, или по суевѣрству, или по безпредѣльной своей въ томъ власти, начали продолжать и сокращать годы безъ всякаго равенства и правила; но по своему произволенію, или по требованію своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ Цицеронъ наскучивъ множествомъ тяжебныхъ дѣлъ, кои истощали его силы, просилъ, чтобъ не было въ томъ году помѣщенія мѣсяца, для сокращенія его трудности: и между тѣмъ, какъ онъ былъ Проконсуломъ въ Киликіи, то просилъ усердно Аттика исходатайствовать ему сію же милость, дабы возвращеніе его въ Римъ не было болѣе замедлено. Напротивъ того Куріонъ, не могши уговорить

152

жрецовъ, продолжить годъ его Трибунетства, взялъ предлогомъ сей отказъ, чтобъ оставя Сенатъ, присоединиться къ Кесарю.

Безпорядокъ, причиненный сею вольностію въ календарѣ, столь далеко простирался, что мѣсяцы перешли изъ одного времени года въ другое, зимніе перешли въ осень, а осенніе въ лѣто. Цесарь не нашелъ для поправленія сего инаго средства, кромѣ, какъ запретивъ продолженія, установилъ Солнечный годъ, слѣдуя точной мѣрѣ путевращенія Солнечнаго въ зодіякѣ. Какъ Астрономы того вѣка полагали его въ 365 дней и 6 часовъ, то Цесарь вздумалъ раздѣлить годъ на двенадцать мѣсяцовъ; а для вознагражденія шести часовъ, кои не входили въ сіе раздѣленіе, указалъ онъ, чтобъ чрезъ всякіе четыре года вмѣщали еще одинъ день между 23 и 24 Февраля. Сей день назвали *Биссекстусъ*(*): ибо

(*) Високосный.

онъ состоитъ изъ оставшихся отъ каждаго года шести часовъ; сей годъ называемъ мы високоснымъ. Но дабы придать всевозможную правильность началу и теченію сего новаго года; то принуждены были включить въ него два чрезвычайныхъ мѣсяца, между Ноябремъ и Декабремъ, одинъ изъ тридцати трехъ дней, а другой изъ тридцати четырехъ, не щитая обыкновенно включаемаго мѣсяца, которой впадалъ въ тотъ же самый годъ. Сіе прибавленіе нашлося нужнымъ для наполненія числа дней, кои отъ прошедшихъ опущеній пропали, и для постановленія мѣсяцовъ въ приличныя имъ времена года.

Цесарь поручилъ о всемъ семъ стараніе Солигену, славному Александрійскому Астроному, коего для сего и привезъ онъ въ Римъ: и по тѣмъ же правиламъ Флавію приказано было сочинить новый календарь, въ которой онъ включилъ всѣ

153

Римскіе праздники, слѣдуя всегда старому счисленію календами, нонами и идами. И такъ годъ въ сію перемѣну былъ самый должайшій, какой когда либо бывалъ въ Римѣ: ибо въ немъ вышло 15 мѣсяцовъ, или 445 дней. Его назвали послѣднимъ годомъ смѣшенія, по тому, что не посредственно за нимъ послѣдовалъ Іуліанскій, или Солнечный годъ, которой начался съ Генваря, и до нынѣ въ употребленіи у всѣхъ Христіянскихъ народовъ, безъ всякой другой перемѣны, кромѣ стараго и новаго стиля. Новый стиль начался съ 1582 года.

НѢЧТО О ДУШѢ.

Понятіе, воля, свобода, о коихъ я имѣю ясное сознаніе, суть свойства нѣкоего бытія, которое мнѣ не лучше матеріи извѣстно, или такія дѣйствія, коихъ причины я не вѣдаю. Не должно ли сомнѣваться въ сихъ дѣйствіяхъ, по тому, что причина ихъ мнѣ не извѣстна. Сіе было бы сомнѣваться о моемъ собственномъ существованіи. Слѣдовательно я могу весьма справедливо судить о способностяхъ моей души и не знавъ ея существа. Тѣ два отличныя вещества, изъ коихъ человѣкъ составленъ, не имѣютъ между собою ни какого сходства и ни чего общаго; но не смотря на то, они соединены, и отъ ихъ то соединенія произходитъ человѣкъ, которой есть для насъ непроницаемая тайна. Со всѣхъ сторонъ мы видимъ только дѣйствія и слѣдствія, а начала погружены для насъ въ мрачнѣйшую

темноту. Но по тому, что Создатель скрылъ отъ насъ сію тайну, должны ли мы опрещись совершенно отъ изысканія свойствъ и строенія нашего бытія? Ученіе травъ развѣ возбранено Физику, по той причинѣ, что онъ не знаетъ первыхъ основаній изъ чего травы составлены?

Сіе бытіе, чувствующее свое существованіе; сей *я*, которой примѣчаетъ, сравниваетъ, разсуждаетъ, которой есть всегда одинъ нераздѣльный, несложенный, чувствуетъ, сверьхъ того, что имѣетъ волю двигать извѣстными частями своего тѣла, и что сія воля исполняется. Слѣдовательно душа одарена нѣкоторою дѣятельностію, различно образуемою, или способностію производить какъ въ себѣ, такъ и внѣ себя нѣкоторыя дѣйствія. Взаимное вліяніе двухъ существъ есть, слѣдовательно такое явленіе, коего свойство не извѣстно, но коего уставамъ не возбранено учиться.

Взято изъ Бонета.

Тертуліянъ думалъ, что душа хотя и безсмертна, но не безплотна и вещественна, имѣющая видъ и образъ. Онъ мнилъ, что души злыхъ превращалися по смерти въ діаволовъ.

Манихейцы думали, что въ свѣтѣ находится одна только душа, сообщающаяся всѣмъ одушевленнымъ бытіямъ, не вся всѣмъ, какъ голосъ, но раздѣляяся, подобно водѣ, кою раздѣляютъ на разные каналы, и которая по томъ соединяется опять. Они къ сему прибавляютъ, что и неодушевленныя бытія имѣли малую часть сей всеобщей души; одушевленные же большую часть; а въ небѣ обитающіе еще и того большую часть.

По мнѣнію Пиѳагорову, душа человѣческая по смерти присоединяется къ душѣ вселенныя, которая есть одного съ нею рода.

155

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ОТЪ РАЗНЫХЪ ЛИХОРАДОКЪ И ГОРЯЧЕКЪ.

Истинные признаки горячекъ, или лихорадокъ, суть: 1^е, скорое біеніе пульса, сила его или крѣпость; 2^е, необычайный жаръ во всемъ тѣлѣ; 3^е, дыханіе сдѣлается тяжело и скоро; 4^е, нѣкая усталость противится движеніямъ тѣла.

Сіи болѣзни начинаются обыкновенно ознобомъ: коего ощущеніе болѣе или менѣе бываетъ сильно и

156

продолжительно, и такъ же болѣе или менѣе сообщается наружнымъ частямъ, смотря по свойству горячки. Въ семъ перьвомъ степени пульсъ бываетъ малъ и скоръ; крайности тѣла поблѣднеютъ, похолодѣютъ, сдѣлаются тверды и станутъ дрожать, а иногда и совсѣмъ онѣмеютъ. За симъ слѣдуютъ другіе припадки совсѣмъ тому противные, кои составляютъ второе состояніе болѣзни.

Обыкновенные признаки горячекъ суть: безсоница, сонъ, бредъ, боль въ головѣ, тошнота, жажда, поносъ, запоръ, потъ, рвота, кровотѣченіе изъ носу; языкъ и губы бываютъ черныя, или бѣлыя, или желтыя, сухи, лупятся и покрываются прыщами.

Сложеніе и образъ жизни человѣка споспѣшествуютъ расположенію тѣла къ горячкѣ, коея ближайшія причины могутъ быть: 1^е^, острыя яства и напитки; 2^е^ гнилой воздухъ; 3^е^ невоздержность въ пищѣ.

4^e излишнее употребленіе горячихъ напитковъ; 5^e, недостатокъ разныхъ тѣлѣсныхъ испражненій; 6^e раздраженіе, причиненное въ нервахъ какою бы то нибыло причиною, и слѣдовательно раною, чирьемъ и проч.

Давно уже учинено сравненіе горячки съ хамелеономъ, по причинѣ разнообразностей ея, чрезъ кои она часто уклоняется отъ всѣхъ тонкостей врачебнаго искусства. Она столько же разнообразна, сколько можетъ приключиться различныхъ безпорядковъ въ жидкостяхъ нашего тѣла. Одна тюлько долговременная практика и глубокое знаніе могутъ уловлять свойства сихъ болѣзней, и надѣяться истреблять ихъ причины.

Галіянъ щитаетъ двадцать семь родовъ горячекъ неправильныхъ, кои обыкновенно перерождаются въ четыредневную лихорадку. Сеннертъ простираетъ число горячекъ и лихорадокъ до семидесяти трехъ. Сіе дос-

157

товѣрно, что лихорадка есть слѣдствіе завала въ малыхъ кровяныхъ сосудахъ, какъ то легко-можно видѣть по ознобу, по тяжкому дыханію, по лѣтучей нѣкоей боли, по воспалительнымъ опухолямъ, по обструкціямъ, по сильнымъ кровотеченіямъ и прочимъ припадкамъ, кои слѣдуютъ, или сопровождаютъ горячки, или лихорадки. Причиною такихъ заваловъ суть: грубыя мокроты, клѣйкія, или острыя, кои уменьшая жидкость крови, останавливаютъ оную въ малыхъ кровяныхъ сосудахъ.

Перьвые пути, то есть желудокъ и проч. сообщаютъ крови, такого свойства мокроты, когда вареніе его разстроится, когда питательный сокъ не довольно перерабатывается и сгущается, и вмѣсто свойственнаго ему бальзамическаго и мягчительнаго качества, сдѣлавшись острымъ и клѣйкимъ, обременяется грубыми и не удобоваритель-ными частями.

Того ради, естьли отъ потрясенія твердыхъ частей и отъ усилій сосудовъ, матеріи, причинявшія завалы, раздѣляся, попѣкутъ опять съ удобностію и отдѣлятся отъ жидкостей по разнымъ испражнительнымъ истокамъ, какъ то, потомъ, низомъ, или мочею; то за симъ слѣдуетъ спокойствіе тѣла, горячка проходитъ, пароксизмъ перестаетъ и дѣйствія всей машины поправляются. Но естьли останется еще въ крови нѣчто, могущее повредить ея свойство; то когда оное до такого количества умножится, что можетъ причинить завалъ, удобный къ произведенію горячки, тогда оная снова покажется, и разность ея пароксизмовъ будетъ зависѣть отъ качества и количества дурныхъ матерій, проникнувшихъ въ пути крововращенія, и отъ времени, которое нужно было имъ для внитія въ оныя и для умноженія своего въ нихъ.

Слѣдуя симъ правиламъ и наб-

158

людая тѣченіе болѣзни и дѣйствіе лѣкарствъ, можно надѣяться великаго успѣха въ лѣченіи горячекъ.

Горячка почитается болѣзнію, когда она растроиваетъ порядокъ дѣйствій машины тѣла человѣческаго. Но она бываетъ припадочною, естьли случится при другой какой болѣзни, какъ то: при нарывѣ внутреннемъ, при воспалѣніи въ легкомъ, при жабѣ и проч.

Можно вообще раздѣлить горячки на три рода, кои суть: однодневная, гнилая и чахотная; отъ коихъ произходятъ безпрестанная, прядневная, четвородневная и проч.

Примѣчаніе о горячкахъ.

I. Главная вещь, которую должно наблюдать въ безпрестанныхъ горячкахъ, есть движеніе пульса.

Естьли онъ силенъ и великъ, то подаетъ великую надежду на силу больнаго, и что онъ избавится отъ сей болѣзни. Естьли же пульсъ

неравенъ, то сіе весьма дурной признакъ; пульсъ часто перемѣняющійся весьма опасенъ, особливо въ молодыхъ людяхъ; пульсъ слабый и малый предвѣщаетъ скорую смерть, естьли больной слабъ.

II. Естьли дыханіе свободно, то сіе есть добрый знакъ; на противъ же, естьли оно часто, сильно и тягостно, то предзнамѣнуетъ бредъ и ударѣніе крови въ мозгъ. Тяжкое и слабое дыханіе обыкновенно весьма опасно; такъ какъ и то, ежели больному приключится страхъ, судороги, или великая боль въ животѣ.

III. Естьли калъ походитъ на натуральной и здоровой, то болѣзнь будетъ неопасна и непродолжительна; на противъ же, естьли онъ инаго цвѣта, и естьли на уринѣ покажутся какъ будто паутины, или какъ растопленный жиръ; то есть опасность

IV. Потъ, приключающійся въ

159

горячкахъ въ дни перелома, есть всегда добрый знакъ: въ другія же времена онъ опасенъ, и предзнамѣнуетъ продолжительную болѣзнь, или смерть.

V. Во всякой безпрерывной горячкѣ естьли тѣло снаружи холодно, а внутри больной чувствуетъ великой жаръ, сопряженный съ жаждою; то сіе, по мнѣнію Иппократову, предзнамѣнуетъ смерть.

VI. Иппократъ же мнитъ, что смерть должна послѣдовать, естьли губы, брови, глаза, или носъ осунутся; естьли больной перестанетъ слышать, видѣть и ослабнетъ чрезмѣрно, или естьли дыханіе сдѣлается вдругъ тяжело съ бредомъ, или съ великимъ жаромъ около желудка и съ болью онаго, или естьли больной станетъ видѣть странные сны и приключаются ему во время сна судорожные припадки.

VII. Сей Врачь говоритъ еще, что ежели случатся частыя прехож-

денія тѣла больнаго отъ озноба къ жару и отъ жара къ ознобу, или перемѣна цвѣта; то болѣзнь будетъ продолжительна.

VIII. Онъ выводитъ то же заключеніе изъ боли или опухоли, въ составахъ приключающихся, особливо ежели нарывы не придутъ въ гноеиспусканіе, когда горячка перестанетъ, или покажется переставшею.

IX. Естьли во время горячки около зубовъ накопится много слизи, то пароксизмъ будетъ весьма силенъ.

X. Горячка, или такъ называемая лихорадка, приходитъ опять обыкновенно, естьли оставитъ она въ нечетный день.

XI. Естьли останется какая либо боль послѣ горячки, то почти всегда въ больномъ мѣстѣ садится чирей. Естьли во время болѣзни чувствуетъ человѣкъ усталость, то дѣлаются чирьи на плечѣ, близъ челюстей и на составахъ.

160

XII. Всякая горячка, произходящая отъ внутренняго воспалѣнія, опасна, естьли она не однодневная.

XIII. Весьма доброй знакъ въ сихъ болѣзняхъ, естьли лицо больнаго не перемѣняется: но естьли оно перемѣняетъ цвѣтъ, или когда больной чувствуетъ попеременно ознобъ и жаръ, то сіе нехорошій знакъ.

XIV. Естьли паха и животъ не напрягутся, но пребудутъ въ свойственномъ имъ положеніи, то больной долѣе будетъ удобенъ бороться съ горячкою.

XV. Естьли переломъ болѣзни будетъ въ седьмой день, то въ четвертый можно то время предъузнать по красной или бѣлой уринѣ больнаго: естьли же переломъ въ четырнадцатый день послѣдуетъ, то сіе предъузнать можно въ одиннадцатый день: естьли же въ двадцатый день, то семнадцатый день о томъ предскажетъ.

XVI. Естьли же съ горячкою

придетъ поносъ, или кровотѣченіе, то не должно давать больному слабительнаго.

Общія лѣкарства.

Вода утишаетъ въ скорости лихорадочный жаръ, и утоляетъ боль причиняемую онымъ во внутренности. Дай стаканъ теплой воды лихорадочному, при началѣ припадка, то симъ воспрепятствуешь растройству, и повторя два или три раза, излѣчаешь часто больнаго.

2. Должно поправить поврежденіе соковъ, возвратить желудочнымъ волокнамъ необходимо нужное имъ напряженіе, истребить изъ крови мокроту, поддерживающую лихорадочные припадки, и возстановить свободное кровообращеніе во всѣхъ каналахъ и волокнахъ. Рвотные скорѣе всего изгоняютъ матеріи, засоряющія желудокъ: и часто видимъ мы, что прервавъ вдругъ сообщеніе ихъ съ кровью, болѣзнь проходитъ безъ вся-

каго инаго лѣкарства. Но когда кровь и соки заражены смѣшеніемъ дурныхъ мокротъ, накопившихся въ желудкѣ, когда внутреннія железы снабжаютъ тѣло одною только клѣйкою и острою мокротою, коя притупляетъ чувствіе покрывающей ихъ слизи, когда какая либо внутренняя часть лишилась своей дѣятельности, и наклонна къ засорѣнію: то сихъ помощей не довольно; но должно прибѣгнуть къ противолихорадочнымъ средствамъ.

3. Цефалическія и Ароматическія растѣнія, какъ размаринъ, шалфей, рута и проч. суть дѣйствительныя отъ сего лѣкарства. Но поелику всегда нужно умѣрять ихъ дѣйствіе, дабы больной не могъ отъ нихъ быть разгоряченъ; то Аббатъ Руссо совѣтуетъ примѣшивать въ оныя своего *Лавданумъ*, которой есть самъ по себѣ потомножительнаго свойства; впрочемъ сей славный Химикъ совѣтуетъ сего лѣкарства

давать больнымъ подъ конецъ припадковъ, тогда, какъ уже жестокость жара лихорадочнаго и ея пароксизма уменьшилася, тогда, говоритъ онъ, показывается легкій потъ, сопровожденный почти всегда спокойнымъ сномъ, весьма много прохлаждающимъ больнаго: и весьма мало лихорадокъ, даже четвероднев-ныхъ, кои бы не покидали отъ сего послѣ третьяго или четвертаго припадка; когда же лихорадки надмѣру упрямы, то должно примѣшивать къ вышеписанному лѣкарству полстакана декокту изъ хины, при всякомъ пріемѣ: посредствомъ сего, говоритъ онъ, ни одна лихорадка безъ излѣченія не остается, развѣ соединена будетъ съ другими болѣзнями. Сіе лѣкарство должно обыкновенно принимать въ виноградномъ винѣ, естьли больной можетъ пить оное: и не должно бояться приключить еще болѣе жара; ибо лавданумъ тому противится.

162

4. По мнѣнію Иппократа, холодительная діета весьма прилична въ лихорадкахъ, а особливо для молодыхъ людей, и для тѣхъ, кои пріобыкли къ сей пищѣ въ здоровомъ состояніи. Онъ прибавляетъ къ тому, что должно давать имъ, или отказывать въ какой либо пищѣ, смотря по времени года, по климату, по возрасту и по сложенію больнаго.

5. Ячменный декоктъ приличенъ почти во всѣхъ родахъ горячекъ и лихорадокъ (*). Декоктъ изъ овсяныхъ крупъ можетъ произвести еще лучшее дѣйствіе.

6. Евгаленій говоритъ, что онъ излѣчилъ множество лихорадокъ, даже самыхъ опасныхъ, помощію легкаго настоя ложечной травы въ козьей

(*) Оба сіи названія употребляются здѣсь въ одномъ смыслѣ по тому, что какъ горячка, такъ и лихорадка суть одна и та же болѣзнь; но разнствуетъ между собою въ нѣкоторыхъ только обстоятельствахъ.

сывороткѣ; что главное его лѣкарство отъ сихъ болѣзней состоитъ изъ двухъ драхмъ съ половиною ложечной травы, смѣшанныхъ съ пріемомъ путечистительнаго лѣкарства. Лихорадка и всѣ ее дурные признаки уменшалися, какъ скоро больной принималъ онаго раза четыре или пять, но показывалися опять, когда онъ пробылъ два дни не употребляя сего лѣкарства.

7. Положи въ полталенка молока пять травъ растѣнія малаго золототысячника и дай кипѣть; потомъ простудивъ дай выпить больному за часъ до лихорадочнаго припадка. Но не много по прежде должно дать больному слабительное натощакъ, изъ сурмянаго стекла настоеннаго сутки въ стаканѣ бѣлаго виноградnаго вина. Вся пища больнаго должна состоять въ одномъ бульонѣ съ зеленью изготовленномъ.

8. Противолихорадочныя лѣкарства, составляемыя изъ стягиватель-

163

ныхъ вещей, имѣютъ скорѣйшее и вѣрнѣйшее дѣйствіе. Для учиненія же лѣкарства дѣйствительнѣйшимъ, надлежитъ придать ему нѣсколько потоваго и мочегоннаго свойства..

9. Смѣшай вмѣстѣ стаканъ хорошаго краснаго виноградnаго вина, три унціи капилернаго сиропа, три унціи бѣлой патоки, три драхмы хины, и давай больному натощакъ третью долю, три дни сряду; чрезъ полчаса по принятіи, дай ему похлебки съ двумя или тремя намоченными въ ней ломтиками бѣлаго хлѣба.

10. Вскипѣти молока, налѣй въ него стараго пива, чтобъ оно свернулося; по томъ процѣди его сквозь сито; поставь сію жидкость на огонь и вскипѣти съ доброю горстью травы кислицы, давай сего лѣкарства теплаго больному, не задолго до пришествія лихорадки; надлежитъ ему лѣчь и хорошенько окутаться, для произведенія поту. Естьли отъ

перваго разу онъ не вылѣчится, то увѣряютъ, что послѣ втораго пріема непремѣнно освободится отъ своей болѣзни.

11. Когда лихорадочный припадокъ приближается, то больному должно принять Веницейскаго Θеріаку, съ бобовое зерно велининою, въ похлебкѣ.

12. Возми большую бѣлую луковицу, и выдолби ея, положи въ нее хорошаго Θеріаку, величиною съ малой Грецкой орѣхъ: по томъ покрывъ ея срѣзаною частію, и завернувъ въ крѣпкую сѣрую бумагу, положи испѣчь въ горячую золу. Когда луковица испѣчется, то открой ея, и влѣй въ нее двѣ или три драхмы лимоннаго соку, и не большую рюмку бѣлаго вина; по томъ раздави, и протри сквозь чистую холстину. Когда больной приметъ сіе лѣкарство; то ему должно лежать въ постелѣ, хорошенько окутавшись, дабы произвести потъ; и

164

когда оной послѣдуетъ, то перемѣнивъ рубашку, можетъ онъ поѣсть бульону съ небольшимъ количествомъ зелени и мушкатнаго орѣха. Онъ можетъ даже поѣсть сего бульона чрезъ полтора часа по принятіи помянутаго лѣкарства.

13. Положи съ вечера величиною съ Руской орѣхъ квасцовъ въ холодную воду, которая должна превышать квасцы на три пальца, и сего настоя дай выпить больному въ то время, какъ начнетъ приходить къ нему лихорадка.

14. Положи мокнуть въ четыре галенка воды полтары драхмы зеленаго купоросу; по томъ сливъ сей настой въ бутыль, заткни плотнѣе и храни для надобности. Можно употреблять его послѣ четырехъ часовъ настаиванія, и хранить десять лѣтъ не опасаяся, чтобъ вода сія испортилася. Каждый пріемъ долженъ состоять изъ осьми драхмъ, кои должно принять на тощакъ,

или чрезъ два часа послѣ кушанья; по принятіи же ни чего не употреблять чрезъ два часа. Сего лѣкарства должно принимать чрезъ день по три раза; естьли лихорадка не покинетъ, то надлежитъ продолжать.

Однодневная лихорадка.

Однодневная лихорадка по тому такъ называется, что ея начало, состояніе и продолженіе дѣлаются обыкновенно во время однихъ сутокъ, или по большей мѣрѣ въ тридцать шесть часовъ. Ея раздѣляютъ на истинную и побочную.

Однодневная истинная познается по тому, что приключается вдругъ здоровѣйшему человѣку; признаки ея суть: ровный и правильный пульсъ, хотя и скорый, тихій жаръ, не много въ тѣлѣ растройства, урина не очень густа, озноба нѣтъ, дыханіе свободно, и потъ не имѣетъ противнаго запаха. Она обыкновенно приключается тѣмъ людямъ,

165

кои стоятъ долго на Солнцѣ, или ходятъ въ самой сильной лѣтній зной, или дѣлаютъ сильное тѣлодвиженіе, предаются безмѣрному гнѣву или печали, заботамъ, непомѣрному бодрствованію, непомѣрному воздержанію, страху и проч.

Лѣкарства отъ истинной однодневной лихорадки.

Усмотря сіи припадки, можно пустить кровь, въ которое бы по время дня не было, весьма будетъ полезно поставить нѣсколько простыхъ холодительныхъ клестировъ; давать пить простую воду, или ячную, или полпиво, или не много бѣлаго вина, смѣшаннаго съ большимъ количествомъ воды; и простыя бульоны, со щавелемъ, портулакомъ, или лимоннымъ сокомъ, и прикладывать ко лбу тряпку, обмакнутую въ воду съ уксусомъ: чрезъ день или два послѣ того дать больному слабительное изъ кассіи, съ сывороткою разведенной.

Естьли нужда потребуетъ, то можно повторить еще разъ или два сіе слабительное.

Лихорадка однодневная побочная приключается отъ сырости дурныхъ мясъ, отъ излишняго питья, отъ чрезмѣрнаго употребленія сырыхъ плодовъ, отъ остановленнаго пота, отъ запора, отъ долгаго удержанія мочи. Главное надлежитъ примѣчать, что сія болѣзнь приходитъ по немногу, пульсъ въ ней бываетъ не равенъ, въ тѣлѣ чувствуется великое разстройство, потъ бываетъ вонючій, моча весьма сырая и боль во всѣхъ составахъ.

Лѣкарства отъ оной.

Естьли разсудятъ заблаго, то можно больному пустить кровь, не смотря ни на возрастъ ни на время. По утрамъ и вечерамъ ставить клестиры, изъ всякихъ огородныхъ травъ приготовленные, въ которые должно подбавлять фіалковаго меду, или мер-

166

куріальнаго, или простаго; въ четвертый или пятый день принять слабительное, изъ двухъ драхмъ Александрійскаго листа и одной драхмы ревеню, распущенныхъ и настоянныхъ въ наварѣ изъ травы *малой соловки, исопа*, или *цихорея*, сливъ оное, можно распустить въ немъ шесть драхмъ каволикону двойнаго, и для слабаго сложенія людей вмѣсто сего можно употребить полторы унціи сиропу изъ персиковыхъ цвѣтовъ. Сіе лѣкарство должно повторять поколику того нужда потребуетъ. Между похлебками, въ день принятія слабительнаго, должно употреблять декоктъ изъ спаржевыхъ кореньевъ и изъ укропа. Естьли кто пожелаетъ, то можно къ тому прибавить солодковаго корня, корицы и коріандру.

Поелику главная причина сей болѣзни, есть чрезмѣрная сырость пищи; то не должно давать больному никакого тяжелаго кушанья.

Но подправлять похлебки только тминомъ, гвоздикою, или мушкатнымъ орѣхомъ.

Что касается до питья, то во время припадка должно сколько можно отъ онаго воздержаться.

Продолженіе впредь.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,
СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЕ ПОЛЕЗНЫЕ ЕКОНОМИЧЕСКІЕ СЕКРЕТЫ.

ОКОНЧАНІЕ О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛАКОВЪ.

25.

Италіянской лакъ.

Возми восемь унцій терпентину, или фальшивой канифоли; вари на огнѣ, пока останется одна только унція, которая тогда сдѣлается суха и ломка. Когда простынетъ, то истолки въ порошокъ, высыпь въ горячій скипидаръ, въ коемъ онъ и распустится. По томъ давъ устояться и сливъ чистое употреб яй.

26.

Арабской или Персидской лакъ.

Возми унцію льнянаго масла и полтары унціи Персидской мастики,

растопивъ оную, влѣй въ нее масло, и вари на тихомъ огнѣ, пока покажется бѣлая пѣна. Когда пожелаешь употреблять сей лакъ, то должно его смѣшать съ истертою въ порошокъ краскою: и чтобъ смѣшавшись имѣлъ онъ густоту папоки. Сей лакъ весьма крѣпокъ.

Что касается до тѣхъ лаковъ, въ составленіе коихъ входитъ мозжевеловая смола (сандаракъ), то должно примѣчать, что они часто не удаются, отъ незнанія, какимъ образомъ ихъ варить: ибо естьли положишь сандаракъ прежде, нежели масло сварится, то онъ згоритъ. И такъ надлежитъ прежде сварить масло, и простудить оное, по томъ всыпать въ него сандаракъ, въ порошокъ истолченный, и варить тихимъ огнемъ.

Лакъ для картинъ.

1. Положи въ глиняной муравленой горшокъ четыре унціи Араб.

168

ской камеди, чистой и отборной, налѣй на нее фунтъ самой чистой воды, и дай цѣлую ночь настаиваться въ горячей золѣ. По томъ процѣди сей настой сквозь холстину, и прибавь величиною въ Грецкой орѣхъ лучшаго бѣлаго меду, да съ полъорѣха величины сахару леденцу.

2. Вмѣсто сего лака можно употреблять жидкость, находящуюся подъ яичными бѣлками, сильно взбитыми, смѣшавъ оную съ леденцомъ и съ водкою.

3. Дѣлаютъ еще весьма красивый лакъ для картинъ, збивъ яичные бѣлки съ скипидаромъ и съ водкою.

Лакъ для Миніатурной живописи.

Положи въ стеклянной долгогорлой кубъ(*) бѣлой самой чистой амбры унцію, драхму камфары. Ис-

(*) Въ Аптекахъ сіи кубы извѣстны подъ именемъ колбъ и ретортовъ.

толки все сіе въ порошокъ, прибавь къ тому пять унцій виннаго спирта, поваря еще составъ одинъ часъ на горячей золѣ, и пропустивъ сквозь тряпку, храни въ бутылкѣ, плотно заткнутой, для употребленія.

Родъ лака, или способъ сдѣлать прочными живопись сухими красками и всякими карандашами, не повредя нимало цвѣтовъ, кои еще больше яркости отъ того получатъ.

Распусти нѣсколько тертыхъ квасцовъ въ двухъ стаканахъ простой воды. Когда сія вода хорошенько напитается квасцами, то положи въ нее рыбьяго клѣя, самаго чистаго и прозрачнаго, изрѣзавъ его сколько можно мѣльче. Когда сей клѣй помокнетъ сутки, или часовъ тридцать, то вскипѣти сей составъ на жаровнѣ, чтобъ клѣй совершенно распустился. По томъ горячій процѣди его сквозь холстину; влѣй въ стеклянную бутылку, въ которую налѣй

169

прежде три кружки Французской бѣлой водки, и прибавь къ сему доброй стаканъ виннаго спирта. Сія жидкость можетъ служить до самаго своего конца, для удержанія красокъ карандашной живописи. Оною покрыть должно картину весьма проворно, и почти, такъ сказать, во мгновеніе ока.

Для сего должно имѣть плоской свинцовой, или изъ другаго металла тазъ, которой бы по крайней мѣрѣ былъ равенъ картинѣ, которую покрывать желаешь, и коего бы края возвышалися на дюймъ. Прежде, нежели вливать въ него помянутую жидкость, разогрѣй ее въ кипящей водѣ, поставя въ оную содержащую ее бутылку, пока рыбій клѣй, которой всегда дѣлаетъ осадку, (а особливо въ холодное время) совершенно распустится, и жидкость въ бутылкѣ сдѣлается вся прозрачна и свѣтла. Послѣ налѣй въ тазъ сей жидкости, и погрузи въ него карти-

ну плашмя, сколь можно ровнѣе лицомъ, такъ, чтобъ она прикоснулася къ поверхности состава, не погружаяся на дно жидкости; намочивъ такимъ образомъ картину, проницаетъ ея и напитываетъ въ одинъ мигъ. Ее немедленно должно вынуть такимъ же образомъ, какъ она была погружена, то есть горизонтально, и положить на что ни будь такое, до чего бы она одними только краями дотрогивалась, какъ то на края двухъ стульевъ, и давъ ей хорошенько стечь, высушить исподоволь, но отнюдъ не на Солнцѣ и не предъ огнемъ. Какъ скоро картина совершенно высохнетъ, то видны будутъ дѣйствія сей жидкости. 1е, жидкость будетъ столь же ярка и столь свѣжа, такъ, что естьли бы какое мѣсто въ картинѣ не намокло, то сего не льзя узнать иначе, какъ потрогавъ всю картину пальцомъ. 2е, цвѣты будутъ имѣть между собою болѣе связи, не осла-

170

бѣвъ отъ того нимало. 3е, можно будетъ по картинѣ водить рукою, столь крѣпко, какъ пожелаешь, не опасаясь, чтобъ краска сперлась или смѣшалась, самая даже вода не причинитъ имъ ни малаго повреждения, что подаетъ поводъ думать, что можно покрыть картину вмѣсто стекла бѣлымъ лакомъ, намочивъ ея прежде раза три въ вышепомянутой жидкости. 4е, можно также картину подправить сухими красками, которыя весьма крѣпко пристанутъ къ составу; можно даже для большой живописи цвѣтовъ провести по мѣстамъ кистью водяными красками.

Вотъ нѣкоторыя нужныя предосторожности, кои должно принимать въ семъ дѣйствіи: 1е, дабы картина во время обмакиванія не коснулася до дна таза; то должно во всѣхъ четырехъ углахъ таза положить по кусочку свинца, которой бы жидкость на полъ линіи превышалъ, тогда картина ляжетъ краями

на сіи свинцовые куски, и никакъ на дно не погрузится. 2, Когда станешь разогрѣвать въ кипяткѣ бутылку, содержащую въ себѣ жидкость; то должно ея поставить прежде въ немного теплую воду, дабы она нагрѣвалася постепенно: ибо ежели вдругъ поставить въ кипятокъ, то бутылка можетъ лопнуть. 3е, должно, чтобъ въ одномъ углу таза находилася трубочка, дабы чрезъ оную выпускать въ бутылку жидкость, по употребленіи ея; ибо она можетъ въ другой разъ служить. Не худо также положить въ воронку лоскутокъ бѣлой фланели, дабы процѣдить жидкость, и тѣмъ остановить пыль и прочее, которое могло попасть въ тазъ.

Лакъ для сохраненія насѣкомыхъ и для воспрепятствованія имъ испортиться.

Возми двенадцать унцій виннаго спирта и не много прозрачной амбры, вари исподовольно сію смѣсь въ

кипяткѣ сорокъ восемь часовъ: по томъ прибавь къ тому не много сандараку и терпентину, распусти все сіе хорошенько подержавъ сутки въ кипяткѣ: по томъ вычистивъ насѣкомое, обливай его нѣсколько дней виннымъ спиртомъ, въ которомъ разведи не много леденцу, по томъ покрой его много разъ вышеписаннымъ лакомъ, такъ, чтобъ онъ казался подобенъ стеклу, заключающему въ себѣ насѣкомое. Такимъ образомъ приготовленное насѣкомое чрезъ весьма долгое время пребудетъ невредимо.

Лакъ для покрыванія печатныхъ картинъ.

Наклѣй естампъ на доску, по томъ покрой его однимъ слоемъ рыбьяго клѣя. Когда сей перьвый слой высохнетъ, то надлежитъ покрыть въ другой разъ, и высушить, какъ и первой, изподоволь противъ огня издали, или на Солнцѣ; назавтре покрыть кистью десять или двад-

цать разъ сандараковымъ лакомъ, наблюдая, чтобъ давать каждому слою совершенно высыхать прежде покрыванія въ другой разъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда естампъ совершенно будетъ сухъ; то выполируй его трепѣломъ самымъ лучшимъ и мѣлкимъ. Сей лакъ сдѣлается подобенъ самому лучшему и красивому стеклу, и ни когда не слиняетъ. Надъ самыми черными естампами дѣйствіе его еще бываетъ красивѣе.

Лакъ противящійся водѣ.

1. Возми двѣ унціи аспиднаго масла, прибавь къ тому двѣ доли въ порошокъ истолченнаго сандарака, и вари на тихомъ огнѣ. Когда пожелаешь употреблять сей лакъ; то надлежитъ его не много разогрѣть.

2. Возми самаго чистаго льняного масла, влѣй его въ муравленой горшокъ, и поставь на жаровню, положи въ сіе масло четвертую долю резины (бѣлой древесной смолы ина-

172

че называемой живицею). Растопи все сіе и вскипѣти исподоволь, такъ, чтобъ изъ горшка ничего не выплескулось. Продолжай варить, пока взявъ сего масла на палочку, увидишь, что оно начнетъ тянуться: тогда сними съ огня. Естьли же лакъ покажется надмѣру жидокъ, то подбавь резины, и продолжай кипѣтить на огнѣ. Сей лакъ противится горячей водѣ. Резина должна быть самая чистая, и надлежитъ дать ей кипѣть долгое время.

Лакъ, или вода золотоцвѣтная, для покрыванія дерева, желѣза и проч.

1. Возми самое свѣжее яицо, которое чтобъ было снесено въ тотъ день, и сдѣлавъ на немъ небольшую скважину, выпусти бѣлокъ, наполни яицо чрезъ ту же скважину составомъ изъ одной доли нашатыря и двухъ долей ртути, смѣшанныхъ вмѣстѣ, и тоненькою лучинкою просунувъ ее въ скважину, смѣшай съ желткомъ хорошенько; по томъ за-

лѣпи диру скорлупою и воскомъ, сверьхъ же воску налѣпи еще скорлупу на подобіе колпака, и положи сіе яицо въ лошадиной навозъ, скважиною въ верьхъ; оставь такимъ образомъ яицо въ навозѣ на двадцать или болѣе дней, по томъ вынь. Тогда найдешь въ яицѣ прекраснаго золотаго цвѣта жидкость, которую можешь развести съ камедною водою и употреблять.

2. Возми лимонной желтой корки, истолки оную хорошенько въ деревянной или каменной ступѣ, и смѣшай съ желтою мѣлко истертою сѣрою. Положи все сіе въ стеклянную плотно заткнутую бутылку, и поставь ее въ сырое мѣсто, какъ на примѣръ въ погребъ на восемь или десять дней. Тогда получишъ весьма красивую золотаго цвѣта краску, которую должно разогрѣть, когда захочешь употреблять.

Лакъ для бумаги.

Растопи на огнѣ часть резины,

173

съ тремя частями аспиднаго масла. Сего лака дается тонкой слой бумагѣ, которую должно прежде покрыть добрымъ клѣемъ весьма свѣтлымъ, и высушить въ тѣни.

Лакъ для воспрепятствованія Солнечнымъ лучамъ проходить сквозь стекло.

Натри стекло сбитыми яичными бѣлками, распустивъ въ нихъ гумми адраганту.

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ВЫВОДИТЬ ЦЫПЛЯТЪ БЕЗЪ НАСѢДКИ.

Наполни двѣ подушки лошадинымъ каломъ, истолченнымъ въ мѣльчайшій порошокъ; прибавь къ тому куриныхъ малыхъ, мягкихъ и густыхъ перьевъ: положи яица на одну изъ подушекъ, обратя тѣльцомъ въ верьхъ, и покрой ихъ другою подушкою. Положи подушки въ теп-

лое мѣсто, оставь такъ на два дни не трогая: по томъ до двадцатаго дня переворачивай всякой день подушки, пока цыплята будутъ готовы вылупиться. Наконецъ съ девятнадцатаго до двадцать перваго дня разбивай скорлупы, и помогай выходить цыплятамъ; но поступая при томъ весьма осторожно, чтобъ ихъ не повредить.

КАКЪ ИЗЛѢЧАТЬ КУРЪ ОТЪ ШОЛУДЕЙ.

Сія болѣзнь въ курахъ познается по тому, что перья начнутъ линять не въ обыкновенное время.

Для излѣченія куръ отъ сей болѣзни, должно стараться ихъ прохладить, давая имъ ѣсть листья латуковые, свекольные и капустные, мѣлко изрубленные и смѣшанные съ отрубями, смоченными нѣсколько водою. Должно также изъ роту прыс-

кать на больныя мѣста теплаго вина, и тотъ часъ послѣ сего высушивать ихъ на Солнцѣ, или противъ огня. Сіе должно продолжать до совершеннаго излѣченія.

ОТЪ ПЕРЕЛОМА НОГИ.

Когда курица переломитъ ногу; то не должно ни чемъ лѣчить, но оставить дѣйствовать натурѣ. Надлежитъ только сію курицу посадить въ особливое мѣсто, гдѣ бы не было ни какой нашести, дабы она взлѣтевъ на оную, и опершись на переломленную ногу, еще болѣе оную не повредила, и не замедлила бы тѣмъ исцѣленіе свое. Должно оставлять ея въ покоѣ, и чтобъ ни что не заставляло ея быть въ движеніи; и для того-то надобно посадить ея въ такое мѣсто, куда рѣдко ходятъ.

КАКЪ БѢЛИТЬ ХОЛСТИНУ ПО БРЕТАНСКОМУ МАНЕРУ.

Когда полотно выдетъ изъ рукъ ткача, то должно положить его въ горячую воду, по томъ высушить, и выполоскать въ теплой водѣ: послѣ того обмакнуть въ коровій калъ, разведенной съ горячею водою, и оставить въ оном̀ъ на сутки, наконецъ вымывъ въ горячей водѣ, разослать на лугу, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, и подержать дней пять или шесть на росѣ, а при Солнцѣ поливать, и по томъ положить въ щелокъ. Чрезъ восемь или десять дней полотно сдѣлается весьма бѣло.

БѢЛИТЬ ХОЛСТИНУ,

какъ то дѣлаютъ въ Голландіи.

Должно сперва вымыть холстину въ горячей водѣ; по томъ положить

175

ее въ щолокъ, составленной изъ весьма крѣпкой золы, съ кореньями *бузины* (*). Когда щолокъ стечетъ, и холстина вымоется въ чистой водѣ; то намыль ея чернымъ мыломъ, разстели на дворѣ, не снимая и во время ночи, дабы роса на нее падала, а днемъ на Солнцѣ поливай; и держи такимъ образомъ семь или восемь дней: послѣ сего времени она будетъ весьма бѣла.

КАКЪ КРАСИТЬ СОЛОМУ ВЪ РАЗНЫЯ КРАСКИ.

Поелику изъ соломы дѣлаются разныя красивыя издѣлія, какъ то, стулья, шляпы, шитье и проч: то не противно, я думаю, будетъ найти здѣсь, какимъ образомъ красить оную.

Хотя всякаго рода солома годится для крашенія; но есть изъ нихъ иныя для сего удобнѣйшія и

(*) По латинѣ самбукусъ гимилисъ.

лучшія, на примѣръ: ржаная солома лучше пшеничной, будучи длиннѣе и тонѣе оной, ячменная же есть изъ всѣхъ наилучшая, по тому, что стволы ея весьма длинны, тонки и широки; но нѣкоторые предпочитаютъ овсяную всѣмъ прочимъ. Должно выбирать солому для крашенія сухую, которая бы не была подъ дождемъ: ибо такая красивѣе и менѣе имѣетъ пятенъ. Самую большую должно беречь для бѣлаго цвѣта въ оттѣнкахъ.

Выключая блѣднолиловаго, другіе цвѣты не пристанутъ къ соломѣ безъ квасцовъ. И такъ надлежитъ начать тѣмъ, что истолокши квасцовъ, кипѣтить въ водѣ до тѣхъ поръ, пока они совершенно распустятся: по томъ сею водою облить солому, положа ея въ горшокъ, и оставить мокнуть до тѣхъ поръ, какъ она совершенно сею водою напитается; по томъ уже положить въ краску.

176

Горшокъ, для сего крашенія служащій, долженъ быть муравленой и новой, и чтобъ онъ прежде мокнулъ цѣлые сутки въ водѣ: а безъ сего онъ всю краску вберетъ въ себя.

Какъ красить солому въ красной цвѣтъ.

Возми сандалу, изрѣжь его въ маленькіе куски, вскипѣти его въ водѣ съ полчаса, пока вода вберетъ въ себя всю его краску, слѣй потомъ въ муравленой горшокъ, которой бы могъ выдерживать огонь; положи въ сей горшокъ солому, и вари по немногу на горячей золѣ, пока солома хорошенько выкрасится; ея можно сдѣлать гуще или блѣднѣе, смотря по времени, сколько ее въ краскѣ продержать: ибо чемъ долѣе она пробудетъ въ краскѣ, тѣмъ гуще будетъ ея цвѣтъ. Должно остерегаться, чтобъ высохнувъ солома, не потеряла своего цвѣта; и такъ для сего лучше долѣе оставить ея въ краскѣ.

Другой красной цвѣтъ. Поелику высушенный цвѣтъ болѣе подходитъ къ пунцовому, или огненному, нежели къ настоящему алому: то его и мало употребляютъ.

Для сдѣланія же отмѣннаго алаго цвѣта: возми канцелярнаго сѣмя, и мѣлко истолокши, кипѣти въ водѣ, пока вся краска извлечется изъ него; потомъ слѣй въ муравленой горшокъ, положа въ него солому, и вари на горячей золѣ пять или шесть дней безпрестанно, вынимая всякой день изъ горшка по нѣскольку соломинокъ, для разныхъ оттѣнокъ. Не должно забывать, что солома должна быть приготовлена, какъ выше сказано, съ квасцовою водою.

Густокрасный цвѣтъ.

Истереби лоскутокъ кармазиннаго сукна, потомъ намочивъ его водкою, поставь, пока оная гораздо окрасится: наконецъ положи въ сію водку солому, на столько времени, сколько то нужно будетъ.

Блѣднокрасный цвѣтъ.

Положи краснаго сандалу въ горячую воду на сутки; потомъ намочи въ ней солому: она сдѣлается весьма пріятнаго блѣднокраснаго цвѣта.

Розовый цвѣтъ.

Положи въ новой горшокъ красной шерсти, налѣй воды, смотря по количеству шерсти, и кипѣти до тѣхъ поръ, какъ шерсть потеряетъ весь свой цвѣтъ. Тогда вынь ея изъ горшка лучинкою, и положи въ воду сію солому; прибавь немедлѣнно послѣ того не много лимоннаго соку: ибо безъ сего краска можетъ быть не пристаетъ къ соломѣ. Переворачивай часто солому, чтобъ она со всѣхъ сторонъ краскою напиталася.

Мясной цвѣтъ.

Вскипѣти другой разъ ту шерсть, которая служила для розовой краски: въ прочемъ поступай по вышеписанному.

Пурпуровый цвѣтъ.

Возми *орсели*(*), вскипѣти ея въ водѣ бѣлымъ ключемъ; потомъ положи въ нея солому на сутки: послѣ чего приметъ она красивый пурпуровый цвѣтъ.

Цвѣтъ персиковыхъ цвѣтовъ.

Возми орсели, и намочи ея въ теплой водѣ; потомъ положи туда солому, и не вынимай до тѣхъ поръ, пока окрасится она въ желаемой цвѣтъ.

Сѣрокрасный или гриделеновой цвѣтъ.

Возми соку изъ черники, и намочи въ немъ солому, приготовленную въ квасцовой водѣ, какъ выше сказано. Не нужно варить помянутую краску: ибо солома удобно оную принимаетъ холодную. Поелику сихъ ягодъ не во всякое время

(*) Сухое тѣсто, дѣлаемое изъ сѣмянъ конскаго щавелю и подсолнечника, съ уриною, или съ лимоннымъ сокомъ и известью. Красильщики употребляютъ сіе тѣсто на фіолетовую краску.

128

можно найти; то молодое виноградное вино, вытекающее изъ подъ пресса, можетъ служить вмѣсто оныхъ.

Тѣ, кои желаютъ имѣть соломку разныхъ тѣней одного цвѣта, должны всякой день изъ краски вынимать по нѣскольку оной. Поелику же должно соломку оставлять въ краскѣ пять или шесть дней, дабы она лучше могла окраситься; то всякой день можно по немногу вынимать. Симъ средствомъ получить можно пять или шесть тѣней одного цвѣта.

Желтый цвѣтъ.

Положи въ воду шафрану, и кипѣти, пока весь цвѣтъ изъ него вода вберетъ въ себя, слѣй ея въ муравленой горшокъ, положи въ него соломку, и вари на горячей золѣ. Для извлеченія же изъ шафрана и прочихъ цвѣтовъ краски въ воду, надобно не болѣе получаса времени.

Цвѣтъ фіолетовой.

Сей цвѣтъ дѣлается изъ Индѣйскаго дерева, которое должно изрѣзать небольшими кусками, и вскипѣтить въ водѣ, пока краска вся изъ него выдетъ. Потомъ вливъ ея въ муравленой горшокъ, положи въ него солому, приготовленную съ квасцами, и вари на горячей золѣ. Когда же солому съ лишкомъ долго продержишь въ сей краскѣ; то она будетъ чернаго цвѣта: и такъ сія же самая краска можетъ служить и для чернаго цвѣта. Естьли же положить много сего дерева; то и въ короткое время солома сдѣлается черною. И такъ для сего должно наблюдать, чтобъ класть онаго по немногу вдругъ, до тѣхъ поръ, пока увидишь, что краска будетъ фіолетовою.

Варить солому на горячей золѣ, есть ничто иное, какъ положить раскаленной золы въ жаровню, и поставить на оную горшокъ съ соломою.

179

Нужно перемѣнять сію золу три или четыре раза въ день. Сей способъ варенія служитъ для всякаго цвѣта красокъ. Естьли горшокъ, въ которой положена краситься солома, не довольно высокъ, въ разсужденіи ея длины; то должно всякой день солому оборачивать, и естьли можно въ одно время, дабы одинъ конецъ больше другаго не окрасился.

Синій цвѣтъ.

Взявъ сколь возможно болѣе соломы; натолки кубовой краски, разведи ее въ хòлодной водѣ, чтобъ она хорошенько распустилася; (полагая на кружку воды величиною съ два Грецкіе орѣха краски), намочи въ ней приготовленную съ квасцами солому, и вари на горячей золѣ. Естьли же положишь въ сію краску солому, окрашенную прежде въ желтую краску; то она приметъ преизрядный зеленый цвѣтъ.

Отмѣнно красивый зеленый цвѣтъ.

Возми яри Веницейской, распусти ея въ уксусѣ; потомъ подлѣй небольшой стаканъ виннаго спирта, или простой водки; положи въ оное приготовленную въ квасцахъ солому, и держи въ горячей золѣ: но берегись, чтобъ краска не закипѣла. Не худо закрыть горшокъ, въ коемъ положена будетъ краска, чтобъ винной спиртъ не выдохся.

ВЕСЬМА НУЖНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Не должно кипѣтить солому ни-въ какой краскѣ, по тому, что она отъ сего сожмется и испортится, такъ, что сдѣлается негодною къ употребленію. Не должно даже, чтобъ краска, въ которую ея положишь, была надмѣру горяча.

180

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ НАСТАВЛЕНІЯ, КАКЪ ГОТОВИТЬ РАЗНЫЯ КУШАНЬЯ.(*)

I.

ЗАДНЯЯ БАРАНЬЯ НОГА.

a la sainte menehoult.

Нашпикуй баранью ногу вѣтчиннымъ жиромъ, петрушкою, лукомъ, ешалотомъ и базиликою, изрубивъ все оное

(*) Хотя поваренная статья по совѣту нѣкоторыхъ людей и была отмѣнена Издателемъ сея книги; но по требованію извѣстныхъ подписавшихся Особъ возобновляется. Издатель покорнѣйше проситъ сихъ Господъ, не взыскать на немъ, естьли по неопытности своей въ поваренномъ ремеслѣ, погрѣшитъ онъ въ техническихъ онаго терминахъ; и такъ же естьли встретится здѣсь, можетъ быть, нѣсколько извѣстныхъ уже кушаньевъ: ибо онъ въ объявленіи о сей книгѣ не обязывался вымышлять новыхъ блюдъ, не имѣя къ тому нималой способности; въ чемъ да благоволятъ великодушно его простить, естьли паче чаянія причтется по ему въ вину.

и пересыпавъ перцомъ и солью, вари на маломъ огнѣ, вливъ стаканъ воды; когда поспѣетъ, то возми жирную часть сего соуса и немного бульону, прибавь къ тому съ Грецкой орѣхъ масла стертаго съ мукою и два сырыхъ яичныхъ жолтковъ: поставь сей соусъ на огонь, чтобъ онъ гораздо сгустился. Облѣй онымъ баранину, которую посыпь мякишемъ бѣлаго хлѣба; потомъ помажь или облѣй масломъ, чтобъ, поставя въ печь, приняла она хорошій цвѣтъ: подавай на столъ съ соусомъ, которой должно вылить на блюдо, не обливая онымъ верьхнюю часть баранины.

2.

ЦЫПЛЯТА СЪ ЦВѢТНОЮ КАПУСТОЮ.

Возми пару цыплятъ, которые бы были такъ велики, чтобъ годились

181

быть жарены на вертелѣ. Заправивъ ихъ какъ надлежитъ, вынь изъ нихъ печенку, изруби оную, и смѣшай съ коровьимъ масломъ, съ петрушкою и съ лукомъ, такъ же рубленными, положи соли и крупнаго перцу. Сею начинкою начини цыплятъ, положи ихъ на минуту въ кастрюлю, съ небольшимъ количествомъ масла, или свинаго сала; потомъ обернувъ ихъ въ тонкой слой вѣтчиннаго жиру, и въ напитанную масломъ бумагу, жарь на вертелѣ. Когда поспѣютъ, то положи ихъ на блюдо, и окладди цвѣтною капустою, которая была бы прежде сварена въ водѣ, съ малымъ количествомъ масла и соли. Наконецъ облѣй соусомъ, сдѣланнымъ изъ крѣпкаго бульону, въ которой положено величиною съ полъяица масла, не много соли, и крупнаго или зернистаго перцу, и варено на огнѣ не кипѣтя, и такъ подавай.

3.

Цыплята съ сыромъ.

Вычисти и заправь пару цыплятъ, вправя имъ ноги внутрь, разрѣжь не много по спинкамъ, и расплюсни ихъ ножемъ. Подогрѣй ихъ не много съ масломъ въ кастрюлѣ; влѣй полстакана бѣлаго вина и столько же добраго бульону, положи петрушки, луку, половину лавроваго листка, базилики, не много соли и крупнаго перцу. Вари часъ на тихомъ огнѣ, чтобъ отнюдь не кипѣло, но только прѣло; потомъ вынь изъ кострюли цыплятъ, и положи въ соусъ величиною съ Грецкой орѣхъ коровьяго масла, смѣшаннаго съ доброю щепотью муки. Поваря не много, возми блюдо, на которомъ подавать, влѣй во оное часть сего соуса, и сверьхъ соуса насыпь тертаго сыру пармезану. Положи на оное цыплятъ, облѣй ихъ остальнымъ соусомъ и осыпь такимъ же количествомъ сыру, сколько всы-

182

пано онаго было подъ исподъ. Поставь блюдо на самой тихой огонь, и покрой крышкою съ кастрюли, положивъ на оной жару; когда цыплята получатъ хорошій золотый цвѣтъ, и мало останется соусу: то подавай на столъ горячимъ. Ежели сыръ самъ по себѣ солонъ; то не должно класть въ сіе кушанье при вареніи соли.

4.
ЦЫПЛЯТА ВЪ КОРОБКАХЪ.

Очисти и заправь пару цыплятъ, какъ выше сказано. Оставь крылья, расплюсни не много цыплятъ, положи въ какую нибудь посудину петрушки, луку, ешалотовъ(*), чесноку, (нерубленыхъ, но цѣлыхъ), хорошаго Прованскаго масла, соли и крупнаго перцу; положи въ сіе цып-

(*) Родъ луку, которой, не знаю по чему, называютъ у насъ по большой части шарлотами.

лятъ, и дай имъ напитаться запахомъ всего онаго. Потомъ сдѣлай изъ бумаги коробку, положи въ нее цыплятъ со всѣми ихъ приправами, и покрой ихъ вѣтчиннымъ жиромъ и бумагою. Вари ихъ тихимъ огнемъ на желѣзной рѣшеткѣ; когда поспѣютъ, то снявъ травы и вѣтчинной жиръ, подавай на столъ въ коробкѣ, обливъ цыплятъ небольшимъ количествомъ лимоннаго сока, или ренскаго уксуса.

5.

ЯИЦА СЪ ЧЕСНОКОМЪ.

Возми десятокъ чесношныхъ головокъ, повари ихъ минутъ восемь въ водѣ, потомъ истолки съ двумя анчоусами (*), доброю щепотью каперцовъ, послѣ подлѣй Прованскаго масла, не много уксусу, не много

(*) Правильно должно называть анцофищи.

соли и крупнаго перцу; смѣшавъ все сіе хорошенько съ помянутымъ чеснокомъ, выложи въ соусникъ, или на блюдо, а на верьхъ положи нѣсколько вареныхъ въ густую яицъ облупленныхъ, и ежели разсудишь, разрѣзанныхъ по поламъ, и такъ подавай.

6.

ЯИЦА ЖАРЕНЫЯ НА РѢШЕТКѢ.

Возми большой листъ бѣлой бумаги и разрѣжь на восемь равныхъ четвероугольниковъ, кои сложивъ каждой въ двое, надѣлай изъ нихъ коробочекъ, вымажь ихъ снаружи и внутри коровьимъ масломъ; потомъ взявъ доброй кусокъ масла, смѣшай оное съ полгорстью тертаго бѣлаго хлѣба, съ петрушкою, лукомъ, чеснокомъ, солью и крупнымъ перцомъ, и положи все сіе въ бумажныя твои коробочки въ каждую, потомъ изъ

оныхъ выпуски по одному яицу, приправь съ верьху не много мѣлкою солью и крупнымъ перцамъ, и на рѣшоткѣ жарь тихимъ огнемъ, потомъ прижги раскаленною желѣзною лопаткою. Подавай въ коробочкахъ, наблюдая, чтобъ желтки были не густы и не жидки, но какъ называютъ *въ мешечекъ*.

7.

КАКЪ СОЛИТЬ ВѢТЧИНУ ОТМѢННЫМЪ ОБРАЗОМЪ.

Сдѣлай росолъ съ солью, селитрою и всякими душистыми травами, какъ то: тминъ, базилика, лавровой листъ, мята, маіоранъ и проч, которыя смочи водою, по поламъ съ дрождями виноградnаго вина. Всѣ сіи травы положи на сутки въ росолъ, потомъ процѣди въ оной, положи въ него вѣтчину на двѣ недѣли.

184

Послѣ сего времени вынь вѣтчину изъ росола, дай ей хорошенько отечь, и обтеревъ сухо, повѣсь коптить.

Когда вѣтчина прокоптится, то для сбереженія оной, натри ее дрождями или гущею виноградnаго вина, и уксусомъ, и засыпь золою.

8.

КАКЪ ВАРИТЬ ВѢТЧИНУ.

Положи окорокъ дни на два въ воду, чтобъ онъ хорошенько вымокъ, потомъ завернувъ его въ чистую тряпку, положи въ котликъ, которой былъ бы не ширѣ окорока. Влѣй двѣ бутылки воды, и столько же краснаго вина, положи огородныхъ кореньевъ, луку и пукъ всякаго рода душистыхъ травъ: вари пять или шесть часовъ на весьма тихомъ огнѣ.

Когда поспѣетъ, то дай простынуть исподоволь; потомъ вынь и бережно сними кожу, не трогая жиру. Сверьхъ жиру насыпь мѣлко изрубленной петрушки, съ малымъ количествомъ перцу, и потомъ посыпь пирпымъ бѣлымъ хлѣбомъ, прижги раскаленною лопаткою, и подавай холодное на салфеткѣ.

Продолженіе впредь.

185

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

О ДОБРОМЪ И ХУДОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

Два письма, кои я намѣренъ здѣсь включить, содержатъ въ себѣ самую важную матерію, хотя писаны онѣ и не надмѣру важнымъ слогомъ.

Г. Зритель.

„Я осмѣливаюсь просить вашего совѣта, касательно одной молодой дѣвицы, моей родственницы, которая не давно пріѣхала сюда изъ деревни, и коея воспитаніе поручено моему попѣченію. Она очень хороша собою; но такъ нова, что вы представить себѣ не можете. Она и теперь въ томъ же самомъ состояніи, въ которое природа ее поставила, то есть,

безъ всякаго воспитанія. Когда я на нее погляжу, то всегда вспомню ту пригожую Американку, о которой вы въ одномъ изъ вашихъ листовъ говорили. И такъ я покорнѣйше васъ прошу Государь мой помочь мнѣ, учинить ея чувствительною къ пріятности свѣтскихъ разговоровъ, и къ нѣмому краснорѣчію щегольскихъ ухватокъ, которыя ей совершенно не знакомы. У ней только одинъ языкъ служитъ къ выраженію, и она бѣдняшка говоритъ всегда то, что думаетъ. Глаза свои употребляетъ она только на то, чтобъ смотрѣть, и ни какого понятія не имѣетъ о ихъ языкѣ. Мнѣ кажется, что вы болѣе всѣхъ способны къ наученію ее сему. Уже два мѣсяца, какъ я учу ея вздыхать, хотя она и ни малой къ тому причины не имѣетъ, и улыбаться даже и тогда, когда она не весела; но мнѣ стыдно признаться, что она по сіе время не сдѣлала почти ни малаго успѣха

въ сей наукѣ. Сверьхъ того, она въ теперешнихъ своихъ лѣтахъ столь же мало имѣетъ способности ходить какъ тогда, когда она была по другому году. Вы разумѣете, что я хочу сказать о той легкой и правильной выступкѣ, которая составляетъ родъ каданса, придаетъ намъ приманчивый и свободный видъ, и составляетъ въ походкѣ то, что деклама-ція въ разговорѣ. Я не могу похулить ея въ семъ недостаткѣ, ибо она не имѣетъ уха, и походка ея стремится только къ перемѣненію мѣста. Я могла бы такъ же ее извинить и въ томъ, что она въ бѣседахъ краснѣетъ, естьли бы она могла извлекать изъ того какую ни будь себѣ пользу, и естьли бы сей случай не похищалъ у ней красоты ея тѣни.

Я слышала Г. м. что вы видѣли большой свѣтъ, и почитаетесь совершеннымъ судіею во всемъ томъ, что лежитъ до совершеннаго или моднаго воспитанія. Для того-то я

187

желаю, чтобъ вы снабдили меня вашими благоразумными совѣтами, въ пользу молодой моей родственницы; и естьли вы мнѣ сдѣлаете сію милость, то можетъ быть я къ вамъ же прибѣгну, когда придетъ время выбирать для нее супруга: но я не скрою отъ васъ, что все ея приданое состоитъ въ красотѣ и въ воспитаніи, котораго она еще ни крошки не имѣетъ. Я есмь и прочая.„

Селимена.

Государь мой!

„Поелику Селимена заставила меня запечатать ея письмо, и поручила къ вамъ оное доставить, то я беру смѣлость просить васъ, чтобъ вы помыслили, о чемъ она къ вамъ пишетъ, тѣмъ болѣе, что мысли наши не много не сходны о сей матеріи: что до меня касается, то я будучи человѣкъ грубый и не обдѣланный, боюсь, чтобъ сія молодая дѣвушка не была ею испорчена. Сдѣ-

лайте же милость Г. м. скажите намъ, какія мысли имѣете вы о сей прекрасной вещи, которую называютъ нынѣ *модным воспитаніемъ*; я ожидаю по крайней мѣрѣ, что оное различествуетъ весьма отъ сей простой вещи, которую называютъ по просту безъ затѣй *хорошимъ воспитаніемъ*. Я есмь и проч.„

Погрѣшность, въ которую впадаютъ вообще, въ разсужденіи воспитанія, состоитъ въ томъ, что излишнѣе прилагаютъ стараніе о наружности дѣвицъ, а о умѣ ни мало не пекутся; вмѣсто того, что мальчиковъ стараются обогащать свѣдѣніями, а о внѣшности ихъ не рачатъ (*). Отъ сего-то происходитъ, что молодая дѣвушка бываетъ предметомъ удивленія всѣхъ блиста-

(*) Читателей просятъ не забыть, что здѣсь дѣло идетъ о воспитаніи Аглинскомъ, а не о Россійскомъ; но поелику сіе можетъ и нѣкоторымъ изъ нашихъ земляковъ пригодиться, то для того здѣсь и помѣщается.

188

тельныхъ собраній, въ коихъ она находится, между тѣмъ, какъ большой ея братъ боится въ оныхъ показаться. Отъ сего-то происходитъ равномѣрно и то, что иной мущина прожилъ половину своего вѣка, не будучи извѣстенъ въ свѣтѣ, и что женщина выходитъ уже изъ моды, будучи еще въ лучшемъ цвѣтѣ своея жизни. Но я намѣренъ въ семъ листѣ говорить только о дѣвицахъ, поелику дамы жалуются уже на мое, въ разсужденіи ихъ, молчаніе. Едва только отнимутъ дѣвочку отъ груди, то предадутъ ее въ руки танцмейстера, прежде, нежели она можетъ имѣть какое либо понятіе о малѣйшей вещи. Танцмейстеръ мучитъ ея, старается придать ей нѣкую смѣшную важность, пріучить закидывать назадъ голову, надувать грудь и двигаться всѣмъ тѣломъ, какъ выпускная кукла; и угрожаетъ ей, что она ни когда не найдетъ жениха, естьли будетъ не

по его образцу смотрѣть, ходить или двигаться. Все сіе причиняетъ великое затрудненіе младому уму сей дѣвочки, которая всѣми силами старается добраться, что будетъ происходить между ею и мужемъ ея, о коемъ ей столь часто твердятъ, и для коего, кажется, ея только и воспитываютъ. Сіе побуждаетъ ея устрѣмить все усиліе своего воображенія на внѣшнія украшенія; поелику они-то должны рѣшить счастіе ея или несчастіе въ свѣтѣ. Она даже ласкаетъ себя, что ежели будетъ имѣть стройной станъ, то довольно будетъ способна ко всему тому, къ чему воспитаніе ея подаетъ ей поводъ думать, что она назначена. Единственная цѣль ея родителей состоитъ въ томъ, чтобъ учинить ея пріятною женщиною; всѣ ихъ издержки, всѣ старанія на семъ одномъ кончатся; и сему-то дурачеству отцовъ и матерей обязаны мы тѣмъ великимъ числомъ

прелѣстницъ. Сверьхъ того, сіи разсужденія приводятъ меня въ недоумѣніе, какъ и что присовѣтовать мнѣ, касательно той молодой дѣвицы, о которой дѣло идетъ въ предъидущихъ двухъ письмахъ. Но есть конечно тутъ средина. Не должно пренебрегать со всемъ внѣшнимъ видомъ; но главныя стараанія надлежитъ обратить къ образованію и обогащенію ея ума.

Клеомира танцуетъ со всевозможною пріятностію: но чистота души ея придаетъ взорамъ ея такую непорочность, что зрители любятъ ея и удивляются прелѣстямъ ея, не чувствуя въ себѣ никакихъ безчестныхъ желаній, и она не производитъ ни малой искры надежды въ самыхъ развращенныхъ воображеніяхъ. Истинная въ семъ тайна состоитъ въ томъ, чтобъ сколь можно стараться усовершенствовать и тѣло и душу, и сдѣлать такъ, естьли льзя, чтобъ тѣлодвиженія

слѣдовали мыслямъ разума, а чтобъ не душа занималася тѣлодвиженіями.

РАЗСУЖДЕНІЕ О НѢКОТОРЫХЪ ДВОРЯНАХЪ, ПРОМАТЫВАЮЩИХЪ БЕЗЪ ПРИЧИНЫ СВОЕ ИМѢНІЕ, И ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НЕОПЛАТИМЫЕ ДОЛГИ.

На прошедшей недѣлѣ проходя чрезъ одни Лондонскіе ворота, называемые *людгатъ*, услышалъ я человѣка просящаго изо всей силы милостины, и коего голосъ показался мнѣ знакомъ; когда я подошелъ къ рѣшеткѣ, то онъ назвалъ меня по имени, и униженно просилъ, чтобъ я изъ милости подалъ что нибудь бѣднымъ заключеннымъ. Я не могъ воспрепятствовать себѣ, чтобъ не помыслить о странномъ расположеніи нѣкоторыхъ людей и о подлости, которую они оказываютъ во всякомъ состояніи: я исполнилъ его

прозьбу, и будучи приступленъ за него, положилъ въ кружку полъ-ефимка. Тотъ, которой просилъ у меня милостины, есть человѣкъ лѣтъ пятидесяти; мы до двадцатипятилѣтняго возраста были съ нимъ очень знакомы, и тогда досталося ему богатое наслѣдство послѣ одного изъ его родственниковъ. Какъ скоро онъ получилъ сіе имѣніе, то и вдался во всякую роскошь; сдѣлался грубъ противъ своихъ начальниковъ, и наглъ до безчинства съ подчиненными; часто бранился съ пьяницами, проламывалъ головы мальчикамъ, кои цѣдятъ вино въ трактирахъ, богатырничалъ, и ругался какъ извощикъ. Та же самая низкость души, которая въ изобиліи учиняла его грубымъ и гордымъ, сдѣлала его въ бѣдности подлымъ и безстыднымъ. Какъ бы то ни было, сей поступокъ понудилъ меня разсмотрѣть вообще состояніе, въ которомъ находятся тѣ, кои вошли

въ неоплатимые долги, какого сложенія люди наиболѣе способны ввергаться въ сей безпорядокъ, и какое нещастіе стѣнать подъ толь тягостнымъ бременемъ. Что до меня касается, коего природное отвращеніе отдаляетъ отъ всякой шумной жизни, съ коимъ большая часть людей стараются имѣть обхожденіе, я не подверженъ былъ большимъ издержкамъ; всѣ мои дѣла заключаются въ весьма тѣсномъ кругу; и имѣю въ своей деревнѣ честнаго человѣка, сбирающаго со всякою точностію малые мои доходы, и которой каждую треть года исправно мнѣ оные доставляетъ. Когда онъ мнѣ приноситъ написанную квитанцію, то я только что принимаю трудъ подписать оную. Сверьхъ того я имѣю довольное количество хорошаго бѣлья, какъ то: рубашекъ, галстуковъ, чулковъ и платковъ, на которыхъ на всѣхъ поставлены номѣра; и я всегда записываю бѣлье,

191

полученное мною или отдаваемое прачкѣ. Такимъ образомъ дѣла мои, не причиняя мнѣ почти ни какой заботы, оставляютъ мнѣ много свободнаго времени на примѣчаніе роскоши другихъ, въ екипажахъ ихъ и въ прочихъ лишнихъ издержкахъ.

Когда я прогуливаюсь по улицамъ Лондонскимъ, то не удивляюсь тѣмъ трудамъ, кои принимаютъ на себя люди, для возвышенія своего, или обогащенія; но удивленіе мое не имѣетъ предѣловъ, когда я вижу, что люди не боятся входить въ долги. По сему бы можно заключить, что человѣкъ, занимающій деньги, не вѣдаетъ, что ежели не заплатитъ въ срокъ, то заимодавецъ его имѣетъ право на его честь, свободу и имѣніе, смотря по суммѣ, которою онъ ему долженъ. Можно подумать, что онъ незнаетъ, что его заимодавецъ можетъ безъ клеветы сказать, что онъ безчестной человѣкъ, и можетъ

посадить его въ тюрьму, не нанеся ни какой не справедливой обиды. Но не смотря на все сіе, есть люди столько самимъ себѣ недоброжелательствующіе, что могутъ они жить въ семъ безпрестанномъ страхѣ, и всякой день прибавляютъ причину онаго. Можетъ ли быть состояніе подлѣе и порабощеннѣе сего, какъ не смѣть смотрѣть въ глаза человѣку? Сіе-то, однако же, есть самое состояніе, въ коемъ находится иногда должникъ противъ двадцати человѣкъ. Кромѣ того можетъ случиться, что и самой честной человѣкъ задолжаетъ, поступивъ не осторожно въ какомъ либо важномъ случаѣ своея жизни, какъ то, или поручась по комъ нибудь, или въ подобномъ тому случаѣ; но сіи примѣры рѣдки.

На одного такого должника можно смѣло класть по десяти человѣкъ такихъ, кои для поддержанія пышности своего екипажа и дома

192

сохнутъ и блѣднѣютъ отъ страха, чтобъ докучливые ихъ заимодавцы не постучалися у воротъ. Должникъ есть преступникъ заимодавца, а судьи не имѣютъ иной власти, какъ только для осужденія его. Самая даже польза общежитія требуетъ того; и естьли должникъ и пользуется свободою, то онъ не менѣе за то долженъ своему заимодавцу: какъ смертоубійца Государю своему, которой его прощаетъ.

Наши Дворяне почти всѣ должны, (*) и есть нѣкоторые фамиліи, въ коихъ сіе несчастіе учинилося, какъ бы наслѣдственнымъ, и продолжается отъ одного поколенія къ другому. Отецъ закладываетъ свое имѣніе, съ самаго еще младенчества большаго своего сына, и сей какъ скоро придетъ въ совершенныя лѣта, то женится, дабы выкупить свои помѣстья, и найти средство

(*) Сіе сказано о Аглинскихъ Дворянахъ, а не о Россійскихъ.

дать приданое сестрамъ своимъ. Сіе однако же непрепятствуетъ ему вдаваться въ разные безпорядки, съ непотребными женщинами, держать открытой столъ, и кормить сотни двѣ собакъ и лошадей, яко истинный Аглинскій дворянинъ, до тѣхъ поръ, пока заложитъ онъ половину своего недвижимаго имѣнія. Сіе кончится тѣмъ, что онъ оставитъ своему наслѣднику тотъ же самой долгъ, которой ему самому послѣ отца достался, и которой переходитъ отъ отца къ сыну, до тѣхъ поръ, пока родится въ сей фамиліи человѣкъ развратнѣйшій всѣхъ прежнихъ, которой промотаетъ все наслѣдство, или такой человѣкъ, которой разсудитъ здраво, что владѣть имѣніемъ пополамъ съ заимодавцами, исторгнетъ оное изъ рукъ ихъ, посредствомъ благоразумнаго хозяйства.

193

ПЕРВОЕ ВИДѢНІЕ МИРЗЫ О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Я имѣю у себя многія восточныя рукописи, кои попалися мнѣ въ руки во время пребыванія моего въ Великомъ Каирѣ; у одной изъ нихъ стоитъ въ заглавіи: *видѣнія Мирзы*, и которую я прочиталъ съ великимъ удовольствіемъ. Мнѣ вздумалось сообщить оныя публикѣ, и я начну первымъ видѣніемъ, которое преложилъ я въ нижеслѣдующихъ словахъ.

Въ пятой день Луны, которой есть праздникъ, всегда наблюдаемый по обычаю моихъ предковъ, омывъ тѣло мое, и принеся утреннюю молитву, пошелъ я на высокія горы Багдадскія, для препровожденія тамъ остальной части дня въ молитвѣ и созерцаніи. Пришедъ къ вершинѣ, сѣлъ я, и размышляя со вниманіемъ о тщетѣ жизни человѣческой, говорилъ самъ въ себѣ: *безъ сомнѣнія*,

человѣкъ есть ничто иное, какъ тѣнь, а жизнь его одинъ сонъ. Обративъ глаза на вершину каменной горы, близь меня находящейся, усмотрѣлъ я на ней человѣка въ пастушьемъ платьѣ, у коего былъ въ рукахъ нѣкоторой музыкальной инструментъ, и онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то началъ на оном играть. Звукъ сего инструмента былъ столь пріятенъ, что я ничего тому подобнаго въ жизни моей не слыхивалъ. Сіе привело мнѣ на мысль тѣ божественные концерты, кои играются при вшествіи въ рай добродѣтельныхъ душъ, и служатъ къ истребленію въ нихъ послѣднихъ страховъ смерти, и къ приведенію въ состояніе вкушать утѣхи сего блаженнаго жилища. Однимъ словомъ, я былъ почти въ восторгѣ.

Слухъ носился уже съ давнаго времени, что нѣкій духъ почасту бываетъ на сей горѣ, и что многіе люди, слышавшіе Гармоническія его

194

пѣсни, не видали ни когда его самаго. КакЪ бы то не было, сей духЪ возвыся и настроя умЪ мой кЪ наслажденію очаровательными его рѣчами, сдѣлалЪ мнѣ знакЪ рукою, чтобЪ я кЪ нему приближился. Я сЪ почтеніемЪ ему повиновался, и имѣя сердце исполненное его сладостными звуками, бросился кЪ его ногамЪ. ОнЪ возрѣвЪ на меня усмѣхнулся, сЪ видомЪ толь ласковымЪ и сострадательнымЪ, что вЪ одно мгновеніе ока разсѣялся обЪявшій меня страхЪ. ПотомЪ простря ко мнѣ руку, чтобЪ меня поднять, сказалЪ мнѣ слѣдующее: *Мирза, я слышалЪ произнесенныя тобою слова, шествуй за мною.*

Тогда повелЪ онЪ меня на самую вершину каменной горы, и остановясь тамЪ, сказалЪ мнѣ: обрати глаза кЪ Востоку и скажи мнѣ, что ты видишь? Я вижу, отвѣчалЪ я, большую долину, и великій потокЪ воды чрезЪ оную протекающій.

Долина, тобою видимая, примолвилъ онъ, есть долина скорби, а сей потокъ составляетъ часть неизмѣримаго Океана вѣчности. Отъ чего ето, спросилъ я, вода сія выходитъ съ одного конца изъ густаго тумана, а въ другомъ теряется она въ мрачныхъ облакахъ? То, что ты видишъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, есть та часть вѣчности, которую называютъ временемъ, она измѣряется по теченію Солнца, и должна продолжиться до скончанія міра. Разсмотри теперь, продолжалъ онъ, сіе море, ограниченное съ обѣихъ концовъ тьмою, и скажи мнѣ, что ты на ономъ увидишъ? Я вижу, сказалъ я, мостъ лежащій по срединѣ онаго. Сей мостъ, сказалъ онъ мнѣ, есть жизнь человѣческая, разсмотри его по прилѣжнѣе. Осмотрѣвъ внимательно мостъ, я счелъ, что въ немъ находилося семдесятъ цѣлыхъ сводовъ, и многіе разломанные, кои всѣ вмѣстѣ составляли болѣе ста сводовъ. Когда я

щиталъ своды, то духъ мнѣ сказалъ, что оныхъ съ начала было до тысячи, но что потопомъ снѣсло большую часть, а мостъ остался въ томъ разоренномъ состояніи, въ коемъ ты видишь его. Но, примолвилъ онъ, не видишъ ли ты еще чего? Я вижу, сказалъ я, множество народа, идущаго по сему мосту, и мрачныя облака съ того и другаго края. Я увидѣлъ сверьхъ того великое число прохожихъ, кои падали съ моста въ воду, и примѣтилъ множество скрытныхъ западней, на кои когда только ступали они ногою, то мгновенно проваливалися и изчезали. Сіи западни были столь многочисленны при входѣ на мостъ, что изъ сей толпы народа, изъ облака выходящаго, большая часть при первомъ шагѣ проваливалася. Западни къ срѣдинѣ были не столь многочисленны, но къ концу цѣлыхъ сводовъ онѣ опять умножалися. Въ прочемъ весьма только малое число людей ступали хромая

по испорченнымъ сводамъ, но утомясь отъ столь труднаго шествія, упадали одинъ за другимъ въ недра сего пространнаго океана.

Я смотрѣлъ со вниманіемъ на сіе удивительное строеніе, и на ту великую разнообразность предметовъ, которые мнѣ на ономъ представлялися; какъ сталъ объятъ глубочайшею печалію и задумчивостію, видя толикое число людей погибающихъ по среди радости и утѣхъ, и кои хватались за все ихъ окружающее, для спасенія своей жизни. Нѣкоторые смотря на небо съ весьма задумчивымъ видомъ, изчезали вдругъ по среди своихъ размышленій. Великое множество другихъ, бѣгало съ невѣроятною горячностію за небольшими пузырями, надутыми воздухомъ, которые блистали въ ихъ глазахъ, и прыгали предъ ними; но когда они были готовы ихъ поймать, то съ поткнувшись, черезъ голову, лѣтѣли въ низъ. Не смотря на сію

196

разнообразность предметовъ, кои причиняли нѣкоторую смѣшенность; я увидѣлъ нѣсколько людей съ мѣчами, а другихъ съ пузырьками въ рукѣ, кои ходили по мосту, то въ ту, то въ другую сторону, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, сталкивали съ онаго въ западни великое множество людей, кои, казалося, не на своей были дорогѣ, и которую бы они могли избѣжать, естьли бы не принудили ихъ перемѣнить путь.

Когда духъ примѣтилъ, что я съ горестію смотрѣлъ на сіе печальное позорище, то велѣлъ мнѣ совратить съ онаго мои глаза, и посмотрѣть, нѣтъ ли чего инаго, чего бы я не разумѣлъ. По чему я и спросилъ его, что значатъ сіи великія стада птицъ, лѣтающія около моста, и садящіяся иногда на оной; что значили сіи враны, гарпіи, коршуны, чайки, а особливо маленькіе крылатые мальчики, кои въ великомъ множествѣ садилися на

средніе своды моста. Сіи птицы, отвѣчалъ онъ мнѣ, суть: суевѣріе, скупость, отчаяніе и любовь, со всѣми прочими страстями и заботами, грызущими сердца человѣковъ.

Увы! возопилъ я воздыхая, по сему человѣкъ въ тунѣ былъ созданъ, когда преданъ онъ горестямъ во время жизни, и поглощается смертію. Духъ, подвигнутый ко мнѣ сожалѣніемъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я не смотрѣлъ болѣе на людей, въ первыхъ явленіяхъ ихъ существованія, когда они идутъ по дорогѣ къ вѣчности; но чтобъ обратилъ я глаза на то мрачное облако, къ коему влеклися потокомъ разныя порожденія людей. Я повиновался его приказанію, и поелику, онъ, или укрѣпилъ мое зрѣніе чудеснымъ образомъ, или разсѣялъ нѣсколько мрачность сего облака, коего глаза мои не могли прежде проникнуть, увидѣлъ я, что долина съ сей стороны разверзлась, и простиралась въ

197

видѣ пространнаго океана, чрезъ средину коего лежала большая алмазная гора, раздѣляющая его на двѣ равныя части; но одна осталася погруженною въ тьмѣ, гдѣ я не могъ ни чего увидѣть, между тѣмъ, какъ другая показалася мнѣ усѣянною безчисленными островами, кои были покрыты цвѣтами и плодами, и окружены водою, подобно чистѣйшему хрусталю. Я усмотрѣлъ тамъ людей, одѣтыхъ великолѣпно, съ цвѣточными на головахъ вѣнцами, они прогуливались подъ деревьями, отдыхали на берегахъ источниковъ, или на розовыхъ ложахъ. Я услышалъ тамъ, въ то же самое время, смѣшанное пѣніе птицъ, шумъ водопадовъ, человѣческихъ голосовъ и музыкальныхъ орудій, такъ, что отъ того сердце мое наполнилось радостію, при видѣніи и слышаніи столь пріятнаго явленія. Я желалъ бы тогда имѣть крылья орлиныя, дабы прелѣтеть немедленно въ сіе блаженное

жилищѣ; но духъ сказалъ мнѣ, что человѣку не льзя туда проникнуть иначе, какъ чрезъ врата смерти, кои во всякое время на мосту отверзалися. Острова, говорилъ онъ, кои ты видишь столь зеленеющимися и пёстрыми, и кои покрываютъ всю поверьхность океана, суть многочисленіе пѣску морскаго; ибо кромѣ тѣхъ, кои ты можешь видѣть, находится ихъ еще нещетное множество, и болѣе, нежели твое воображеніе можетъ представить. Сіе-то есть жилище, уготованное праведнымъ по смерти, кои, смотря по добродѣтелямъ своимъ, раздѣляются по симъ островамъ, изъ коихъ каждый есть рай, изобилующій всѣми утѣхами, кои соразмѣряются со вкусами и свойствами, насѣляющихъ оные. Не достойно ли сіе жилище, *Мирза*, чтобъ ты употребилъ всѣ старанія, и приложилъ всѣ труды къ снисканію онаго? Теперь жизнь кажется ли тебѣ бѣдственною, когда

снабжаетъ она тебя случаемъ удостоиться столь великаго возмѣздія? Долженъ ли ты бояться смерти, чрезъ кою проходишъ ты къ столь блаженному состоянію? И такъ не думай, что человѣкъ созданъ только для единаго страданія: поелику долженъ онъ наслаждаться вѣчною славою, лишъ бы только онъ своею добродѣтелію сдѣлался оныя достойнымъ.

Насладясь неизглаголаннымъ удовольствіемъ, при видѣ сихъ блаженныхъ острововъ, умолялъ я добраго духа, сказать мнѣ, что находилося на другой сторонѣ алмазной горы, которая казалася покрытою ужасною тьмою. Онъ не отвѣчалъ мнѣ на то ни слова, и когда я повторилъ мою прозьбу, то примѣтилъ, что онъ изчезъ. И такъ я обратилъ глаза къ тѣмъ предметамъ, кои прежде занимали мое вниманіе; но вмѣсто океана, моста и острововъ увидѣлъ только пространную долину Багдад-

скую, на коей разсѣяны были быки, овцы и верблюды, ядущіе по холмамъ жирную траву.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О БЕЗБОЖІИ.

Можно противъ аѳеистовъ или безбожниковъ сказать, и сіе есть неоспоримое и очевидное правило, что слѣпой случай не можетъ никогда дѣйствовать одинаково и постоянно, какъ мы примѣчаемъ въ движеніи вселенныя.

Естьли бы бросали всегда одно число десятью тысячами костей, или естьли бы каждое бросаніе превосходило предъидущее пятью очками, или было бы пятидесятью мень-

199

ше; то кто бы не сказалъ, что какая либо невидимая сила управляетъ бросаніемъ костей? Но гораздо вѣроятнѣе думать, что сто миліоновъ металныхъ косточекъ, случайно бросаемыхъ, лягутъ сто миліоновъ разъ однимъ числомъ, нежели представить себѣ, что бы тѣло какого либо животнаго могло быть организовано единымъ нечаяннымъ стеченіемъ частицъ вещества. Но хотѣть, чтобъ самой тотъ же слѣпой случай находился въ безчисленномъ множествѣ примѣровъ, есть такое безуміе, которому нѣтъ подобнаго.

Платонъ, Греческій Философъ утверждаетъ, что еще ни одинъ человѣкъ не состарелся въ томъ мнѣніи, что нѣтъ Бога.

Я всегда буду увѣренъ въ томъ, что часы доказываютъ часоваго мастера, а вселенная Бога.

Волтеръ.

Гражданскіе законы осуждали въ разныхъ странахъ нѣкоторыхъ аѳеистовъ на смерть; но законы, кои бы ихъ наказывали какъ безумныхъ, гораздо, по мнѣнію моему, были бы благоразумнѣе. Есть такія преступленія, въ наказаніи коихъ презрѣніе и посмѣяніе еще нужнѣе строгости; и сіе кажется мнѣ, надмѣру много дѣлать чести аѳеистамъ, осуждая ихъ на смерть, какъ людей опасныхъ. Мнѣнія ихъ столь безразсудны, что они не заслуживаютъ инаго наказанія, какъ быть посаженными въ домъ безумныхъ.

О МИЛОСТИНѢ или ПОДАЯНІИ.

Щедрость и милостина суть, мнѣ кажется, тайна, изобрѣтенная самимъ Богомъ, дабы злато и сребро имѣли нѣчто драгоцѣннаго въ глазахъ истиннаго Христіянина. Должно быть весьма безразсудну, дабы лишать себя чрезъ свое жестокосер-

200

дѣе сладчайшаго плода земныхъ богатствъ, кои безъ удовольствія, отъ вспоможенія бѣднымъ произходящаго, должны бы казаться презрѣнія достойными, и никакой цѣны не имѣющими. Сладчайшее изъ всѣхъ зрѣлище есть, видѣть счастливыхъ нами учиненныхъ.

о скупости.

Я ни одного порока не знаю въ свѣтѣ, кромѣ скупости: всѣ прочіе, такимъ бы именемъ ихъ ни называли, суть ничто иное, какъ оттѣнки и степени скупости; она-то есть Протей Меркурій, основаніе и обертка всѣхъ пороковъ: разбери тщеславіе, гордость, честолюбіе, лживость, лицемѣріе, бездѣльство; раздроби на части большую половину нашихъ софистическихъ добродѣтелей, все сіе превратится въ сію тонкую и бѣдоносную стихію, *желаніе имѣть*; ты найдешь сіе желаніе и въ самомъ даже безкорыстіи.

РАЗНЫЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА.

Разсмотри разныя состоянія жизни, въ которыя можешь ты вступить, сообразно съ родомъ твоимъ и воспитаніемъ, и спросись съ твоею способностію прежде, нежели избереш одно изъ оныхъ. Человѣкъ, хватающійся за такое дѣло, которое совсемъ ему не свойственно, погубляетъ и честь свою и имѣніе.

——— *Баконъ.*

Кто желаетъ объять всѣ предметы, представляющіеся нашимъ глазамъ, тотъ подвергнется опасности не поимать ни одного изъ нихъ. Имѣй одну только цѣль; а прочее все употребляй яко способы къ тому.

——— *Баконъ.*

Прилепись къ добродѣтели, и не станешь тогда жаловаться на счастіе.

——— *Бак.*

О сынъ Адамовъ! да пребудетъ добродѣтель безпрестанно предъ тво-

201

ими глазами; воображай ее всегда столь прелестною, чтобъ не возможно было тебѣ ее не любить; наипаче не занимайся ея предписаніями безъ того, чтобъ не помышлять о дѣйствіяхъ ея и прелестяхъ; предай ей тѣло, и подвергни ее тѣлѣснымъ твоимъ чувствамъ

——— *Заади.*

Старайся живо себѣ представлять счастіе, долженствующее быть наградою мудраго, и несчастія, въ кои низвергается безразсудный. Ты чрезъ сіе преклонишъ сердце твое къ добродѣтели

——— *Тотъ же.*

Не станемъ отчаяваться, что мы не будемъ никогда счастливы; источники добра и зла отъ насъ сокрыты; и мы не вѣдаемъ, которой изъ нихъ долженъ орошать теченіе нашей жизни. О человѣкъ! ктобъ ты не былъ, о братъ мой! будь въ несчастіи терпѣливъ и надѣйся.

——— *Заади.*

Повинемся во всякое время законамъ и обычаямъ нашего отечества.

——— *Картезій.*

Станемъ стараться побѣждать самихъ себя и несчастіе; по тому, что скорѣе можно перемѣнить свои желанія, нежели порядокъ вселенныя; и по тому, что мы кромѣ мыслей нашихъ ничего въ своей власти не имѣемъ.

——— *Тотъ же.*

Человѣкъ никогда не долженъ стыдиться признаться, что онъ виноватъ; ибо симъ признаніемъ доказывается, что онъ севодни умнѣе, нежели былъ вчера.

——— *Полій.*

Перьвый шагъ къ пороку есть тотъ, когда человѣкъ начнетъ скрывать невинныя свои дѣянія: ибо тотъ, кто любитъ скрываться, рано или поздно будетъ имѣть на то причину. Единое правило нравоученія можетъ замѣнить всѣ прочія, оно со-

202

стоитъ въ слѣдующемъ: не дѣлай и не говори никогда ничего такого, чего бы ты не могъ сдѣлать или сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Руссо.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЯ.

Поелику слѣдующія письма выражаютъ чувствія честной и благоразумной любви, то я надѣюсь, что онѣ принесутъ удовольствіе читателямъ.

Г. Зритель!

„Я переступила на шестдесятъ седмой годъ, и читаю ваши листы съ величайшимъ удовольствіемъ; но мнѣ кажется, что вы долженствовали бы уже упомянуть объ одномъ величайшемъ злѣ жизни человѣческой, то есть, о модномъ нынѣшнемъ понятіи о любви. Давно уже о семъ люди начали криво судить. Что до меня касается, которая уже сорокъ лѣтъ какъ замужемъ, и была вос-

питана такимъ образомъ, что отъ того была во все сіе время счастлива, то я примѣчаю ясно, что нынѣшняя любовь не можетъ произвести счастливыхъ браковъ. Когда я была въ дѣвкахъ, то въ то время, въ разсужденіи особъ моего пола, принималися благоразумнѣйшія предосторожности, для предохраненія ихъ нравовъ отъ разврата свѣтскаго. Отъ глазъ нашихъ удаляли всѣ предметы, кои могли бы надъ нами учинить какое либо опасное впечатлѣніе. Обои, представляющіе какіе либо мѣста изъ Священной Исторіи, гораздо лучшее дѣйствіе производили, нежели любовь Венеры и Адониса, или Вакха и Аріадны, въ нашихъ новыхъ картинахъ. Тотъ, за коего я вышла замужъ, любилъ меня страстно, но такою страстію, которая прилична честному человѣку, и которая отнюдь не походила ни на любовь романическаго Героя, ни на любовь нынѣшнихъ притворныхъ ще-

203

годей. Сіе-то составило въ послѣдствіи наше взаимное счастіе. Дабы подать вамъ понятіе о нашей связи и взаимныхъ другъ противъ друга поступкахъ, я посылаю вамъ копіи съ писемъ, писанныхъ имъ ко мнѣ тому уже сорокъ лѣтъ назадъ, когда онъ за меня сватался, и при томъ еще одно письмо, полученное отъ него мною недавно. Я есмь

Ваша покорнѣйшая услужница

Андромаха.

Милостивая Государыня!

„Естьли моя безсоница и множество желаній, могли, хотя не много, споспѣшествовать вашему спокойствію; то надлежитъ, чтобъ вы проводили хорошо прошедшую ночь, подъ храненіемъ Ангеловъ; вы одинъ предметъ моихъ мыслей, и я только для васъ боюсь всѣхъ печальныхъ случаевъ, коимъ люди подвержены. Толико нѣжныхъ и заботливыхъ стараній, еще по сіе время не за-

служили отъ васъ инаго названія, кромѣ имени дурачествъ, отъ васъ, коея милый образъ представляется и теперь глазамъ моимъ, наполняющимся слезами, кои облегчаютъ мое страданіе: мнѣ нѣтъ иной отрады, кромѣ того, чтобъ описывать вамъ мои страданія; ибо я не способенъ болѣе ни къ трудамъ и ни къ какому упражненію, требующему вниманія: ибо оно все устремлено къ однимъ вамъ. То, что меня прежде веселило наиболѣе, теперь мнѣ кажется несноснымъ; и даже присудствіе лучшихъ моихъ друзей меня безпокоитъ. Одно только ваше сожаленіе, когда вы оное ко мнѣ почувствуете, учинитъ побѣду вашу знатнѣйшею. Одни только тираны любятъ мучить; но истинное преимущество красоты состоитъ въ томъ, чтобъ учинить кого либо счастливымъ. О естьли бы вы поняли, что я хочу сказать, то освободили бы изъ плѣну бѣднаго невольБиб. Учен. Час. VI. У

204

ника, дабы учинить его искреннимъ и благодарнымъ вашимъ другомъ. Я претерпѣваю первое изъ сихъ состояній, въ надежде когда либо достигнуть до втораго. Я имѣю честь быть.„

Милостивая Государыня

Отъ 7 Августа 1753 года

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга.

Хотя я и не подала ему нималаго повода ласкать себя надеждою; но однако же, кажется, что онъ воспріялъ надежду на мнѣ жениться, когда чрезъ мѣсяцъ послѣ того написалъ онъ ко мнѣ слѣдующее письмо.

Отъ 3 Сентября 1753. года.

М. Г.

„Я сего дня проснулся за долго до свѣта, и ожидалъ возвращенія дня, въ тѣхъ единственно упражняяся мысляхъ, что свѣтъ пріятенъ будетъ вашимъ глазамъ по вкушеніи

сладкаго покоя, коего пожелалъ я вамъ вчера ввечеру. Естьли моленіе мое было услышано; то первыя чувствія вашего сердца были севодни посвящены Создателю. Ибо любовь, мною къ вамъ чувствуемая, есть со всемъ особливаго рода отъ той, которую обыкновенно симъ именемъ называютъ. Я не имѣю, въ разсужденіи васъ, ни какихъ мыслей, которыхъ бы я не смѣлъ изложить предъ Творцемъ въ моихъ молитвахъ, прося его внять онымъ, да направитъ сіе Великое Существо стопы ваши, и да наградитъ вашу невинность, ваше почтеніе къ его закону, и чистоту вашей души, и да удвоитъ Онъ къ вамъ свою благость. Я признаюсь, что сей языкъ есть не тотъ, коимъ обыкновенно говорятъ нынѣ съ молодыми дѣвушками; но душа ваша есть превыше безразсудной суетности того пола, которой даетъ себя уловлять притворными сладостями, и доводится, по-

205

средствомъ ложнаго и временнаго боготворенія, до долговременнаго презрѣнія. Красота не можетъ противиться дѣйствію времени, и прелести ея исчезаютъ даже и отъ глазъ тѣхъ, кои ею обладаютъ; но я люблю вашъ разумъ, и душа ваша мнѣ столько же драгоцѣнна, какъ и собственная моя. Естьли честное воспитаніе, нѣкоторыя свѣдѣнія и большое презрѣніе къ суетамъ свѣтскимъ, присоединенныя къ твердому намѣренію вести жизнь достойную человѣка и истиннаго Христіанина, могутъ сдѣлать хотя малое впечатлѣніе надъ вами въ мою пользу, то бы мы стали провождать блаженнѣйшую въ свѣтѣ жизнь; а старость, которая обыкновенно производитъ въ умѣ печальныя мысли, возбудила бы въ насъ надежду о жизни блаженнѣйшей и лучшей. Должность моя не позволяетъ мнѣ долѣе къ вамъ писать, и такъ извините, прошу васъ, погрѣшности сего письма, при-

нявъ въ уваженіе краткость времени. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій и нижайшій слуга.

Два слѣдующія письма писаны ко мнѣ послѣ того, какъ назначенъ былъ день для нашей свадьбы.

Отъ 25 Сентября
1753 года.

М. Г.

„Весьма трудная вещь быть влюбленнымъ, и быть по должности занятту дѣлами. Всѣ приходящіе говорить сомною о дѣлахъ своихъ, не находятъ меня дома, и непремѣнно должно, чтобъ другой кто снялъ на себя мою должность. Севодни нѣкто у меня спросилъ, не получалъ ли я писемъ изъ Голландіи; а я отвѣчалъ: какъ она прекрасна! Другой желая отъ меня знать, давно ли я былъ въ Виндзорѣ. Получилъ въ отвѣтъ: и она сомною туда поѣдетъ. Позвольте мнѣ, по крайней

206

мѣрѣ, прошу васъ, притти облобызать ваши ручки до назначеннаго дня. Сія милость утишитъ нѣсколько волнующее меня смятеніе. Мнѣ кажется, чтобъ я могъ написать къ вамъ цѣлую книгу; но нѣтъ такого краснорѣчиваго языка, которымъ бы можно было выразить, съ какими чувствіями пребываю я, и проч.„

Отъ 30 Сентября 1753
въ 7 часовъ поутру.

Милая моя!

„Послѣ Бога, тебя долженъ я благодарить за ту радость, которую почувствовалъ я севодни при наступленіи дня. Проводить вечеръ въ бѣседѣ съ тобою, и быть уважаему дѣвицею твоихъ достоинствъ, есть такое счастіе, которое я столь же мало могу изъяснить, какъ и возблагодарить за оное. Я есмь съ чувствіями такой нѣжности, которая не прежде, какъ съ жизнію моею кончится, и проч.„

Въ то время, какъ онъ писалъ слѣдующее письмо, то щитался забавнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ во всей Англіи.

М. Г. м.

„Не взыщите на мнѣ, прошу васъ покорно, что я пишу къ вамъ на такой дурной бумагѣ, и въ кофейномъ домѣ, гдѣ должно мнѣ учредить одно важное дѣло. Я вижу себя окруженнаго толпою алчныхъ людей, кои говорятъ мнѣ съ важнымъ видомъ о деньгахъ, между тѣмъ, какъ мысль, чтобъ васъ не прогнѣвать, кажется въ моихъ глазахъ превосходящею всѣ богатства въ свѣтѣ.

Любовь оживотворяетъ мою душу, устроеваетъ всѣ мои дѣянія, умягчаетъ мои нравы, и усугубляетъ душевныя силы. Я обязанъ несравненной женщинѣ, очаровавшей мои чувства, множествомъ благородныхъ и новыхъ мыслей, кои она мнѣ вну-

207

шаетъ, и кои имѣютъ вліяніе, какъ на всѣ мои слова, такъ и на поступки. Естественное слѣдствіе сей благородной и великодушной страсти есть то, что она побуждаетъ насъ стараться походить на милый предметъ, которому мы удивляемся. Я надѣюсь, что обхожденіе съ столь любезною подругою часъ отъ часу будетъ учинять меня лучшимъ. Простри, несравненная дѣвица, прекрасные глаза твои къ небу, осыпавшему тебя толикими прелестями, и соедини моленіе твое съ моимъ, чтобъ оно благословило священныя узы, коими готовимся мы сопрящися. Я есмь

Твой вѣрнѣйшій другъ.

Вы бы безъ сомнѣнія удивилися Г. м. увидя руку посылающую къ вамъ сіи письма, и не безъ труда бы могли понять, что есть въ свѣтѣ человѣкъ, которой говоритъ о сей рукѣ, какъ о такомъ дарѣ не-

бесъ, которой ему еще и по сіе время любезенъ, хотя онъ уже сорокъ лѣтъ имъ владѣетъ.

Отъ 20 Іюля
1793 года.

Любезная моя!

„Прости меня, что я вчера къ тебѣ не писалъ, не приписывай сего недостатку любви моей къ тебѣ, по содержанію послѣдняго моего къ тебѣ письма, которое столь затруднительно запутано, что я отлагалъ изъясненіе онаго до возвращенія моего къ тебѣ. Ибо знай, моя милый и вѣрный другъ, что ни старость, ни премѣна счастія, ни всѣ несчастія, коимъ жизнь человѣческая подвержена, никогда не будутъ въ состояніи уменьшить мое къ тебѣ почтеніе, ниже заставить меня забыть тѣ прелести, коими ты была украшена въ ту минуту, когда вручила мнѣ свою руку и сердце. Я есмь

Твой вѣрнѣйшій супругъ.„

208

ПИСЬМО КЪ ЗРИТЕЛЮ.

Г. м.

Не давно была я вмѣстѣ въ бесѣдѣ съ нѣкоторымъ Офицеромъ, которой долго разсказывалъ о побѣдѣ, учиненной имъ надъ одною въ сосѣдствѣ съ нимъ живущею госпожею. Нѣкто изъ гостей спросилъ у него, на какой причинѣ основываетъ онъ свою побѣду, и по чему заключаетъ, что та госпожа въ него влюблена. Моя комната противъ ее дома, отвѣчалъ онъ, она все сидитъ подъ окошкомъ, тутъ работаетъ, читаетъ, нюхаетъ табакъ, или садится какъ нибудь привлекательнымъ образомъ, чтобъ меня прельстить. Сіе признаніе тщеславнаго сего Офицера, заставило меня помыслить о нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ дѣяніяхъ: ибо да будетъ вамъ извѣстно, Г. м. что я часто сижу подъ окошкомъ противъ дому, гдѣ живутъ многіе молодые мущины, кото-

рые безъ сомнѣнія столь же выгодное мнѣніе обо мнѣ имѣютъ. Я признаюсь, что люблю на всѣхъ на нихъ смотрѣть: на одного за то, что онъ щегольски одѣвается, на другаго, что у него прекрасные глаза, а на третьяго, особливо за то, что онъ очень малъ ростомъ, но столь строенъ и ловокъ, что я примѣчаю, что онъ любимъ всѣми моими знакомыми. Я могла бы вамъ нащитать еще множество другихъ, которыхъ я такимъ же образомъ приманила къ моему окошку. И такъ, покорнѣйше васъ прошу, сказать мнѣ положительно, какое употребленіе пригожая женщина должна дѣлать изъ своего окошка, и сколько разъ она можетъ въ него посмотрѣть на одного мущину, не заставя о себѣ думать, что она готова броситься въ его объятія.

Ваша покорнѣйшая услужница

Аделія Вертолрахова.

209

Г. ЗРИТЕЛЬ

Нѣсколько времени тому назадъ, влюбился я въ одну госпожу, которая взаимно отвѣчала мнѣ на мою любовь; но съ нѣкоторыхъ дней убѣгаетъ она отъ меня какъ отъ чумы, безъ всякой, съ моей стороны причины. Въ прошедшее Воскресенье она въ половину обѣдни вышла изъ церкви, какъ скоро увидѣла, что я вошелъ въ оную. Покорно прошу, Г. м. научить меня, что мнѣ въ такомъ случаѣ дѣлать?

Вашъ покорнѣйшій слуга

Отвѣтъ: Негоняйтесь за нею десять дней.

Г. М.

Я люблю смертельно танцы, хотя и не такой въ нихъ искусникъ, какъ другіе; странными моими прыжками, вертеньемъ и нѣкоторыми свойственными мнѣ одному

кривляніями; я забавляю бѣседу, а особливо женщинъ, которыя помираютъ со смѣху, когда меня увидятъ. Тѣ, кои называются моими пріятелями, увѣряютъ меня, что они надо мною смѣются, и совѣтуютъ мнѣ, чтобъ я не дѣлалъ болѣе изъ себя посмѣшища; я не знаю, что мнѣ дѣлать, и вознамѣрился послѣдовать вашему совѣту. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій слуга
Иванъ Вертуновъ.

Естьли господинъ Вертуновъ наблюдаетъ такту, то онъ имѣетъ право танцовать, не смотря на насмѣшниковъ; но естьли онъ не имѣетъ уха, то не долженъ мѣшать другимъ въ ихъ танцахъ, и въ такомъ случаѣ, мой совѣтъ есть тотъ, чтобъ онъ изволилъ спокойно сидѣть на мѣстѣ.

Зритель.

210

Г. ЗРИТЕЛЬ!

Я, за грѣхи мои конечно, связанъ брачными узами съ одною изъ тѣхъ Филлидъ, коихъ стихотворецъ намъ описываетъ подъ именемъ неугодимыхъ. У жены моей прекрасные волосы, а кожа такъ гладка, какъ атласъ: но Г. м. она по полусуткамъ провождаетъ предъ зеркаломъ, и разорила меня на лѣнтахъ. Что касается до меня, то поелику я ничто иное, какъ простой художникъ; то и боюсь сдѣлаться банкрутомъ отъ лѣности и чрезмѣрной расточительности моей любезной сожительницы. Покорнѣйше прошу, Государь мой, увѣдомить меня, не обязана ли она смотрѣть за домомъ своимъ, и не имѣю ли я права, естьли она отъ того откажется, размягчить ей кожу посвойски.

Остаюсь вашъ другъ

Варнава Костоломовъ.

Г. ЗРИТЕЛЬ!

ВЪ разсужденіи вашемъ о воздержаніи (*), вы предписываете правило питья, а имянно, чтобъ первую рюмку выпить для себя, вторую для друзей, третью для веселья, а четвертую для непріятелей своихъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что я читалъ сію бумагу въ нѣкоторой бесѣдѣ, коея имѣю я честь быть не послѣднимъ членомъ, нашъ предсѣдатель, или старшина, увѣрялъ насъ, что въ семъ мѣстѣ вашего изданія находится великая опечатка, и что вмѣсто слова *рюмка*, надлежитъ читать слово *бутылка*. Того ради, онъ и препоручилъ мнѣ извѣстить васъ о сей Типографической ошибкѣ, и просить васъ, чтобъ вы сдѣлали милость, сіе мое письмо благоволили помѣстить въ вашихъ сочиненіяхъ. Я есмь

Вашъ покорнѣйшій слуга

Робертъ Буль-буль-булинъ.

(*) Смотри 142 страницу IV части сего изданія.

211

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Генрихъ IV, проименованный Великимъ, Король Французскій и Наварскій, преемникъ Генриха III, своего шурина въ 1589 году.

I. Сей Государь будучи еще только КоролемЪ НаварскимЪ, видя, что ГенрихЪ III весьма тревожился отЪ буллы или грамматы, которою Папа хотѣлЪ исключить его изЪ сыновЪ церкви, и готовился согласиться на всѣ требованія Папы, сказалЪ ему съ тѣмЪ военнымЪ духомЪ, которой столько ему приличество-

212

валъ: не покорностію, а войсками и добрыми пушками надлежитъ вамъ снискивать благосклонность Рима: будьте лишь только побѣдителемъ, то вамъ легко получить прощеніе и разрѣшеніе; но естьли васъ побьютъ, то вы непремѣнно будете отчуждены отъ церкви навсегда.

2. Предъ начатіемъ сраженія Иврійскаго, сей Государь обратясь къ войскамъ своимъ, сказалъ имъ, что онъ готовится ударить въ непріятеля, и показывая имъ бѣлыя перья, коими шлемъ его былъ убранъ, сказалъ имъ съ видомъ неустрашимости, которой, казалось, обѣщавалъ побѣду: дѣти, естьли знамянъ у васъ не достанетъ, то ступайте смѣло туда, гдѣ вы увидите сіи бѣлыя перья. Сіе да будетъ вамъ мѣстомъ соединенія, вы всегда его найдете на пути чести и побѣды.

3. По окончаніи сраженія, сказалъ онъ шутя о великомъ числѣ Гишпанцовъ, кои остались на полѣ

мертвыми: что бы заговорщики обо мнѣ ни говорили, но я очень вѣдаю, что я Король: ибо сколько я севодни излѣчилъ Гишпанцовъ отъ зобовъ.(*)

4. Готовясь сразиться съ Принцомъ Пармскимъ и съ Герцогомъ Майнскимъ, кои соединенными силами дѣйствовали противъ его, написалъ онъ къ своей любовницѣ: естьли я буду побѣжденъ, то ты меня никогда не увидишь; ибо я не такой человѣкъ, чтобъ могъ бѣжать или отступать; но могу тебя увѣрить, что умирая, предпослѣдняя мысль моя будетъ о тебѣ, а послѣдняя о Богѣ.

5. Майеннъ, начальникъ заговора, не имѣлъ довольной расторопности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ едва было не захватилъ Генриха въ Рош-Гвіонѣ; но потерялъ

(*) Французы изстари приписывали своимъ Государямъ способность излѣчать зобы, единымъ прикосновеніемъ рукъ ихъ.

213

сей случай отъ медленности своей. Король избавясь отъ сей опасности, сказалъ смѣючись: родственникъ мой Майеннъ хотя и великой полководецъ; но я ранѣе его вспаю.

6. Когда сей Государь вошелъ въ Парижъ, посредствомъ Бриссака, тогдашняго Губернатора сего города; то Принцесса Монтпансіе пріѣхала къ нему на поклонъ, и показывала ему свое сожалѣніе, что брата ея Майенна не было въ то время въ Парижѣ, и что онъ бы имѣлъ честь отворить ему городскіе ворота. Король, желая дать знать обинякомъ, что Майеннъ былъ великой охотникъ спать, отвѣчалъ ей въ шуткахъ: онъ, сударыня, заставилъ бы насъ долго ждать, по тому, что поздно бы всталъ.

7. Францискъ де Па, сражаясь какъ Герой на Иврійской баталіи, въ глазахъ Короля былъ убитъ; сей Государь, огорченный весьма смертію такого человѣка, коего фамилія всег-

да отличалася, какъ приверженностію своею къ Королю, такъ и храбростію, вскричалъ: какъ мнѣ его жаль! тьфу пропасть, да не осталось ли еще кого либо изъ нихъ? Ему отвѣчали, что жена его беременна. Ну, такъ я даю брюху то же жалованье, которое получалъ покойникъ, сказалъ Генрихъ.

8. Во время осады Парижа, когда городъ сей доведенъ былъ до послѣдней крайности; то Кардиналъ Гонди и Архіепископъ Ліонскій посланы были отъ города къ нему депутатами, для переговоровъ о мирѣ. Сей Государь сказалъ имъ слѣдующее: я не люблю притворяться, и говорю всегда безъ обиняковъ то, что у меня на сердцѣ. Я бы солгалъ вамъ сказавъ, что не хочу всеобщаго мира; я его желаю очень, дабы разширить границы сего Государства. За сраженіе я отдалъ бы себѣ отрѣзать любой палецъ, а за миръ два. Я люблю мой доброй городъ

214

Парижъ: ето мой большой сынъ, я къ нему привязанъ, и хочу болѣе милости и добра ему сдѣлать, не жели онъ проситъ: но хочу при томъ и заплаты за мое снисхожденіе.... Вы просите, чтобъ отложить договоры и сдачу Парижа до заключенія всеобщаго мира, которой не прежде можетъ послѣдовать какъ по многократнымъ разъѣздамъ во всѣ стороны; сіе причинитъ великой вредъ Парижу, которой не можетъ такъ долго ждать. Уже въ немъ столько людей умерло съ голоду, что естьли еще ждать недѣлю, то помретъ еще множество жителей, и ето весьма достойно жалости. Я есмь отецъ моего народа; я подобенъ сей истинной матери на судѣ Пророка Соломона; и лучше желаю отрещись отъ Парижа, нежели владѣть имъ разоренымъ и опустошеннымъ смертію поликаго числа жителей.... Вы, Господинъ Кардиналъ, должны такъ же имѣть

о нихъ сожалѣніе, они ваши овцы.... Я не глубокій Богословъ; но только знаю, чтобъ сказать вамъ, что Богу не угоденъ будетъ такой вашъ поступокъ со ввѣреннымъ отъ Его вамъ стадомъ.... И какимъ образомъ можете вы надѣяться преклонить меня къ вашему закону, когда столь мало уважаете спасеніе и жизнь вашего стада. Вы симъ весьма плохо доказываете мнѣ вашу святость.

9. Сюлли утверждалъ въ совѣтѣ, что необходимо нужно избрать одного только начальника противъ Кальвинистовъ, кои хотѣли преобразить Францію въ Республику. Генрихъ IV, взявъ его къ сторонѣ, сказалъ ему: Г. Баронъ Рони, не въ томъ дѣло, чтобъ хорошо говорить, но надобно еще и хорошо дѣйствовать; не намѣрены ли вы умереть со мною вмѣстѣ; не время теперь экономничать, надлежитъ, чтобъ всѣ честные и храбрые люди употребили половину своего имѣнія, дабы

спасти другую. Я увѣренъ, что вы первой мнѣ поможете.... Нѣтъ, нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Сюлли, я не хочу, чтобъ мы оба умерли вмѣстѣ, но чтобъ распроломали головы всѣмъ нашимъ врагамъ; у меня еще осталось на сто тысячь франковъ продажнаго лѣсу, которой.... Ну, хорошо естьли такъ, другъ мой, возразилъ Король, ступай же теперь домой, поспѣшай все сдѣлать, и поскорѣе возвратись ко мнѣ, привези съ собою сколько можно болѣе друзей и не забудь своего лѣса.

10. Въ началѣ царствованія его, нашелъ онъ Государственную казну въ столь бѣдномъ состояніи, что находился въ нѣкоторомъ родѣ бѣдности, по причинѣ худаго правленія своихъ Министровъ. Онъ о томъ самъ писалъ къ Сюллію, и письмо его собственною рукою начертанное есть драгоцѣнный памятникъ:

„Другъ мой! ты знаешь, равно „какъ и прочіе вѣрные мои друзья,

„какимъ опасностямъ я былъ под-
„верженъ, чрезъ какіе труды и без-
„покойства проходилъ я, дабы спас-
„ти мою жизнь и достоинство;
„однако же, всѣ сіи печали не столь-
„ко меня огорчали, какъ теперешн-
„нія мои несогласія и противорѣчія
„съ моими Чиноначальниками, когда
„я хочу предпринять что либо дос-
„тойное великаго духа. Меня увѣ-
„ряли, что истощеніе казны моей
„произошло отъ того, что управле-
„ніемъ оной начальствовалъ одинъ
„только человѣкъ; но когда я опре-
„дѣлилъ восемь Начальниковъ, то
„они еще въ хуждшее состояніе
„привели оную. Сіи Господа, и не-
„обузданное количество прикащиковъ
„и управителей, по кумовству и
„сватовству втерлися съ ними же,
„пили и ѣли вмѣстѣ, и болѣе полу-
„тора миліона ефимковъ расточи-
„ли.... Я хочу тебѣ необинуяся
„открыть, въ какомъ я теперь на-
„хожусь состояніи.... Рубашки мои

216

„всѣ въ лоскутьяхъ, кафтаны на „локтяхъ продралися, костюли мои „часто бываютъ опрокинуты, по „той причинѣ, что не чево въ нихъ „варить, и я уже нѣсколько дней „обѣдаю и ужинаю то у того, то „у другаго: ибо мои закупщики го„ворятъ, что не начто покупать „мнѣ столовыхъ припасовъ; однако „же разсуди по справедливости, за„служиваю ли я терпѣть долѣе, „чтобъ Казначеи и Откупщики мо„рили меня голодомъ, а сами бы „держали великолѣпной и наполнен„ной лакомствами столъ; чтобъ „въ домѣ моемъ вездѣ и во всемъ „былъ недостатокъ, и крайняя бѣд„ность, а у нихъ чтобъ вездѣ было „богатство и изобиліе?„

II. Петръ де Л' етоаль въ журналѣ своемъ, царствованія Генриха IV, говоритъ, что самъ видѣлъ сего Государя играющаго мячемъ въ разодранной рубашкѣ, и что у него столь мало было денегъ, что выиг-

равъ однажды въ мячь сто ефимковъ, положилъ онъ ихъ въ шляпу, и сказалъ въ слухъ: сихъ денегъ у меня уже не украдутъ; ибо онѣ не попадутся въ руки моимъ Казначеямъ.

12. Баронъ де Рони или Герцогъ Сюлли, будучи весь израненъ на Иврійскомъ сраженіи, велѣлъ отвезти себя въ замокъ свой Рони. Генрихъ, находящійся поблизости на охотѣ, увидѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ, прискакалъ къ нему, и будучи наполненъ радостію, что увидѣлъ друга, коего щиталъ онъ уже совершенно погибшимъ; я очень радъ, сказалъ онъ ему, что вижу тебя въ лучшемъ состояніи, нежели ожидалъ найти, и еще болѣе обрадуюсь, естьли ты увѣришь меня, что жизнь твоя внѣ опасности, и что ты не изуродованъ. Рони благодарилъ Короля за его милости, и сказалъ ему: что онъ почитаетъ себя щастливымъ, претерпѣвая за столь добраго

217.

Государя. На что Король ему отвѣчалъ: храбрый воинъ и неустрашимый рыцарь, я всегда имѣлъ высокое мнѣніе о твоемъ мужествѣ, и твердо надѣялся на твои добрыя свойства; но неустрашимые твои подвиги, и скромностію наполненной отвѣтъ, превзошли мое ожиданіе.... За все сіе, въ присудствіи сихъ Принцовъ, Полководцовъ и храбрыхъ воиновъ, кои здѣсь находятся, хочу я облобызать тебя дружески.... Прости мой другъ, будь здоровъ и увѣренъ, что ты имѣешь въ своемъ Государѣ лучшаго друга.

13. Молодой Принцъ де Жуанвиль имѣлъ нѣкоторыя тайныя согласія съ Гишпанцами противъ Генриха, которой о семъ извѣстился. Сей доброй Государь извинилъ молодость преступника, велѣлъ позвать къ себѣ Герцога и Герцогиню де Гизъ, и объявилъ имъ преступленіе ихъ сына. Вотъ, сказалъ онъ имъ, настоящій блудной сынъ, какими вы-

сокопарными дурачествами набилъ онъ себѣ голову! Но поелику сіе не что иное, какъ ребячество, то я его прощаю, съ тѣмъ однако же, чтобъ вы оба хорошенько его за ето пожурили.

14. Герцогъ Сюлли поссорился однажды съ Габріеллою д' Етре, любовницею Генриха IV, которая въ то время была уже Герцогинею Бофороскою, за то, что онъ изъ нѣкоторой бумаги вычернилъ титулъ Принца крови, которой приписыванъ былъ ея послѣднему сыну. Генрихъ совѣтовалъ ему къ ней съѣздить. Сюлли повиновался; но Герцогиня приняла его очень дурно, и наговорила ему множество колкостей. Сюлли доложилъ Королю о хорошемъ успѣхѣ своего посѣщенія. Сей Государь, разгнѣванный на свою любовницу, сѣлъ въ Сюлліеву карету, не дождавщися своей, и сказалъ ему: ты увидишь, что я изъ снисхожденія къ женщинамъ не обижаю

218

друзей моихъ, кои единственно пѣкутся о моей славѣ. Онъ вошелъ къ Герцогинѣ, не поцѣловавшись съ нею и не оказалъ ей ни малѣйшей ласки, заперся съ нею и съ Сюлліемъ въ кабинетѣ, и осыпалъ ее жесточайшими выговорами. Госпожа де Бофортъ начала плакать и жаловаться на слабость свою къ такому Государю, которой промѣнялъ ее на своихъ служителей; потомъ бросилась на постелю, и говорила, что она не хочетъ болѣе жить на свѣтѣ послѣ такой обиды. Сердце Короля поколебалося; но однако же онъ укрѣпился, и сказалъ ей, что за такую бездѣлицу не должно прибѣгать къ такимъ хитростямъ. Сей выговоръ кольнулъ ее весьма больно, она усугубила свой плачь, и говорила, что почитаетъ себя брошенною. Король все продолжалъ ей выговаривать, не забывъ употребленнаго ею слова служителя: я тебѣ объявляю, говорилъ онъ, что естьли бы я былъ принужденъ выбирать одно изъ двухъ, то скорѣе

бы я промѣнялъ десять такихъ любовницъ, какова ты, на одного такого служителя, каковъ онъ. Послѣ сего онъ пошелъ отъ нея съ гнѣвомъ; но Герцогиня опасаясь, чтобъ онъ не ушелъ отъ нея навсегда, побѣжала его остановить, и бросилась къ нему въ ноги. Она скоро испросила себѣ прощеніе. Сію комедію предали забвенію, и разстались всѣ трое какъ добрые друзья.

15. Въ то время, какъ непріятели Сюлліевы старалися всѣми силами привести его въ немилость Королю, и очернять въ его мысляхъ; то Генрихъ, дабы утѣшить и ободрить своего вѣрнаго Министра, сказалъ ему, что онъ намѣренъ проводить нѣсколько дней со всемъ своимъ Дворомъ въ его маетности. Рони не былъ съ природы любитель великолѣпія; но не щадилъ, однако же, ничего, когда должно было блеснуть. И такъ началъ онъ дѣлать великія приготовленія, и наготовилъ

219

всего, что могъ найти лучшаго и рѣдчайшаго. Но старанія его дурный возъимѣли успѣхъ; пошелъ чрезмѣрной дождь, вода натекла въ его погрѣба, въ домъ, и потопила все въ нихъ находящееся, такимъ образомъ, что издержавъ много денегъ, не могъ онъ предложить ничего, кромѣ обыкновеннаго. Король, видя что онъ огорчился симъ приключеніемъ, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: трудно тебѣ устоять Рони, когда небо и земля на тебя возстали; но въ Государѣ твоемъ имѣешь ты надежную подпору.

16. Сей Государь, отрекшись отъ Протестанскаго закона, написалъ къ Габріеллѣ д'Етре, что наконецъ онъ сдѣлалъ опасной прыжокъ; и прибавилъ къ тому: въ церквѣ сыграли со мною смѣшную шутку: одна 80 лѣтъ старуха взявъ меня за уши поцѣловала, ты повѣришь, что не я перьвой тому засмѣялся; завтра ты очистишь уста мои.

17. Нѣкто поднесъ сему Государю Анаграмму (*) его имени, въ надеждѣ получить какую нибудь награду; Король спросилъ у него: въ какомъ онъ ремеслѣ упражняется? Государь, сказалъ онъ ему, я дѣлаю Анаграммы; однакожъ я очень бѣденъ. Не мудрено, что ты бѣденъ, по тому, что ты упражняешся въ самомъ бѣдномъ ремеслѣ

18. Будучи утомленъ продолжительною дорогою, и проѣзжая чрезъ Аміень, былъ онъ встреченъ привѣтственною рѣчью. Ораторъ началъ ея сими словами: премилосердый, превеликодушный преблажайшій; прибавь еще, сказалъ Король, и преустававшій.

19. Другой Ораторъ, въ то самое время, какъ Король проголодавшись, готовился сесть за столъ, началъ свою рѣчь такъ: *Агезилай Царь Лакедемонскій* .... Я что-то слы-

(*) Букворазношеніе.

220

халъ, перервалъ Король, о семъ Агезилаѣ; но онъ обѣдалъ, а я еще голоденъ.

20. Одинъ обжора, поядающій противъ шестерыхъ, пришелъ къ Генриху, надѣясь, что сей Государь пожалуетъ ему что нибудь на содержаніе столь великаго дарованія. Король, слышавшій еще прежде о семъ знаменитомъ прожорѣ, спросилъ у него: правда ли, что объ немъ разсказываютъ, что онъ можетъ съѣсть противъ шестерыхъ? Правда, Государь, отвѣчалъ онъ. Такъ по етому ты за шестерыхъ и работаешъ, сказалъ Король? Я работаю столько же, какъ и другой моихъ лѣтъ и моей силы человѣкъ, отвѣчалъ обжора. Провалъ тебя возьми, вскричалъ Король, естьли бы у меня въ Государствѣ нашлось шестеро тебѣ подобныхъ, то бы я велѣлъ ихъ повѣсить; ибо такіе бездѣльники скоро бы причинили всеобщій голодъ.

21. Ла ФорсЪ и д' Обинье ночевали однажды вмѣстѣ близъ постели Генриховой. Д' Обинье думалъ, что Король спитъ, и началъ на него жаловаться, обвиняя его въ неблагодарности, и повторяя многократно ла Форсу, которой дрѣмалъ, нашъ Государь есть скверньйшій и неблагодарньйшій человѣкъ въ свѣтѣ. На что другой, преодолеваемый сномъ, произносилъ сіи только слова: что ты говоришь д' Обинье? Король, которой отнюдь не спалъ, и слышалъ сей разговоръ, закричалъ громко: ла ФорсЪ, чтожъ ты не слушаешь, д' Обинье уже сто разъ тебѣ повторялъ, что я неблагодарньйшій и скверньйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Послѣ сего онъ никогда не упоминалъ о семъ ни тому ни другому.

22. Онъ любилъ и уважалъ отмѣнно Крильона, прозваннаго храбрымъ, и написалъ къ нему слѣдующее, по одержаніи знаменитой Аркской побѣды: удивись, храбрый Крильо-

221

онъ, мы побѣдили подъ Аркомъ, а тебя съ нами не было.... Прости, храбрый Крильонъ, я люблю тебя всей душею.

23. Генрихъ проѣзжалъ чрезъ небольшой городокъ; на встречу къ нему вышли многіе депутаты, для привѣтствія: одинъ изъ нихъ началъ рѣчь; но вдругъ, по близости отъ того мѣста, закричалъ оселъ, и заглушалъ его своимъ голосомъ. Господа, сказалъ Король, говорите по очереди, а то я не могу васъ разумѣть.

24. Утомясь однажды отъ полѣвой охоты сей Государь, вошелъ въ одинъ постоялой домъ безъ всякой свиты, и селъ за столъ съ нѣкоторыми купцами. Послѣ обѣда, начали рѣчь о его обращеніи въ Католицкой законъ; ни кто изъ присудствующихъ его не узналъ: ибо онъ былъ весьма просто одѣтъ. Одинъ купецъ, торгующій свиньями, разсудилъ заблаго сказать: перес-

таньте объ етомъ говорить, какъ винную бочку ни полощи, она все таки виномъ пахнетъ: Мало времени спустя послѣ того, Король подошедъ къ окну, увидѣлъ идущихъ къ постоялому двору нѣкоторыхъ Придворныхъ Господъ, кои его искали, и кои увидя его, тотъ часъ вошли въ покои. Купецъ слыша, что они называли его, Государь и Ваше Величество, весьма удивился, и жалѣлъ очень, что выговорилъ неосторожныя слова. Король выходя изъ постоялаго двора, потрепалъ его по плечу, и сказалъ ему: другъ мой, правда, что винная бочка всегда будетъ пахнуть виномъ; но ето сравненіе идетъ не ко мнѣ, а къ тебѣ; я по благости Божіей есмь добрый Католикъ, а въ тебѣ еще осталося нѣсколько старыхъ дрождей заговора.

25. Мудрый Король, говорилъ онъ, подобенъ искусному Аптекарю, которой изъ опаснѣйшихъ ядовъ составляетъ превосходныя лѣкарства,

222

и изъ вредныхъ змѣй дѣлаетъ спасительный ѳеріакъ. Осталось множество его писемъ къ Губернаторамъ, къ Государственному Казначею и къ Парламентамъ, въ коихъ онъ часто употреблялъ сіи выраженія: имѣйте попѣченіе о моемъ народѣ, они мои дѣти, Богъ мнѣ ввѣрилъ ихъ благоденствіе, я долженъ дать ему въ томъ отчетъ, и прочее тому подобное.

26. Сей Государь осыпалъ безпрестанно ласками одного знаменитаго купца, которой велъ знатную торговлю. Сему купцу вздумалося купить дворянство. Послѣ чего Король не сталъ даже на него смотрѣть. Онъ осмѣлился спросить у Монарха тому причину: ето отъ того, отвѣчалъ Генрихъ, что я тебя прежде почиталъ за перьваго купца моего Государства, а теперь почитаю за послѣднѣйшаго дворянина.

27. Одинъ славный Врачь оставя Кальвинскую вѣру, принялъ

Католическую; Король, услыша о семъ, сказалъ Сюллію: другъ мой Сюлли, законъ твой, видно, очень худъ, ибо уже и Лѣкари отъ него отказываются.

28. Одинъ Гишпанской Посолъ оказывалъ ему нѣкогда свое удивленіе, что онъ окруженъ множествомъ дворянъ, кои даже его немного и теснили. Король сказалъ ему: о! ежели бы вы меня въ сраженіи увидѣли! они тогда еще болѣе меня тесняТъ.

29. Нѣкоторой Придворной просилъ сего Государя простить племянника его, учинившаго смертоубійство. Я жалѣю, сказалъ ему Король, что не могу исполнить твоей прозьбы; ты дядя, а я Король; я извиняю твою прозьбу, а ты извини мой отказъ.

30. Филиппъ II, Король Гишпанской, написалъ письмо къ Генриху, и надавалъ самъ себѣ столько титуловъ, что почти все пись-

223

мо ими было наполнено. Король подписалъ подъ своимъ отвѣтомъ такимъ образомъ: Генрихъ, мѣщанинъ Парижской.

31. Онъ говаривалъ обыкновенно тѣмъ, кои удивлялися милостямъ его къ подданнымъ, даже и къ самымъ тѣмъ, кои весьма дурно были къ нему расположены: знайте, что одною ложкою меду больше можно поймать мухъ, нежели двадцатью бочками уксусу.

32. Сей Государь встрѣтился однажды въ Луврѣ съ худо одѣтымъ и незнакомымъ ему человѣкомъ, которой не показывалъ въ себѣ ни чего отличнаго; Король спросилъ у него: кому ты принадлежишъ? сочтя его за слугу кого либо изъ Придворныхъ. Я принадлежу самъ себѣ, отвѣчалъ ему сей человѣкъ гордо и невѣжливо. Другъ мой, примолвилъ Генрихъ, ты имѣешь весьма глупаго господина.

33. Ла Вареннъ, человѣкъ вы-

шедшій изъ ничего въ люди, весьма гордился своимъ счастіемъ, которое пріобрѣлъ онъ разными подлостями и пронырствами. Король увидя съ сыномъ ла Варенновымъ одного порядочнаго пожилаго человѣка, спросилъ у отца: что ето за человѣкъ? Ето дворянинъ, отвѣчалъ ла Варенъ, котораго я приставилъ къ моему сыну. Ты ошибся, сказалъ ему Король, и вѣрно хотѣлъ сказать, что ето дворянинъ, къ которому ты приставилъ своего сына.

34 Одинъ Беарнской садовникъ пріѣхалъ въ Парижъ посмотрѣть Генриха IV, которой прежде весьма милостиво съ нимъ обходился. Садовникъ пришелъ въ Лувръ. Государь, окруженный всѣмъ своимъ Дворомъ, узналъ тотъ часъ сего садовника, которой прежде много разъ потчивалъ его плодами своего сада; но притворился, будто его не знаетъ и не примѣчаетъ улыбокъ и подмигиваній, которыя сей простакъ дѣлалъ,

229

чтобъ Король его узналъ. Наконецъ Генрихъ пошедъ въ свой кабинетъ, велѣлъ позвать своего добраго Беарнца, обнялъ его, и спрашивалъ: радъ ли онъ, что видитъ его спокойнымъ обладателемъ его Государства? Какъ же не быть раду, отвѣчалъ садовникъ, я и очень радъ; но только то одно мнѣ не понутру, что ты, кажется мнѣ, заспѣсивелъ не много.

5. Гишпанской Посолъ спросилъ у него однажды, кого изъ своихъ Министровъ наиболѣе онъ уважаетъ за его благоразуміе, дабы онъ могъ съ онымъ трактовать о дѣлахъ. Сей Государь послалъ немедлѣнно за своимъ Канцлеромъ, за Г. де Виллероа, и за Президентомъ Жаненомъ; и сказалъ Посланнику, что онъ хочетъ подать ему случай узнать ихъ чрезъ самого себя. Пришелъ Канцлеръ. Король указавъ ему на нѣкоторыя трещины, находящіяся на потолкѣ его комнаты, сказалъ: Госпо-

динъ Канцлеръ, ето зданіе угрожаетъ паденіемъ, въ немъ не льзя жить въ безопасности, мнѣ хочется перейти поскорѣе въ *Фонтенбло* или въ *Сен-Жермень*? Государь, отвѣчалъ Канцлеръ: не льзя лучше етого вздумать, ибо етотъ дворецъ скоро развалится, и Вашему Величеству опасно долѣе въ немъ остаться. Г. де Виллероа пришелъ послѣ, и Король сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ. Государь, сказалъ онъ: надобно хорошенько посмотрѣть прежде, позвать Архитекторовъ, и поступить по ихъ совѣтамъ. Наконецъ пришелъ Президентъ Жаненъ; онъ посмотрѣвъ на трещины сказалъ: я тутъ ничего не вижу, Государь, чтобъ могло васъ тревожить; ето зданіе очень еще крѣпко, и проживетъ долѣе Вашего Величества. Когда сіи три Министра ушли; то Король сказалъ Посланнику: вы знаете теперь моихъ Министровъ; Канцлеръ мнѣ говорилъ все, что я хочу; Г.

225

де Виллероа мнѣ ничего не говоритъ; а Президентъ Жаненъ говоритъ мнѣ то, что думаетъ, и думаетъ всегда справедливо.

36. Одинъ крестьянинъ, такъ же изъ Беарна, подобный вышеписанному садовнику, у котораго Генрихъ IV часто ѣдалъ нѣкоторой сыръ, до коего онъ былъ великой охотникъ, услышалъ въ своей норѣ, что сей Государь учинился наконецъ спокойнымъ обладателемъ своихъ областей. Онъ немедленно положивъ въ корзину двѣ дюжины лучшихъ своихъ сыровъ, отправился въ путь пѣшкомъ, и по трехъ-недѣльномъ шествіи пришелъ въ Парижъ, и прибѣжавъ немедленно въ Лувръ, говорилъ часовому: я хочу видѣть нашего Генриха, жена моя прислала ему въ гостинецъ коровьихъ сыровъ. Салдатъ, удивленный одеждою, рѣчами и вольными поступками сего человѣка, счелъ его за сумасшедшаго, отполкнулъ его и

даже ударилъ нѣсколько разъ съ легка прикладомъ, по тому, что мужикъ приставалъ и непремѣнно хотѣлъ войти. Мужикъ, въ великой горѣсти, прижался въ уголъ, будучи въ томъ мнѣніи, что съ нимъ за то такъ худо поступлено, что онъ сказалъ коровьи сыры. Между тѣмъ Генрихъ увидѣлъ его въ окно, и любопытствуя узнать, что ето за человѣкъ, приказалъ привести его къ себѣ. Крестьянинъ бросился къ нему въ ноги, плакалъ отъ радости, и наконецъ едва могъ выговорить сіи слова: здравствуй Генрихъ, кормилецъ нашъ; жена моя прислала къ тебѣ въ гостинецъ бычачьихъ сыровъ. Король, приведенный почти въ стыдъ, что землякъ его такъ грубо проговорился предъ всѣмъ его Дворомъ, сказалъ ему потихоньку: скажи коровьи сыры, а не бычьи. Мужикъ отвѣчалъ ему: Боже тебя упаси, Генрихъ, говорить коровьи сыры, меня за то, что я сказалъ такъ

226

у твоихъ воротъ, одинъ какой-то длинной варваръ, въ синемъ кафтанѣ, чуть было не застрѣлилъ изъ своей фузеи, побѣрегись, чтобъ и съ тобой того же не сдѣлали. Генрихъ весьма смѣялся простотѣ сего крестьянина, принялъ милостиво его сыры, осыпалъ дружескими ласками, и обогатилъ, какъ его, такъ и всѣхъ его родственниковъ.

37. Какъ нѣкогда говорили ему объ одномъ Офицерѣ, которой былъ прежде въ заговорѣ противъ его, и почитался отмѣнно храбрымъ человѣкомъ, и прибавили къ тому, что хотя Его Величество и простилъ его, но не взирая на то, сей Офицеръ его не любилъ. Я хочу, сказалъ Генрихъ, сдѣлать ему столько добра, что принужу его любить меня насильно.

Продолженіе впредь.

ОКОНЧАНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ВЫВОЗѢ АРАПОВЪ.

Со всѣхъ сторонъ разливается свѣтъ на неудобства, сопряженныя съ вывозомъ Араповъ; и безъ сомнѣнія вскорѣ пятно сіе изгладится изъ похвальнаго свойства Аглинскаго народа. Естьли же я присоединяю слабый мой гласъ къ тѣмъ, кои уже о семъ гремѣли; то сіе не столько въ надеждѣ прибавить что либо къ общепріятому уже мнѣнію, какъ чтобъ не пребыть въ преступномъ молчаніи. Я хочу и долженъ подвергнуться стыду всенародной исповѣди; но сколь бы мое признаніе не было чистосердечно, увы! оно уже надмѣру поздо, чтобъ могло исправить тѣ несчастія, коихъ я былъ орудіемъ, и сія единая мысль ввергаетъ меня въ мучительныя грызенія совѣсти, и объемлетъ меня ужасомъ. Такова моя участь; заблужденія моей молодости заставили меня

227

искать убѣжища въ Африкѣ; я былъ тамъ невольникомъ, не нося имени онаго, и жребій мой былъ бы гораздо сноснѣе, естьли бы я жилъ тамъ съ одними только Неграми; но я находился посреди Европейскихъ купцовъ, поселившихся по берегу между Сіера-леоною, и горою мыса; я былъ, говорю я, въ семъ адѣ, изъ коего не многіе путешественники возвратилися. Провидѣніе наконецъ исторгло меня изъ сего скопища несчастій и несправедливости, я учинилъ потомъ три путешествія за вывозомъ Араповъ, не чувствуя никакого зазрѣнія совѣсти отъ столь ненавистнаго рода жизни, которой я избралъ; я мнилъ, что довольно будетъ, естьли стану я поступать съ невольниками столь человѣколюбиво, сколько моя собственная безопасность могла мнѣ то дозволить. Девять лѣтъ опытности учиняютъ меня свидѣтелемъ, достойнымъ вниманія въ сей трогательной

ной тяжбѣ, и не взирая на 33 лѣтнѣе время, грызеніе совѣсти и состраданіе столь сильно начертали въ памяти моей сіи люотости, что я могу утвердить точность ихъ присягою.

Можно судить о вывозѣ невольниковъ по дѣйствію онаго надъ Агличанами и надъ Неграми; онъ вреденъ Агличанамъ, естьли то правда, что мы должны берѣчь и щадить нашихъ матросовъ, кои суть полезнѣйшіе граждане въ мореплавательномъ Государствѣ; тѣ изъ нихъ, кои остаются на открытомъ берегу, будучи не привычны къ климату, обыкновенно погибаютъ тамъ отъ воспалительной горячки; но естьли избѣгнутъ они отъ сей опасности, то никогда не спасаются отъ бѣдоносныхъ дѣйствій росы и дурной погоды. Правда, что купеческіе корабли стараются приплывать въ тѣ страны въ лучшее время въ году, и отплывать оттуда до начатія

228

бурь, кои безпрестанно продолжаются въ сей части свѣта отъ Маія мѣсяца до Октября; но естьли торговля не удачна, то должно необходимо ждать, пока будетъ чемъ нагрузить корабли, и тогда то наши матросы подвергаются всей суровости воздуха.

Корабли всегда запасаются множествомъ крѣпкихъ напитковъ, кои черные берутъ въ промѣнъ за своихъ невольниковъ; но матросы безъ зазрѣнія совѣсти откупориваютъ и выпиваютъ бутылки, и потомъ наполняютъ ихъ простою водою; и сей обманъ, подобно какъ и все прочіе, гораздо болѣе вреда причиняютъ обманщику, нежели обманутымъ.

Ревность часто производитъ кровопролитныя ссоры между бѣлыми и природными жителями; сія звѣрская страсть, свойственная всѣмъ народамъ, похищаетъ у насъ великое число людей, посредствомъ яда и смертоубійства; сверьхъ же того,

распутство причиняетъ великой уронъ въ тѣхъ странахъ.

Наконецъ невольники безпрестанно выдумываютъ способы къ освобожденію своему. Когда бунтъ обнаруживается, то начинается сраженіе, и мы остаемся побѣдителями не прежде, какъ потерявъ множество людей; естьли же Негры одержатъ побѣду, то весь екипажъ совершенно ими истребляется. Каждой годъ случается что либо сему подобное; часто, даже къ вящшему ужасу, корабль во время битвы загорается, и черные и бѣлые всѣ погибаютъ. Изъ восьми тысячь матросовъ, употребляемыхъ нами въ сей торговлѣ, тѣряемъ мы ежегодно пятую часть, то есть, почти тысячу шесть сотъ; и сія картина бѣдствій, сопряженныхъ съ вывозомъ Негровъ, еще ужаснѣйшею покажется, когда кто, подобно мнѣ, увѣрится, что сей родъ жизни истребляетъ навсегда изъ сердецъ упражняющихся

129

въ оной сѣмяна всѣхъ добродѣтелей. Я осмѣливаюсь однако же надѣяться, что есть нѣкоторыя исключенія изъ сего общаго правила; но клянусь при томъ, что ни одинъ способъ доставать деньги не можетъ быть столь вреденъ сердцу человѣческому, какъ сей; я думаю даже, что разбой на большихъ дорогахъ не столь стремится къ уничтоженію всѣхъ благотворительныхъ расположеній, къ истребленію нравственности, однимъ словомъ, къ ожесточенію, подобно желѣзу, сердецъ нашихъ, противу всѣхъ прикасаній нѣжной чувствительности.

Негрянки обыкновенно составляютъ третью долю груза. Такимъ образомъ сажаютъ въ тѣсное мѣсто полтараста или двести сильныхъ и храбрыхъ людей, изхищенныхъ изъ недръ ихъ семейства и отечества, увѣренныхъ, что они куплены напогибель свою, и пораженныхъ удивленіемъ и ужасомъ отъ сего новаго

для нихъ зрѣлища, видѣть себя на открытомъ морѣ и въ кораблях нашихъ. И хотятъ, чтобъ они безъ роптанія покорилися сему ужасному состоянію! Мы не столь ослѣплены нашею несправедливостію, дабы не имѣть никакой заботы о чувствіяхъ имъ оною внушаемыхъ; мы ожидаемъ ихъ сопротивленія, и поступаемъ заблаговременно какъ съ непріятелями нашими; сковываемъ ихъ попарно, такъ, что они не могутъ учинить ни малѣйшаго движенія безъ согласія обѣихъ и съ великими предосторожностями; такимъ-то образомъ они садятся, ходятъ, въ продолженіе девяти или десяти мѣсяцовъ.

На ночь ссылаютъ ихъ на дно корабля, и когда при наступленіи дня, приводятъ ихъ на верьхъ для переклички, то прибавляютъ еще новыя цѣпи къ тѣмъ, коими они уже и такъ обременены. Сіи предосторожности суть по несчастію необходимо нужны; по тому, что

230

иногда не остается на кораблѣ болѣе десяти бѣлыхъ, для присматриванія днемъ и ночью за двумя стами Негровъ, и для корабельныхъ работъ.

Успѣхъ сихъ предосторожностей долженъ казаться удивительнѣе, нежели недостатокъ ихъ; ибо и одинъ мигъ небреженія можетъ подать невольникамъ случай, коего они безпрестанно ищутъ; но малѣйшій бунтъ производитъ страшное кровопролитіе; ибо какъ скоро начнется какое либо движеніе между Неграми, то отчаяніе придаетъ имъ невѣроятное мужество, и прежде здачи проливаютъ они токи крови.

Часто невольникъ измѣняетъ своимъ товарищамъ прежде, нежели они произведутъ въ дѣйство заговоръ свой; тогда политика и необходимость заставляютъ насъ осыпать похвалами и награжденіями сего бездѣльника, осквернившагося ужаснѣйшимъ преступленіемъ, и на-

казывать жестоко его бѣдныхъ соотчичей; сіи наказанія зависятъ отъ воли Капитанской, нѣкоторыя изъ нихъ умѣряютъ оныя, но вообще дѣйствія мщенія, сопряженнаго съ безпредѣльною властію, бываютъ ужасны, сердца же ихъ уже давно ожесточали, и не внимаютъ нипрозьбамъ ни стѣнаніямъ.

Я видалъ сихъ несчастныхъ невольниковъ терзаемыхъ лютыми ударами кнутьевъ, коими все тѣло ихъ было, такъ сказать, изодрано, кои наконецъ отъ жестокаго страданія переставали кричать и лишалися даже нужной силы, для возбужденія сожалѣнія. Я видѣлъ ихъ подъ адскою машиною претерпѣвающихъ неизвѣстныя до того мученія, и продолжающихъ преступленія и злодѣйство своихъ мучителей томительною смертію, продолжающеюся по нѣскольку часовъ и даже по нѣскольку дней.

Я часто слыхалъ одного изъ

231

сихъ звѣросердныхъ Капитановъ превозносящагося изобрѣтеніемъ разныхъ ужасныхъ средствъ, кои употреблялъ онъ въ наказываніи бунтующихъ невольниковъ, дабы учинить смерть ихъ сколь можно жесточайшею. Я умалчиваю о подробностяхъ сихъ, изъ уваженія къ чувствительности моихъ читателей.

Въ то время, какъ я былъ еще въ Африкѣ, то Порутчикъ одного купеческаго корабля купилъ молодую Негрянку съ прекраснымъ рабенкомъ, которой еще сосалъ грудь; ночью сей младенецъ началъ плакать; и поелику мѣшалъ онъ спать Поручику, то сей вскочилъ съ бѣшенствомъ, и угрозами своими привелъ сію бѣдную невольницу въ неописанной ужасъ; она обѣщалася, дрожжа отъ страха, унять своего рабенка; но всѣ ея старанія были тщетны. Лютый ея Господинъ проснувшись отъ того въ другой разъ, схватилъ несчастнаго младенца и бро-

силъ его въ море: симъ избавился онъ отъ его крика; но вопль злополучной и отчаянной матери соединяся съ ужаснымъ гласомъ совѣсти, лишилъ сего Европейца, въ продолженіе всего сего путешествія, и можетъ быть и навсегда, того покоя, которой онъ желалъ снискать. Я здѣсь останавливаюсь: не должно истощать всего сострадания на одного младенца, между тѣмъ, какъ часто сотнями низвергали въ море бѣдныхъ Негровъ, въ случаѣ недостатка пресной воды.

Женщины невольницы, кои ни мало не опасны, суть столь же достойны сожалѣнія на нашихъ корабляхъ, какъ во взятомъ приступомъ городѣ, преданномъ лютости салдатъ; однако же не смотря на то, сіи нещастныя соблюдаютъ всю стыдливость, свойственную ихъ полу. Я видѣлъ Щербоскихъ женщинъ, оказывающихъ такую скромность и нѣжность, которыя бы и Агличанкамъ могли сдѣлать честь;

232

добродѣтель извѣстна въ сихъ странахъ, кои мы называемъ дикими. Я часто ночевывалъ одинъ въ ихъ сельбищахъ со всеми моими товарами, не имѣя иной двери, кромѣ простой занавѣски; малѣйшая забота и недовѣрчивость показалась бы мнѣ тогда несправедливостію и обидою симъ добродѣтельнымъ несчастливцамъ, между тѣмъ, какъ ни одинъ благоразумной человѣкъ не можетъ быть въ сей оплошной довѣренности по среди нашихъ просвѣщенныхъ городовъ.

Пріобыкши поступать съ нашими невольниками съ толикимъ же презрѣніемъ, какъ и люотостію, не должно удивляться несправедливымъ нашимъ поступкамъ въ торговлѣ съ Неграми; мы употребляемъ простоту ихъ и легковѣріе во зло, всегда стараемся только, какъ бы больше получить выгоды, и даже осмѣливаемся хвастать употребляемыми противъ ихъ обманами и успѣхами отъ оныхъ.

Такимъ образомъ мы ни одного товара не промѣниваемъ имъ въ природномъ ему состоянiи; въ напитки примѣшиваемъ большую часть воды, въ пороховые боченки вставливаемъ фальшивое дно, изъ средины кусковъ, шерстяныхъ и льняныхъ матерiй, вырѣзываемъ цѣлые аршины; однимъ словомъ, мы обманываемъ Африканцовъ въ числѣ, въ вѣсѣ, и въ качествахъ всего ими у насъ покупаемаго: и сiе искусное воровство возбуждаетъ въ бѣлыхъ другъ передъ другомъ соревнованiе; каждый день прибавляется нѣчто къ нашему вѣроломству, и къ испорченiю нравовъ нашихъ. Африканцы, съ своей стороны, принуждены перенимать наши пороки, дабы научиться отъ оныхъ предостерегаться; они дѣлаются ревнивы и мстительны. Естьли Европейцы подъ какимъ либо предлогомъ удержатъ Негровъ на корабляхъ своихъ, то Африканцы стараются имъ тѣмъ же отпла-

233

тить; но всегда надъ купцами одной гавани. Столько-то любовь ихъ къ правосудію можетъ еще дѣйствовать надъ ними, и обуздывать ихъ пламеннѣйшія страсти; они терпѣливо ожидаютъ пришествія того корабля, на которой они думаютъ, что имѣютъ право напасть: и такъ они отомщая намъ, даютъ поводъ опять имъ вредить. Такимъ образомъ торговля наша останавливается, по причинѣ ссоръ и ненависти; но вскорѣ необходимость заставляетъ заключить родъ мира, съ которымъ, однако же, сопутствуютъ всѣ знаки гнѣва, недовѣрчивости и обмана; ибо мы всегда остаемся вооруженными, а съ ихъ стороны купцы не покидаютъ никогда длинныхъ своихъ ножей, что служитъ явнымъ доказательствомъ взаимныхъ подозрѣній, коихъ миръ истребить не можетъ. *Развѣ ты меня почитаешь за бѣлаго?* Такъ они обыкновенно отвѣчаютъ тому, кто сомнѣ-

вается въ ихъ честности. Таково то есть свойство и слѣдствіе сего вывоза Арапов, и таково-то развратное училище, въ коемъ тысячи нашихъ матросовъ воспитываются. Послѣ сего, должно ли дивиться тому духу независимости, которой ихъ образуетъ, и не должны ли мы уничтожить такую торговлю, которая, подобно ядовитому корню, отравляетъ всѣ отрасли нашего мореплаванія.

Я сдѣлалъ всѣ сіи наблюденія въ бытность мою въ Шербро, и сей есть изъ Африканскихъ городовъ тотъ, въ которомъ находится наиболѣе справедливости и честности. Родъ жрецовъ, называемыхъ *Пурровъ*, имѣютъ власть исполнительную и законодательную, и подъ ихъ-то начальствомъ исполняется благочиніе со всевозможною точностію.

Рабское состояніе у сихъ народовъ гораздо сноснѣе, нежели въ нашихъ колоніяхъ.

234

Главный предметъ нашихъ купцовъ состоитъ въ томъ, чтобъ наполнить ихъ корабль: естьли грузъ состоитъ изо ста бочекъ, то они помѣщаютъ двести пятдесятъ невольниковъ. Конуры сихъ несчастныхъ не имѣютъ болѣе пяти футовъ вышины; но они раздѣлены досками на подобіе книжнаго поставца, между которыми ихъ столь тѣсно помѣщаютъ, что не возможно ни одного лишняго человѣка помѣстить. Я видѣлъ одного бѣлаго, коему поручено было употребить все свое искуство, дабы сколь можно тѣснѣе натаскать сихъ Негровъ; должно примѣтить, что сіи люди столь сжатыя имѣютъ, сверьхъ того, на ногахъ и на рукахъ желѣзы, и скованы по парно такъ, что не могутъ ни двигаться ни покуситься встать или лѣчь безъ того, чтобъ не ушибиться, или не зашибить своего цѣпнаго товарища; и во все сіе время, какъ они бываютъ скованы,

то качаніе корабля причиняетъ имъ нестерпимую боль и родъ безпрестанной пытки. Наконецъ вонь и жаръ сихъ конуръ, въ коихъ запираютъ въ дурную погоду невольниковъ, и раны отъ желѣзъ загнивающіяся и воспаляющіяся въ семъ испорченномъ воздухѣ, причиняютъ имъ мучительную смерть. Отперевъ поутру сіи адскія жилища, съ ужасомъ видятъ иногда въ нихъ примѣръ Мезанской казни, то есть, живова человѣка прикованнаго къ мертвому; часто мучитель и мучимый погибаютъ отъ всеобщей заразы, часто половина невольниковъ умираетъ во время путешествія. Корабль, на которомъ я занималъ вторрое мѣсто по начальникѣ, поплылъ отъ берега со сто осмнадцатью Неграми, изъ коихъ потѣряли мы шестдесятъ, не щитая тѣхъ, кои померли еще до нашего отъѣзда; однако же съ нами ничего чрезвычайнаго не случилось. И такъ можно положить

235

на количество умирающихъ четвертую долю, полагая кругомъ счастливыя и несчастливыя путешествія.

Поговоримъ теперь о тѣхъ, кои остаются въ живыхъ: рабство въ ихъ землѣ есть состояніе спокойствія и свободы, въ сравненіи съ положеніемъ ихъ на нашихъ кораблѣхъ; но можетъ быть захотѣли бы они провести остатокъ дней своихъ на сихъ корабляхъ, естьлибъ знали родъ рабства ихъ ожидающаго; можно о томъ судить по слѣдующему:

Одинъ Антигойскій заводчикъ говорилъ мнѣ однажды, что разочтя хорошенько барыши, найдено наконецъ, что гораздо выгоднѣе замучивать на работѣ невольниковъ въ три или въ четыре года, заставляя ихъ безъ пощады прудиться, нежели продолжать ихъ жизнь до старости, щадя ихъ и кормя здоровою и сытною пищею; и такъ, продолжалъ онъ, большая часть ращетливыхъ заводчиковъ приняли сію ме-

году, и я бы могъ вамъ назвать многія Антигойскія селенія, въ которыхъ весьма рѣдко можно найти, чтобъ невольникъ, самый здоровѣйшій, прожилъ болѣе девяти лѣтъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ ДѢЯНІЯ И СКАЗАНІЯ ДРЕВНЕЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что у Ефіоповъ, когда у Короля заболитъ какая либо часть тѣла, то всѣ его придворные повреждали и у себя ту же часть. Къ сему присовокупляетъ онъ еще и то, и притомъ увѣряетъ, что друзья Королевскіе при смерти его умерщвляли сами себя. Я удивляюсь, что Страбонъ упоминаетъ о семъ обычаѣ; хотя онъ о томъ говоритъ только

236

мимоходомъ. По видимому не осмѣливается онъ распространяться о семъ невѣроятномъ дѣяніи. Какое попѣченіе должны были имѣть Ефіопы о своемъ Королѣ и о его здоровьѣ! Какіе обѣты возсылали они къ Богу, чтобъ онъ продлилъ его вѣкъ, и чтобъ не выломилъ онъ себѣ руки или ноги! Но естьли придворные и друзья Царскіе себя умерщвляли, то всѣ его родственники, и всѣ дворяне, коихъ такъ же должно почитать къ нему приверженными, всѣ умирали: то кто же былъ преемникомъ Престола?

Титъ Ливій, говоря о многочисленной Арміи, съ которою Сципіонъ отправился въ Африку, присовокупляетъ: „Естьли Целій о томъ не говоритъ, то должно полагать, что число сей Арміи было чрезвычайно велико; ибо онъ повѣствуетъ, что отъ крика и шума сихъ войскъ упадали на землю птицы, поражен-

ныя онымъ какъ громомъ.„ Титъ Ливій, кажется, сомнѣвается въ семъ, и дѣйствительно не вѣроятно сіе, развѣ положить такъ, что всѣ сіи салдаты и птицы были заперты въ одной горницѣ. Сверьхъ того, кому не извѣстно, что чемъ болѣе крика и шума слышатъ птицы, по тѣмъ выше взвиваются онѣ въ верьхъ и улѣпаютъ далѣе.

Павзаній говоритъ, что по берегамъ рѣки Піерія находятся столь древнія и большія деревья, что можно давать въ оныхъ на сто и болѣе человѣкъ обѣды. Для чего бы ему не прибавить къ сему, что можно въ нихъ обучать конный полкъ и травить зайцовъ?

Тотъ же Павзаній говоритъ, что въ Индіи находятся нѣкоторыя народы, Моноскелами называемые, кои отмѣнно рѣзво бѣгаютъ, и толь-

237

ко по одной ногѣ имѣютъ. Подошва у нихъ столь широка, что для защищенія себя отъ чрезмѣрнаго зноя ложатся они на спину, и тѣнію ноги своей закрываются отъ Солнечнаго жару. Плиній называетъ ихъ Скіаподами. Какъ можно себѣ представить, чтобъ люди могли рѣзво бѣгать, имѣя только одну ногу, и подошву столь широкую, какъ Зондекъ? (Солнцещитъ.)

Плиній говоритъ, что въ округѣ Ріетской находятся столь жирныя поля, что трава закрываетъ шесты, поставленные тамъ наканунѣ. Я отдаю читателямъ судить, можно ли сему повѣрить.

Языческій законъ, подобно прочимъ, имѣлъ такъ же многихъ людей оному невѣрующихъ. Естьли въ древности были такіе люди, кои почитали оракулы, или прорицалища;

то многіе надъ оными смѣялися. Такъ, какъ на примѣръ; Александръ надъ узломъ Гордіевымъ, и нѣкоторой Египтянинъ, о коемъ я намѣренъ здѣсь говорить. Аѳиней выписалъ сію повѣсть изъ Иродота. Сей авторъ, говоритъ онъ, во второй книгѣ своей исторіи повѣствуетъ, что *Мицериній* Египтянинъ узналъ отъ угадчиковъ, что ему не долго жить. Онъ запасся великимъ количествомъ свѣтильниковъ, и началъ провождать дни и ночи въ безпрестанномъ питьѣ и яденіи. Онъ бѣгалъ по лѣсамъ и по полямъ, ища тѣхъ мѣстъ, куда молодые люди собиралися для увеселенія; и тамъ напивался до пьяна.

Иродотъ подаетъ намъ яснѣйшее понятіе о *Мицериніи*, и я здѣсь предложу собственныя его слова. По его сказанію, Мицериній былъ Король Египетскій. „По претерпѣніи имъ многихъ несчастій, услышалъ онъ отъ оракула, что ему

238

осталось только жить шесть лѣтъ, а на седмой годъ онъ умретъ.... Онъ велѣлъ наготовить множество факеловъ, кои всякую ночь по его приказанію зажигалися, дабы проводить время въ пьянствѣ и въ веселіи. Онъ безпрестанно днемъ и ночью бѣгалъ по лѣсамъ и по полямъ, гдѣ зналъ, что собираются для веселости молодые люди. Преобращая такимъ образомъ ночи въ дни, хотѣлъ онъ опровергнуть оракулъ, и прожить вмѣсто шести двенатцать лѣтъ.„

Нѣтъ ни одного ученаго человѣка, которой бы не вѣдалъ причины сна. Медики и Философы опытами доказали, что главныя причины сна суть усталость и пары, отъ пищи въ голову поднимающіеся; умонапряженіе, ученіе и печаль такъ же его производятъ. Но я не останавливаясь на другихъ причинахъ, упомяну только о пищѣ. Я говорю о пищѣ обыкновенной и умѣренной, дабы

лучше могли понять, что можетъ случиться съ человѣкомъ, безпрестанно въ крайности вдающимся. Сонъ необходимо нуженъ для жизни. Судьи не менѣе наказывали въ старину преступниковъ, не давая имъ спать, какъ и моря ихъ голодомъ. Говорятъ, что салдаты Персеевы, Царя Македонскаго, будучи раздражены противъ его, и не имѣя позволѣнія поступить съ нимъ худо, и обругать, вздумали мѣшать ему спать; и что сей Государь, отягченный сномъ, умеръ отъ сей новаго рода казни. Сверьхъ сего доказано, что не льзя жить безъ спанья. Однакожъ не смотря на то, Мицериній, на зло оракулу, лишилъ себя сна. Сему почти не льзя повѣрить, естьли бы то и о сумасшедшемъ какомъ разсказывали. Аѳиней примѣтилъ, что о Царѣ Египетскомъ такая повѣсть еще невѣроятнѣе покажется, и такъ онъ отнялъ у него сей титулъ, которой Иродотъ ему при-

239

писываетъ. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, чтобъ сіоль великой Государь проводилъ шесть лѣтъ единственно въ томъ, что пилъ и ѣлъ по днямъ и по ночамъ, бѣгалъ по шинкамъ, и повѣсничалъ съ молодыми вертопрахами? Симъ столь недостойнымъ Государя поведеніемъ, какъ не возмутилъ онъ противъ себя народъ?

Согласимся, что онъ не спалъ, хотя въ разсужденіи его распутства, сонъ былъ для него нужнѣе, нежели для другова. Начто же онъ велѣлъ наготовить такое множество факеловъ? Не на то ли, чтобъ сдѣлать изъ ночи день? Хорошо. Но развѣ во Дворцѣ его не было факеловъ? Развѣ не довольно было на всякой день заготовлять ихъ? По скольку ихъ вдругъ зажигали? Естьлибъ Иродотъ и Аѳиней сказали, что Мицериній забавлялся за обѣдомъ и за ужиномъ съ родственниками и друзьями своими, что онъ

страстно желалъ имѣть обхожденіе съ женщинами; то сіе было бы вѣроятнѣе. Но нѣтъ, сіи ушѣхи были надмѣру честны. Египетскій Царь бѣгалъ по мхамъ и по болотамъ за распутными юношами. Какое удовольствіе! Сколь способны были болота увеселять Государя! Кто когда слыхалъ, чтобъ Египтяне для пированія собиралися по лѣсамъ и по болотамъ, и чтобъ какой нибудь Царь столь жадно объѣдалъ своихъ подданныхъ? Развѣ не могъ онъ приказать готовить себѣ столы тамъ, гдѣ ему хотѣлось? Развѣ не доставало ему придворныхъ, кои бы почли за отмѣнную честь дѣлить его увеселенія? Весело ли было тѣмъ молодымъ людямъ, что онъ приходомъ своимъ тревожилъ ихъ, и разрушалъ ихъ празднованія, въ тѣхъ болотахъ, куда они, по видимому, уходили для того, чтобъ скрытнѣе вдаваться тамъ во всякія распутства? Сіе короткое знакомство Мице-

240

ринія съ его подданными, не хотятъ ли господа любители древности поставить намъ въ примѣръ тогдашней блаженной простоты нравовъ?

Павзаній говоритъ, что въ Греціи девять лѣтъ не было ни капли дождя, что всѣ рѣки отъ того совершенно высохли, выключая рѣку Хризорою. Безполезно, кажется, доказывать лживость такой басни; она очевидна.

Нѣкоторые народы, какъ на примѣръ Галлы, говоритъ Діодоръ, сражалися нагіе. „Въ числѣ ихъ находятся такіе, кои до такой степени презираютъ смерть, что идутъ нагіе сражаться съ непріятелями, и только опоясываются холстиною.„ Полибій сказываетъ то же о Галлахъ, кои обитали въ Алпійскихъ горахъ, и назывался *Генатами*. Они не носили платья, дабы ловчѣе имъ было сражаться, и чтобъ поскорѣе итти

не зацѣпляяся ни зачто. Однако же, мнѣ кажется, выгоднѣе изодрать платье, нежели ноги и тѣло.

Однажды, какъ Клеанѳъ велъ въ комедію молодыхъ людей, то поднялся столь сильной вѣтръ, что раздѣлъ его до рубашки, сорвавъ съ него все платье. Сей Философъ пришелъ въ театръ въ семъ положеніи, и Аѳиняне осыпали его рукоплесканіями. Сію повѣсть разсказываетъ Діогенъ Лаерцій. Прилично ли столь важному Философу бѣгать съ толпою молодыхъ людей по улицамъ, и показаться въ театрѣ нагишомъ? Аѳиняне надмѣру были разборчивы въ похвальныхъ дѣяніяхъ, чтобъ не похвалить Клеанѳа за сей поступокъ, сколько онъ того былъ достоинъ. И въ наши времена бываютъ сильные вѣтры; но съ какою бы силою вѣтръ не дулъ, однако все не можетъ раздѣть насъ до нага.

241

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

АТАЛИДА,

Восточная Повѣсть.

Солиманъ, при возшествіи своемъ на престолъ Турецкій, нашелъ въ Сералѣ безчисленныя сокровища, и великое множество Султаншъ. Предмѣстникъ его страстно любилъ женщинъ. Кто могъ представить ему рѣдкой красоты дѣвицу, тотъ твердо надѣялся на милость Государя, и на соразмѣрную подарку своему награду. Всѣмъ извѣстно, что Султаны Турецкіе полагаютъ часть своей пышности въ числѣ женщинъ, назначенныхъ къ ихъ утѣхамъ.

Одно изъ перьвыхъ попѣченій новаго Султана, которой былъ мо-

242

лодъ и пригожъ, состояло въ томъ, чтобъ собрать Серальскихъ женщинъ, въ надеждѣ найти въ такомъ множествѣ одну такую, которая была бы достойна его привязанности; однакожъ въ семъ онъ не имѣлъ успѣха. Ему представилось, что надмѣру великое число оныхъ было причиною сего; и такъ онъ велѣлъ ихъ приводить къ себѣ по одиначкѣ. Но еще въ большую впалъ отъ того нерѣшимость, когда почувствовалъ одно только хладное удивленіе къ ихъ прелестямъ, безъ малѣйшаго желанія. Досадуя на свое равнодушіе, жаловался онъ о томъ Визирю своему Амулаку: сколь я несчастливъ! сказалъ онъ ему; я видѣлъ всѣхъ Султаншъ вмѣстѣ, и видѣлъ каждую особливо, но ни одна не тронула моего сердца. Государь, отвѣчалъ ему Визирь, Ваше Величество да повелитъ всѣмъ Правителямъ и Пашамъ, чтобъ они по обыкновенію прислали въ Сераль

перьвыхъ красавицъ Имперіи Вашей; и естьли сіе вамъ угодно, то я извѣщу ихъ о вашей волѣ. Такія приказанія, отвѣчалъ Султанъ, могутъ возмутить спокойствіе моихъ подданныхъ. Мнѣ сказывали, что дочь твоя можетъ внушить истинную страсть, приведи ее ко мнѣ завтра; я знаю, что она тебѣ мила: и такъ счастіе твое и слава зависятъ отъ впечатлѣнія, которое прелести ея произведутъ надъ моимъ сердцемъ.

Удивленный Амулакъ не отвѣчалъ ни слова; онъ имѣлъ только двухъ дѣтей: сына, называемаго Ахметомъ, и дочь Аталиду, которую онъ любилъ столь нѣжно, что отъ страха, съ нею разстаться, былъ онъ пораженъ повелѣніемъ Султанскимъ, какъ громомъ. Пронзенный жестокою горестію, пришелъ онъ домой; сынъ встрѣчаетъ его у воротъ, и примѣтя его безпокойство, спросилъ о причинѣ онаго. Я пропалъ, Ахметъ, сказалъ ему Визирь, естьли твои

243

совѣты не извлекутъ меня изъ сего недоумѣнія, въ которое Солиманъ меня повергнулъ. Могу ли я надѣяться отвѣчалъ Ахметъ, чтобъ въ мои лѣта могъ я вамъ присовѣтовать что либо полезное въ такомъ дѣлѣ, гдѣ весь вашъ умъ и опытность не въ силахъ ничего вамъ внушить.

Нужды нѣтъ, отвѣчалъ Визирь, ты безпристрастенъ, а я отягченъ печалію. Султанъ, продолжалъ онъ, будучи нечувствителенъ ко всѣмъ Серальскимъ женщинамъ, требуетъ у меня твоей сестры. Не сіе ли только васъ тревожитъ? возразилъ Ахметъ. Ты разсуждаешь, прервалъ стремительно Амулакъ, подобно Султану; но я со всѣмъ иначе думаю: естьли Аталида не понравится Султану, то будетъ всегда несчастна. я люблю ее и тѣряю; ибо тебѣ извѣстно, что дѣвица вошедъ въ Сераль, никогда уже изъ него не выходитъ, хотябъ Султанъ ея любилъ

или не любилъ. Естьлибъ сестра твоя и понравилась ему севодни, то онъ имѣетъ столь мало склонности къ женщинамъ, что можетъ быть завтра же она ему наскучитъ, и я не увижу болѣе Аталиды, которая мнѣ стократно дороже моей жизни.

Государь, отвѣчалъ Ахметъ, Солиманъ молодъ; повѣсть, которую онъ слышалъ отъ васъ о прелестяхъ Аталиды, возбудила въ немъ любовь, которую онъ къ ней чувствуетъ, и то презрѣніе и холодность, кои оказываетъ онъ ко всѣмъ прочимъ женщинамъ. Но поелику разлука съ моею сестрою кажется вамъ столь тягостною; то не должно повиноваться. Я не хочу, отвѣчалъ Визирь, отказать Императору, но ищу только способа удержать мою дочь не раздража Государя.

Государь, сказалъ Ахметъ, Аталиду еще ни кто не знаетъ, она не выходила изъ дома, и не казалася инымъ глазамъ, кромѣ нашихъ. Сіе

244

счастливое обстоятельство будетъ споспѣшествовать выдуманной мною хитрости: надлежитъ сыскать невольницу красоты необычайной, и одѣвъ въ платье сестры моей, отвести ее во Дворецъ подъ покрываломъ, дабы ваши домашніе не могли ея видѣть.

Сія дѣвка, будучи обязана вамъ своимъ счастіемъ и честію, столь же твердо будетъ хранить тайну, какъ и вы. Вы постараетесь показать Султану, сколь трудно вамъ разставаться навсегда съ вашею дочерью, и будете его умолять, чтобъ онъ ее возвратилъ вамъ, естьли она ему не понравится. Чрезъ сіе избѣгнете вы отъ единаго, могущаго погубить васъ, неудобства; ибо она могла бы открыть вашу тайну, естьлибъ Солиманъ не оказывалъ ей всѣхъ лестныхъ сихъ уваженій; но естьли онъ согласится вамъ ее отдать, то вамъ ни чьей нескромности не чего будетъ опасаться.

Амулакъ, обрадованный симъ совѣтомъ, возложилъ на сына своего стараніе купить невольницу. Государь, отвѣчалъ Ахметъ, ваша довѣренность дѣлаетъ мнѣ честь; но я еще столько молодъ, что мнѣ не можно поручить покупку дорогихъ невольницъ; естьли же, сверьхъ того, я скажу о себѣ, то всѣмъ извѣстно, что въ мои лѣта не позволено еще имѣть женъ; и такъ лучше прикажите купцу привести къ вамъ самыхъ молодыхъ и пригожихъ невольницъ, которыхъ онъ имѣетъ. Бѣги сынъ мой, отвѣчалъ Визирь, бѣги къ нему, и скажи повелѣніе мое, я буду въ садовыхъ моихъ покояхъ, прикажи ихъ ввести въ заднія вороты, дабы ни кто не могъ ихъ примѣтить.

Ахметъ объявилъ желаніе Визиря славнѣйшему продавцу невольницъ; сей выслушавъ оное съ почтеніемъ, пришелъ съ четырью невольницами въ назначенное мѣсто.

Какъ скоро онѣ сняли покрывала, то Амулакъ былъ ослѣпленъ ихъ красотою; но одна изъ четырехъ, которая горько плакала, болѣе прочихъ ему понравилась. Онъ спросилъ о причинѣ ея слезъ. Государь, отвѣчалъ купецъ, сія дѣвушка, превосходящая красотою подругъ своихъ, огорчена теперешнимъ своимъ положеніемъ; но когда она разсудитъ здраво о чести, вами ей дѣлаемой, то печаль ея вскорѣ минется, и красота ея приметъ паки весь свой блескъ.

Между тѣмъ, какъ Визирь разговаривалъ съ купцомъ, Ахметъ, увидя прелести сей огорченной невольницы, былъ тронутъ ея слезами; кинутый же ею на него взглядъ довершилъ покорить его красотѣ ея. Разсуждая о томъ, что она назначена для Сераля, и что завтра же должна вступить въ оной, не надѣялся онъ въ толь короткое время отвратить Амулака отъ намѣренія,

которое онъ самъ внушилъ ему, ниже побудить его замѣстить сію невольницу другою; и когда бы его отецъ и дѣйствительно на оное согласился, то неизвѣстно было, уступитъ ли онъ ему сей милый предметъ его любви. Между тѣмъ торгъ кончился, и Визирь повелъ съ собою дѣвушку. Альмандина (такъ она называлася) уходя, бросила столь нѣжный и выразительный взглядъ на Ахмеда, что онъ бы отъ такой радости умеръ, естьлибъ былъ въ спокойнѣйшемъ состояніи. По сему взгляду заключилъ онъ, что любя страстно сію красавицу, былъ онъ и ею любимъ взаимно.

Слезы и стенаніе сей невольницы умножалися по мѣрѣ ея отдаленія. Ахметъ по несчастію слышалъ и малѣйшія ея вздохи, онъ предался жестокой горести, и проводилъ всю ночь въ саду. Наступившій день принудилъ его возвратиться въ комнату его родителя,

дабы еще разъ увидѣть сію любезную невольницу до отъѣзда ея въ Сераль; но Визирь, горя нетерпѣливостію увѣнчать хитрость свою успѣхомъ, уже отправился съ Альманзиною во Дворецъ. Сія поспѣшность показалася не вмѣстною влюбленному Ахмету, и онъ почелъ ея непростительною скоростію, будучи въ отчаяніи, что ни чего не удалось ему учинить, для удержанія сей невольницы, о которой онъ чрезмѣрно сокрушался. Однако же слабый лучь надежды блеснулъ внезапу въ душѣ его. Солиманъ, говорилъ онъ самъ себѣ, будетъ столько же равнодушенъ къ Альманзинѣ, какъ и къ прочимъ женщинамъ, онъ можетъ быть возвратитъ ее Визирю, и тогда мнѣ легко будетъ ее получить. Единая красота Альманзины его тревожила; но онъ вскорѣ вышелъ изъ своего пріятнаго заблужденія: ибо Амулакъ возвратился изъ Дворца одинъ. Сколько я тебѣ обязанъ, сынъ мой!

сказалъ Визирь, обнимая его; невольница понравилась, не взирая на слезы ея: влюбленный Султанъ отвелъ ее самъ въ великолѣпнѣйшую комнату Сераля. Ахметъ, услыша сію вѣсть, упалъ безъ чувствъ. Оставимъ его стараніямъ и попеченіямъ его домашнихъ, и посмотримъ, что происходило съ Альманзиною.

Какъ скоро Амулакъ отпустилъ купца, то отвелъ сію невольницу къ Аталидѣ. Вотъ, сказалъ онъ ей, дѣвица, которую я долженъ завтра представить Султану, дабы она тронула его сердце; укрась ея тѣмъ изъ своихъ нарядовъ, которой наиболѣе къ ней пристанетъ. Назавтрѣ Визирь взялъ Альманзину къ сторонѣ, и сказалъ ей: я купилъ тебя для сильнѣйшаго Монарха въ свѣтѣ; слезы твои и красота столько преклонили мое къ тебѣ благоволеніе, что я назвалъ тебя Султану моею дочерью, дабы онъ болѣе оказывалъ тебѣ уваженія. Онъ далъ мнѣ вѣр-

247

ное слово отпустить тебя ко мнѣ, естьли ты не будешь имѣть счастія ему понравиться, и естьли сіе случится, то я помѣщу тебя въ число моихъ дѣтей, и постараюсь участь твою учинить благополучною. Милости мои къ тебѣ будутъ стоить жизни тебѣ и мнѣ, естьли Султанъ узнаетъ о твоемъ истинномъ состояніи; но тебѣ легко притвориться моею дочерью, поелику ни кто ни когда ее не видалъ, и что я тебя подъ ея именемъ представляю. Сіи лестныя слова извлекли новыя слезы изъ глазъ Альманзины. Хотя она и почувствовала немалую печаль, когда думала, что Визирь покупаетъ ее для себя; но мысль, обитать въ единомъ домѣ съ Ахметомъ, утишала нѣсколько ея горесть: узнавъ же, что ея назначаютъ въ Сераль, лишилась она всей надежды видѣть когда либо сей милый предметъ ея горячности. Она послѣдовала за Амулакомъ, не

отвѣчая ни слова. СултанЪ же, не взирая на слезы, изобильно ею проливаемыя, столь былЪ пораженЪ блескомЪ ея прелестей, что благодарилЪ Визиря, и ввелЪ самЪ Альманзину вЪ Сераль, оказывая ей всѣ уваженія страстнаго любовника, и прося ея умѣрить свою печаль. АхЪ! Государь, отвѣчала она ему, слезы мои проистекаютЪ изЪ надмѣру справедливаго источника; чтобЪ могла я ихЪ такЪ скоро осушить! Какая же тому причина, спросилЪ СултанЪ? Я плачу, сказала она, о вашемЪ и моемЪ несчастіи. О моемЪ несчастіи? прервалЪ СултанЪ, я обладаю тобою, и ничего не опасаюсь. Не скрывай отЪ меня долѣе, прошу тебя, причину твоей горести, я пріемлю вЪ ней живѣйшее участіе; и всѣ силы мои употреблю, дабы разсѣять оную, и доставить тебѣ всѣ возможныя пріятности.

Государь, продолжала она, несчастіе ваше состоитЪ вЪ томЪ,

241

что вы думаете, что любовь зависитъ отъ вашего сана, что она необходимо должна слѣдовать вашимъ повелѣніямъ. Что до меня, то я почитаю сію страсть такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ. Никогда власть не способна была рѣшить въ свою пользу тѣхъ сладостныхъ преимуществъ, кои восхищаютъ душу. А ты, Государь, почитаешъ себя счастливымъ, когда какая женщина тебѣ понравится, будучи увѣренъ въ томъ, что никто не осмѣлится у тебя ее похитить; ты не заботишся о томъ, чтобъ самому тебѣ ей понравиться: и такъ не чувствуешь ты никогда сладости той взаимной нѣжности, которая составляетъ всю прелесть любви. Тебѣ клянутся, что ты любимъ; но какимъ образомъ можешь ты въ томъ удостовѣриться, когда единая твоя власть исторгаетъ получаемыя тобою благосклонности?

Ты съ лишкомъ много знаешъ,

отвѣчалъ Султанъ съ гнѣвомъ, для такой дѣвушки, которая не видала ни одного мущины, кромѣ своего отца; видно, что его безмѣрное къ тебѣ снисхожденіе подало случай научиться тебѣ тонкостямъ любви на щетъ его и моей чести.... Я не Визирская дочь, отвѣчала Альманзина, онъ вче а меня купилъ, и назвалъ своею дочерью только для того, чтобъ я болѣе подѣйствовала надъ твоимъ сердцемъ. Такъ ты не дочь Визиря! сказалъ разгнѣванный Султанъ, онъ заплатитъ мнѣ своею головою за сей обманъ. Что касается до тебя, то надѣйся всего отъ своей красоты, естьли ты чистосердечно мнѣ признаешся, какимъ образомъ въ твои лѣта можешь ты знать любовь столь совершенно, и для чего упрекаешь меня такими чувствіями, которыя хотя свойственны большой части Государей, но я ихъ отнюдъ въ душѣ моей не имѣю. Онъ посадилъ ее близъ себя,

и Альманзина начала слѣдующимъ образомъ:

Отецъ мой Гассанъ и мать моя Затима, чувствовали другъ къ другу живѣйшую горячность. Я есмь единый плодъ ихъ нѣжности, и была всегда свидѣтельницею ихъ взаимной страсти: она-то мнѣ показала, Государь, блаженство такой любви. Уссинъ надмѣру жестоко далъ мнѣ возчувствовать тѣ несчастія, въ кои онъ насъ низвергнулъ. Колико любовь страшна, когда желаютъ употребить власть для овладѣнія сердцемъ, другому отдавшимся! Гассанъ, Паша острова Хіо, увѣренный въ сердцѣ своей супруги, безъ всякаго опасенія вводилъ ея въ бѣседы къ своимъ друзьямъ, и находилъ въ томъ удовольствіе, чтобъ она вмѣстѣ съ ними обѣдала. По несчастію, Уссинъ находился въ семъ числѣ; онъ влюбился въ Затиму, и желая взаимно быть любимъ, не щадилъ ничего для преклоненія къ себѣ

моей матери, которая надѣясь, что суровость ея къ нему отвратитъ его, нѣсколько времени не объявляла Гассану о нахальствѣ Уссина; но наконецъ вышедъ изъ терпѣнія, принудила моего отца удалить сего безпокойнаго человѣка. Удаленіе сего раздраженнаго любовника удвоило его неудовольствіе и горесть; онъ отправился ко Двору блистательной Порты, гдѣ посредствомъ своихъ пронырствъ нашелъ средство очернить своего совмѣстника, и перепросить себѣ чинъ его. Гордясь толикими успѣхами, пріѣхалъ онъ къ своей должности, въ сопровожденіи нѣмыхъ, кои имѣли повелѣніе требовать головы злополучнаго Гассана, которой едва только успѣлъ спастися бѣгствомъ; мать же мою и меня продали съ публичнаго торгу: Уссинъ купилъ насъ. Запима еще болѣе ненависти чувствуя къ сему тирану, всегда продолжала противиться его усиліямъ, и Паша, дабы

наказать мать мою за ея къ нему ненависть, продалъ меня Константинопольскому купцу, куда я и пріѣхала тому два дни назадъ.

И такъ предупредя васъ о любви, я хотѣла вамъ открыть мои чувствія. Знай же, Государь, что я дочь Затимы, и не менѣе ея имѣю рѣшимости; и хотя я твоя невольница, но скорѣй умру, нежели покорюся тебѣ, ежели ты покусишся похитить силою то, чего ты долженъ ожидать отъ моего согласія. И такъ, Государь, естьли слабыя мои прелести привлекли твое ко мнѣ вниманіе; то старайся прежде мнѣ понравиться; но берегись повелѣвать.

Я никогда и не имѣлъ другова намѣренія, отвѣчалъ Солиманъ, и всегда осуждалъ дурачества Музульмановъ, что они запираютъ у себя такое множество женщинъ прежде, нежели удостовѣрятся въ ихъ къ себѣ склонности. Моя разборчивость

побудила меня предпочесть дочь Визирскую; ибо я надѣялся, что воспитаніе ея болѣе меня къ ней привяжетъ, и что сія дѣвица, изъ благодарности за сдѣланное мною ей предпочтеніе, мало по малу почувствуетъ ко мнѣ любовь. Но я о ней не жалѣю, находя въ тебѣ все то, что заставляло меня желать обладанія ею; однакожъ я накажу дерзость ея отца.

Государь, отвѣчала она, вы говорите, что желаете мнѣ понравиться, и для доказанія мнѣ своего снисхожденія, осуждаете на смерть такого человѣка, коего все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ доставилъ мнѣ счастіе быть у васъ. Поелику ты того желаешь, отвѣчалъ Султанъ, то жизнь его внѣ опасности; но можешь ли ты узнать его дочь? Могу, Государь, отвѣчала она; но естьли вы хотите учинить съ нею какой либо жестокой поступокъ, то я паки умоляю васъ,

чтобъ вы ея не обижали; она не вѣдаетъ преступленія своего отца, я въ томъ увѣрена. Сія любезная дѣвица проводила прошедшую ночь со мною. Не опасайся, чтобъ я велѣлъ лишить ея жизни, отвѣчалъ Султанъ, я желаю только посрамить отца въ его дочери.

Султанъ, прельщенный умомъ и пріятностями сей новой Султанши, съ трудомъ могъ ея оставить, и увѣрялъ ее о истинной своей къ ней любви. Сія красавица проводила ночь въ размышленіи о снисхожденіи къ ней Султана. Она желала бы заплатить ему взаимною горячностію; но страсть ея къ Ахмету, побудила ее вознамѣриться умертвить себя, какъ скоро потеряетъ она надежду быть когда либо супругою сего дражайшаго любовника.

Султанъ на другой день, рано поутру, послалъ повелѣніе къ Визирю, чтобъ онъ немедленно явился во Дворецъ. Амулакъ пошелъ со всею

оное, могутъ представить всѣ тревоги, съ нимъ сопряженныя. Ахметъ прижавшись къ дверямъ той комнаты, прилѣжно слушалъ ихъ разговоръ; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ Султанъ удовольствовался одними пустыми словами, таковая его воздержность казалась ему чудомъ.

По отшествіи Султана, Альманзина сказала своей невольницѣ, что она остается у нее въ услуженіи. Она вознамѣрилася продолжать притворяться, для того ли, чтобъ свободнѣе съ нимъ обходиться, или для избѣжанія смущенія, причиняемаго перьвымъ объясненіемъ. Дѣвушка всегда откладываетъ признаніе въ своей слабости, наипаче же когда она въ перьвый разъ возчувствуетъ власть любви. Ахметъ, восхищенный радостію, бросается къ ея ногамъ: сударыня, сказалъ онъ ей, вы меня узнали; я не смѣю ласкать себя, чтобъ мое присутствіе

252

было вамъ пріятно: жизнь моя въ вашихъ рукахъ; но я не могу болѣе быть несчастливъ, по тому, что кромѣ смерти, нѣтъ мнѣ инаго пути выйти изъ Сераля. Какою бы радостію наполнило меня требова ie ваше меня у Султана, естьлибъ я былъ увѣренъ, что не одно хладное сожалѣніе, но другая еще причина побуждала васъ къ облегченію моей участи.

Я надмѣру искренна, Ахметъ, отвѣчала ему Альманзина, чтобъ сказать тебѣ, что я почла тебя за твою сестру, хотя ты и великое имѣешъ съ нею сходство. Я думала прежде, что назначена для тебя, и что въ семъ намѣреніи Визирь меня покупалъ, не сомнѣваясь, чтобъ онъ не былъ доволенъ тѣми женами, коихъ онъ у себя имѣетъ.

Въ сихъ мысляхъ я разсматривала тебя со вниманіемъ; ты можетъ быть то и самъ примѣтилъ. Удивленія моего и горести не могу

я тебѣ описать, когда услышала я, что онъ оставляетъ меня себѣ, и когда повелъ онъ меня, не сказавъ тебѣ ни слова; на завтра горесть моя еще болѣе умножилась, какъ услышала я отъ него, что онъ назначаетъ меня Султану: я столь мало уважаю сію честь, что находила утѣшеніе въ той одной надеждѣ, что можетъ быть не понравлюсь Султану, которой обѣщалъ отослать меня назадъ, въ такомъ случаѣ, естьли онъ не тронется моими слабыми прелестями. Но случилось со всѣмъ тому противное: Султанъ увидя меня, рѣшился у себя оставить меня; и хотя я по сіе время имѣю причину ласкаться, что онъ ко мнѣ болѣе имѣть будетъ почтенія, нежели обыкновенно Султаны оказываютъ онаго къ своимъ невольницамъ; но легко можно предвидѣть, что сіе не можетъ продолжиться. Я приняла было намѣреніе, о которомъ я тебѣ въ надлежащее время открою; но

твое сюда прибытіе, волненіе, причиняемое мнѣ онымъ, и страсть, которую ты мнѣ изъявляешь, совершенно разрушаютъ мои предпріятія.

Вы говорите мнѣ, сударыня, о моихъ только чувствіяхъ, сказалъ ей Ахметъ; я былъ столько счастливъ, что нашелъ случай доказать вамъ оныя, не нанеся вамъ тѣмъ никакого оскорбленія и досады; но вы мнѣ не скажете, пріятны ли они вамъ? Отъ сего-то, однако же, зависитъ жизнь или смерть моя.

Опасность, которой ты подвергаешся, отвѣчала Альманзина, и которую ты пренебрегъ столь мужественно, то, что ты уже могъ угадать изъ моего къ тебѣ расположенія, и случившееся уже съ нами увѣряютъ меня, что ты довольно о томъ извѣстенъ.

Хотя бы я имѣлъ какую нибудь причину ласкать себя, отвѣчалъ Ахметъ; то осмѣлюсь ли я учинить то безъ вашего соизволѣнія, сударыня?

Развѣ не вѣдаете вы, что мы сомнѣваемся всегда въ своемъ благополучіи, хотя и надѣемся онаго? То, что я сдѣлалъ, есть болѣе дѣйствіе моего отчаянія, нежели мужество; невозможность, жить безъ васъ, заставила меня подвергнуться опасности, оказать вамъ столь убѣдительный опытъ моей любви, чтобъ вы не могли болѣе сомнѣваться въ моихъ чувствіяхъ: а безъ сего бы вы, можетъ быть, никогда о нихъ не узнали. Я желалъ при томъ, принудить васъ къ сожалѣнію о моей участи: ибо не льзя болѣе скрывать мнѣ, кто я такой.

Сіи два любовника проводили большую часть ночи въ разговариваніи о всемъ до любви ихъ касающемся. Ахметъ разсказалъ ей подробно все учиненное имъ для вшествія въ Сераль; она увѣдомила его какимъ способомъ обуздала она страсть Султанскую. Отъ живѣйшихъ выраженій своей страсти, пре-

254

ходили они къ печальнѣйшимъ размышленіямъ. Нѣжный Ахметъ не могъ защитить сердца своего отъ нѣкотораго смятенія: Султанъ былъ молодъ, пригожь; знаки любви, оказанные имъ Альманзинѣ воздержностію его и почтеніемъ, были вящшимъ доказательствомъ любви отъ столь могущаго Государя, нежели все то, что онъ учинилъ. Сверьхъ того надлежала, чтобъ сіе почтеніе кончилось наконецъ или трагически, или иначе, но еще для него бѣдственнѣе.

Альманзина, съ своей стороны, въ безмѣрномъ находилася волненіи; она весьма дорого платила за удовольствіе видѣть Ахмета, претерпѣвая страхъ, внушаемый ей присутствіемъ его.

Нѣсколько дней протекло такимъ образомъ; влюбленный Султанъ старался всячески угождать желаніямъ Альманзины, а она весь свой умъ употребляла на умягченіе

грубыхъ Серальскихъ обычаевъ. Въ одинъ день сей Государь вздумалъ повеселить ея рыбною ловлею, которую нарочно для нея велѣлъ онъ сдѣлать. Море омываетъ стѣны садовъ Серальскихъ, на сей стѣнѣ построена великолѣпная бесѣдка, которую Султаны построили, дабы въ ней наслаждаться пріятностями свѣжаго воздуха, и зрѣлищемъ моря; ибо Турки никакой склонности не имѣютъ къ прогуливанію, но только выходятъ на воздухъ, сидѣть на мягкихъ подушкахъ, или на весьма низкихъ софахъ.

Солиманъ повелъ Альманзину въ сію бесѣдку; онъ показывалъ ей море, покрытое рыбачьими лодками, изъ коихъ многія были прицѣплены за желѣзныя кольцы, утвержденныя въ стѣну, на коей воздвигнута была бесѣдка.

При перьвомъ знакѣ всѣ лодки отвязались, и пошли въ море за рыбною ловлею. Зрѣлище сіе было

весьма великолѣпно, какъ по красотѣ лодокъ и одѣянія рыбаковъ, такъ и по великому числу пойманной рыбы. Альманзина казалася быть довольною симъ увеселеніемъ: весьма похваляла прекрасное положеніе сего мѣста, и просила у Султана позволѣнія на завтрѣе побывать въ сей бесѣдкѣ; она просила его даже, чтобъ онъ благоволилъ дать ей отъ оной ключь, по тому, что видъ моря причиняетъ ей великое удовольствіе. Солиманъ на сіе согласился, и просилъ только ея не водить туда съ собою ни одной изъ Султаншъ, желая, чтобъ она одна имѣла право приходить туда для отдохновенія. Она безъ труда въ семъ ему обѣщалася: ибо не въ томъ состояло ея намѣреніе.

Альманзина возвратясь въ свою комнату, позвала своего любезнаго Ахмета, и сказала ему: я видѣла теперь рыбную ловлю, которая тѣмъ пріятнѣе мнѣ показалася, что подала

мнѣ мысль выпти съ тобою отсюда. Она сказала ему, что примѣтила нѣсколько лодокъ, кои подплывали къ самой стѣнѣ и подъ самыя окошки бесѣдки, что выпросила отъ оной ключь у Солимана, и что въ слѣдующую же ночь пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть прилѣжнѣе то мѣсто. Ахметъ не отвѣчалъ ничего на сіи слова: онъ почиталъ невозможнымъ выпти изъ Сераля; но не хотѣлъ противорѣчить Султаншѣ, и внутренно принялъ твердое намѣреніе умереть, когда нужда того потребуетъ; единственно безпокоился онъ объ ней: ибо безполезно было стараться истребить изъ головы ея сіи мысли, по тому, что надежда есть всегда великое удовольствіе, хотя бы она была и неосновательна.

Альманзина, однако же, была столько симъ занята, что завязала въ узелъ всѣ драгоцѣнные каменья, подаренные ей Султаномъ, и заперла ихъ въ небольшой ящичекъ, оставя

256

только одинъ великой цѣны брилiантъ, которой она завернула въ письмо. Ахметъ съ удивленiемъ на нее смотрѣлъ; веселость же, чувствуемая ею отъ сихъ приготовленiй къ побѣгу, которой онъ почиталъ невозможнымъ, и которой могъ только, по мнѣнiю его, ускорить ихъ погибелью, все сiе повергло его въ печальныя размышленiя. Султанша примѣтя оное, сдѣлала ему за то нѣжный выговоръ.

Какъ скоро наступила ночь, то наши любовники пошли вмѣстѣ въ бесѣдку. Альманзина, занятая своимъ предметомъ, наблюдала глубокое молчанiе, облокотясь на балконъ, которой былъ къ морю. Шумъ, причиненный ими при вшествiи въ бесѣдку, былъ услышанъ однимъ рыбакомъ, которой находился въ своей лодкѣ подъ бесѣдкою, и сказалъ своему сыну: поплывемъ поскорѣе, Султанъ видно скоро сюда приметъ, по тому, что двери въ бесѣдкѣ от-

перли: поелику онъ никогда обѣту пору сюда не приходитъ; то видно имѣетъ какое нибудь важное дѣло, и прогнѣвается, естьли увидитъ насъ здѣсь; а неводъ мы можемъ починить на разсвѣтѣ.

Султанша разсудила, что поелику она ихъ слышала, то и они могли ея слышать; окончайте свою работу, сказала она имъ, и примите только свертокъ, которой я вамъ бросила, ето только задатокъ моей щедрости. Естьли же вы будете столько имѣть мужества, что исполните мое предложеніе, то я сдѣлаю ваше счастіе.

Рыбакъ поднялъ свертокъ, въ которомъ находилось письмо и бриліантъ, и прочиталъ безъ труда при Лунномъ свѣтѣ то, что Альманзина къ нему писала, потомъ подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ такъ: естьли вы желаете, сударыня, завтра сюда притти обѣту пору, то я припасу веревокъ и шестовъ, ко-

торыя бы могли къ вамъ достать; а прочее великій нашъ пророкъ исполнитъ.

Альманзина, обрадованная симъ отвѣтомъ, возвратилася съ Ахметомъ во Дворецъ, и вошедъ въ свою комнату, сказала: и такъ любезный Ахметъ, завтра освободимся мы изъ неволи. Онъ отвѣчалъ ей съ такою же холодностію: я того болѣе желаю, нежели надѣюсь; но естьли бы мы и были столько счастливы, чтобъ могли выйти изъ Сераля симъ способомъ, то мы въ вящшее несчастіе низвергнемся: ибо Султанъ пошлетъ за нами погоню, и мы вѣрно отъ него не избѣгнемъ.

Что до того за дѣло, отвѣчала она, мы не имѣемъ ни времени ни случаю принять лучшихъ мѣръ; но можетъ быть небо будетъ къ намъ благосклоннѣе, нежели ты думаешь. Они проводили остатокъ ночи въ приготовленіяхъ всего нужнаго къ побѣгу; все сіе было сопро-

вождаемо множествомъ нѣжныхъ увѣреній и всею твердостію духа, которую подаетъ намъ необходимость побѣдить или умереть.

Султанъ на завтра пришелъ взять Альманзину опять смотрѣть рыбную ловлю; сія была иначе расположена, и не уступала перьвой въ великолѣпіи. Послѣ сего увеселенія, Солиманъ пошелъ въ свои покои, чувствуя болѣе любви, нежели прежде; онъ разговаривалъ долѣе о любви своей, Альманзина съ пріятностію его слушала, и даже показала необыкновенную веселость и дала ему разумѣть, что стараніе его, доставлять ей удовольствія, ей пріятно, и что она довольна его къ ней чувствіями.

Наконецъ ночь наступила, Султанша вышла съ Ахметомъ въ бесѣдку; но ранѣе ли она вчерашняго туда пришла, или отъ того, что рыбакъ еще находился въ нерѣшимости, не нашла она въ назначен-

номъ мѣстѣ лодки. Судите о ихъ смятеніи!

Ахметъ почелъ бы себя весьма счастливымъ, естьли бы могъ заплатить за сіе жизнію своею; но страхъ чтобъ рыбакъ не измѣнилъ Альманзинѣ, и чтобъ любовь къ ней Султанская не превратилася въ бѣшенство, столь сильно стеснялъ его сердце, что онъ не могъ промолвить ни слова.

Онъ находился въ семъ состояніи, какъ Альманзина, болѣе его надеждѣ предающаяся, сказала, что видитъ нѣчто въ дали, и что ето безъ сомнѣнія ихъ рыбакъ. Ахметъ даже и не смотрѣлъ на море: столько то почиталъ онъ погибель свою неизбѣжною! Однакожъ подошелъ къ окну, и такъ же, какъ и она, заключилъ, что то приплывала лодка; и дѣйствительно то былъ рыбакъ, которой приплывалъ, дабы сдержать данное слово. Онъ причалилъ лодку къ бесѣдкѣ, и бросилъ къ нимъ на

верьхъ веревку, такъ какъ наканунѣ сказалъ. Альманзина спустилася первая съ ящикомъ, которой взяла она съ собою, а за нею сошелъ и Ахметъ. Удалясь нѣсколько отъ Сераля, скинули они свое платье, и надѣли другое, которое рыбакъ имъ привезъ, а свое бросили въ море, опасаяся, чтобъ рыбакъ не покусился что либо продать изъ платья Альманзины, которое было весьма богато, и тѣмъ бы не открылъ ихъ сыщикамъ, которые, они думали, что безъ сомнѣнія за ними пошлются.

Окончаніе будетъ въ слѣдующей части.

159

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ, *ОСТРЫЯ СЛОВА И ШУТКИ.*

Одинъ Гасконецъ, человѣкъ дородной и здоровой, просилъ Министра опредѣлить его къ мѣсту, представляя ему, что онъ съ великимъ трудомъ находитъ себѣ нужное пропитаніе. Какъ, сказалъ Министръ, не стыдно ли вамъ такъ говорить, имѣя столь полное и румяное лицо? Ехъ, Милостивый Государь, сказалъ Гасконецъ, не попрекайте меня моею дородностію, она заемная: ибо я за шесть мѣсяцовъ долженъ трактирщику.

Одинъ ученой Генеалогистъ (родословъ) говорилъ Регенту Франціи, думая тѣмъ ему угодить: одни только вы, Милостивѣйшій Государь, знаете совершенно родословія знатнѣйшихъ Европейскихъ домовъ. Слѣдовательно, отвѣчалъ Принцъ,

никто уже теперь ихъ не знаетъ по тому, что я ихъ забылъ.

Нѣкоторая Госпожа сдѣлала однажды сей вопросъ Ж. Ж. Руссу: что содержатъ въ себѣ ваши столь славныя записки? — Я въ нихъ, сударыня, сказалъ о себѣ все то худое, которое никто обо мнѣ не знаетъ, и все доброе, что знаю о другихъ. — И такъ по етому, отвѣчала Госпожа, книга ета будетъ очень коротка.

Публика слышала съ давняго времени похвалу Кребильоновой трагедіи Катилинѣ, но не видала еще ее, хотя безпрестанно обѣщавали ей оную; наконецъ нѣкто въ собраніи весьма къ стати вскричалъ съ Цицерономъ: *доколѣ будешь Катилина употреблять во зло терпѣніе наше?*

Господинъ Волтеръ говорилъ съ восхищеніемъ о твореніяхъ славнаго

260

Галлера, Одинъ льстецъ, будучи при томъ, сказалъ: ахъ! Государь мой: Галлеръ совсемъ не такъ разсуждаетъ о вашихъ сочиненіяхъ, и онъ худо вамъ платитъ за ваше великодушіе. Можетъ быть, отвѣчалъ Волтеръ, мы оба обманываемся.

Аббатъ де Л.... жилъ на квартирѣ у кузнеца. Нѣкто желая знать, гдѣ онъ живетъ, спросилъ о томъ у Пирона. Въ такой-то улицѣ, отвѣчалъ Пиронъ, у своего сапожника.

Одинъ молодой человѣкъ читалъ Пирону трагедію своего сочиненія, въ которой было множество чужихъ стиховъ. Прослушавъ нѣсколько Пиронъ, снялъ колпакъ, и повторялъ сіе всякую минуту. Сочинитель трагедіи удивясь сему, спросилъ о причинѣ. Причина етому та, отвѣчалъ Пиронъ, что я привыкъ кланяться моимъ знакомымъ.

Пиронъ находясь однажды за столомъ съ двумя весьма недалекаго ума дородными откупщиками, услышалъ, что они спорятъ между собою, какъ правильнѣе сказать, подай намъ пить, или принеси намъ пить; и какъ они выбрали его судьею своего спора, то онъ имъ сказалъ: такимъ особамъ, какъ вы, приличнѣе сказать, поведите насъ на водопой.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

О ЗЕМЛЯНЫХЪ РАКАХЪ.

Пища, производимая природою изобильно въ Антильскихъ островахъ, и служащая великимъ лакомствомъ, какъ для природныхъ жителей и Негровъ, такъ и для Европейцовъ,

суть земляные раки, коихъ раздѣляютъ на два рода: большіе, мало отличающіеся отъ морскихъ, и малые, называемые вообще *Турлуру*. Сей второй родъ столь малъ дѣйствительно, что самые большіе *Турлуру* не имѣютъ болѣе двухъ дюймовъ съ половиною, или трехъ длины. Кожа или черепъ ихъ хотя тонокъ, но довольно крѣпокъ и краснаго цвѣта, средина спины темнокрасная, сей цвѣтъ идетъ къ животу отъ часу бледнѣе, и становится блѣднорозовымъ. Глаза ихъ черны и тверды, какъ рогъ; они ихъ выпускаютъ и спрятываютъ, какъ настоящіе раки. *Турлуру* имѣютъ по четыре ноги на каждой сторонѣ, каждая нога состоитъ изъ четырехъ колецъ, изъ коихъ послѣдняя плоска и кончится остріемъ: на сихъ то осьми ногахъ они ходятъ, и роютъ землю. Сверьхъ того имѣютъ еще двѣ клещни, кои гораздо толще ногъ, и которыми они весьма

сильно сжимаютъ, и вырѣзываютъ коренья и листья, коими сіи насѣкомыя питаются; лѣвая клещня у нихъ всегда меньше правой. Естьли возмешь ихъ за ногу, или за клещню; то они оторвавъ сію часть, оставляютъ въ рукѣ, и сами убѣгаютъ.

Сіе достовѣрно, что земляные раки, и *Турлуру*, подобно змѣямъ, ящерицамъ и инымъ пресмыкающимся, спускаютъ съ себя ежегодно кожу, сошедъ съ земли въ море, гдѣ полощутся они. Земляные раки и *Турлуру* такъ же въ морѣ кладутъ свои яица. Сіе зрѣлище весьма любопытно: они ползутъ въ море въ Апрѣлѣ или въ Маіѣ, когда перьвые дожди начнутся, тогда выходятъ они изъ дупловъ, изъ гнилыхъ ветвей, изъ подъ камней и изъ безчисленнаго множества норъ, кои сами они выкапываютъ въ землѣ. Вскорѣ цѣлыя поля ими покрываются, такъ, что не льзя ступить шага не на-

ступивъ на оныхъ. Большая оныхъ часть располагается въ доль по берегу рѣкъ или болотъ, дабы можно было удалиться имъ въ сырое мѣсто прежде, нежели въ дождѣ имъ сдѣлается недостатокъ, и дабы укрыться отъ жаровъ. Сіе шествіе производится съ такимъ порядкомъ, что кажется предводительствуетъ или искусный полководецъ. Они обыкновенно раздѣляются на три части, перьвая состоитъ изъ самцовъ, кои больше и сильнѣе самокъ, и служатъ передовымъ войскомъ сей арміи; часто останавливаются, когда дождь перестанетъ итти, по чему и принуждены бываютъ дожидаться, пока опять дождь пойдетъ. Между тѣмъ середняя армія, составленная почти вся изъ самокъ, дожидается въ горахъ большихъ дождей, и тогда пускается въ походъ, и маширует, занимая иногда полтары мили въ длину, и шаговъ на сорокъ или пятдесятъ въ ширину,

и столь тѣсно идутъ, что земли не видно. Чрезъ три или четыре дни послѣ того, слѣдуетъ аріергардія, составленная изъ самцовъ и изъ самокъ, въ томъ же порядкѣ, и въ такомъ же великомъ числѣ, какъ и другіе. Но кромѣ сихъ правильныхъ баталіоновъ, кои слѣдуютъ теченію рѣкъ и каналовъ, всѣ лѣса наполнены еще; но не въ такомъ большемъ количествѣ, какъ на полѣ. Они весьма тихо ползутъ во весь день и во всю ночь, естьли идетъ дождь: ибо рѣдко появляются на Солнцѣ. Когда же попадется имъ на дорогѣ полянка, и почувствуютъ они Солнечный жаръ; то остановясь въ опушкѣ, ожидаютъ ночи, чтобъ пройти сію полянку. Естьли человѣкъ подойдетъ къ нимъ; то они испугавшись его, въ безпорядкѣ ползутъ назадъ, пятясь задомъ, держа клещни всегда въ передъ, коими они столь сильно сжимаютъ, что иногда вырываютъ клочки мяса у тѣхъ,

кои ихъ ловятъ, и заставляютъ нелѣпымъ голосомъ кричать. Такъ же часто стучатъ ихъ одну объ другую, какъ будто угрожая, и поднимаютъ столь великой шумъ и громъ своими черепьями, что .кажется будто идетъ цѣлый конный полкъ. Естьли дождь, во время шествія ихъ къ морю, совершенно перестанетъ; то они всѣ остановясь, избираютъ каждый себѣ квартеру гдѣ можетъ, одни подъ кореньями, а другіе въ дупляхъ; тѣ же, которымъ не удалось найти ни какова жилища, трудятся сами надъ сдѣланіемъ онаго: и такъ раскапываютъ землю, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила самая многочисленная ихъ толпа, бываютъ ямы по колено глубиною. Однако же жители, желающіе только того, чтобъ они на дорогѣ остановились, лакомятся на ихъ щотъ. Едва находится одна яма ими выкопанная, или нора, въ которой бы не убивали въ день по сту раковъ;

ибо тогда ихъ самихъ не ѣдятъ, а бросаютъ, довольствуясь одною ихъ икрою, которая мѣльче маковыхъ зеренъ, и находится у нихъ съ каждой стороны брюха на дюймъ. Сія икра весьма вкусна и питательна. Бываютъ такіе годы, въ которые, за неимѣніемъ дождя, они мѣсяца три продолжаютъ свое шествіе; но семи или осьми дождевыхъ дней довольно имъ для метанія своей икры, и спущенія кожи.

О СЕЛЬДЯХЪ.

Сельди плаваютъ большими стадами, и любятъ учащать берега морскіе. Ихъ находятъ иногда столь великое количество, что препятствуютъ кораблямъ плыть. Большая самая полоса сельдей выходитъ изъ Сѣвера въ началѣ года. Правое ея крыло отдѣляется къ Западу, и около Марта мѣсяца приплываетъ къ берегамъ Исландіи; лѣвое же крыло

264

простирается къ Востоку. По учиненіи множества раздѣленій, и удовлетворивъ нуждамъ приморскихъ жителей, всѣ сіи стада знаютъ въ какомъ мѣстѣ имъ соединяться, дабы составить двѣ отмѣнной широты колонны, и возвратиться въ свое отечество. Одна приходитъ туда съ Востока, а другая съ Запада.

Время, въ которое сельди отъ насъ отплываютъ, такъ же назначено. Они оставляютъ берега наши въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ; *маршрутъ* назначенъ и они идутъ въ походъ въ удивительномъ порядкѣ. Всѣ сіи рыбы отправляются вмѣстѣ, ни одной не позволено отдалиться. Они продолжаютъ свое шествіе отъ берега до берега, до назначеннаго мѣста. Сельди весьма многочисленны, и путешествіе ихъ продолжительно; но какъ скоро пройдутъ, то до будущаго года не видно ни одного.

Удивленія достойно въ шествіи сихъ животныхъ, вниманіе, съ каковымъ они примѣчаютъ движенія своихъ путеводителей. Когда сельди выходятъ изъ Сѣвера, то колонна ихъ плыветъ длиннѣе; но вошедъ въ пространное море, разширяются они такъ, что занимаютъ болѣе мѣста, нежели вся Великобританія съ Ирландіею. Естьли же должно имъ проходить чрезъ узкой проходъ, то колонна немедленно вытягивается, не препятствуя нимало скорости шествія. Здѣсь-то въ особливости сигналы и движенія представляютъ достойное удивленія зрѣлище. Ни одна армія, сколь бы она хорошо обучена нибыла, не можетъ съ такою расторопностію и точностію исполнять оныхъ.

265

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Повѣсить кольцо на сожженной ниткѣ.

Распусти въ небольшемъ количествѣ воды поваренной соли, и положи въ сію воду на сутки средней толщины нитку; потомъ высуши ее и храни. Когда же пожелаешь учинить сей опытъ; то взявъ сію нитку, продень ее въ кольцо, которое было бы весьма легко: держи такимъ образомъ кольцо, повѣшенное на ниткѣ, которая тогда должна быть сложена въ двое, и зажги ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ виситъ кольцо, сія нитка згоритъ, и останется одинъ только ея пепѣлъ, на которомъ кольцо будетъ висѣть, и никакъ не оторвется, естьли не будешь его трясти; но какъ скоро коснешся до нитки, то она превратится въ прахъ, и кольцо упадетъ.

2.

Сдѣлать, чтобъ человѣкъ не могъ переставить стакана, наполненнаго водою, съ мѣста на мѣсто, не проливъ всей воды.

Побѣйся съ кѣмъ нибудь объ закладъ, что наполнивъ стаканъ водою, и поставя его на столъ, не переставитъ онъ его на другое мѣсто, не проливъ всей воды изъ онаго. Тогда наполни стаканъ водою, и наложи на него сверьху лоскутокъ бумаги, которая бы покрывала воду и края стакана, положи руку на сію бумагу, а другой рукой взявъ стаканъ, опрокинь его поскорѣе какъ можно, и поставь легонько на столъ, избравъ для сего ровнѣе мѣсто, потомъ вытащи изъ подъ стакана потихоньку бумагу; вода, содержащаяся въ стаканѣ, не вытечетъ изъ онаго, по той причинѣ, что воздухъ не можетъ туда проникнуть. И такъ тотъ, съ кѣмъ вы бились объ закладъ, не въ состо-

яній будетъ снять стакана съ мѣста безъ того, чтобъ не попалъ въ него воздухъ, и чтобъ вся вода не вылилась.

3.

Сдѣлать, чтобъ по бумагѣ выступили какія нибудь слова, когда посыплешь на нея извѣстнаго порошку.

Можно написать на бѣлой бумагѣ какія хочешь слова, употребляя вмѣсто чернилъ безъ цвѣтные и клѣйкіе соки изъ плодовъ и растѣній, или пивомъ, уриною, молокомъ и всякими иными безцвѣтными жирными жидкостями; когда сіи слова высохнутъ, то посыпь на бумагу какого нибудь цвѣтнаго порошку, и потряхивая оной, чтобъ по всей бумагѣ разсѣялся, потомъ ссыпь порошокъ долой, и увидишь, что написанныя слова окрасились онымъ, а прочая часть бумаги останется бѣлою, по тому, что клѣй пристанетъ только къ словамъ написаннымъ жирнымъ и клѣйкимъ веществомъ.

4.

Какъ сдѣлать золотыя Симпатическія чернилы.

Распусти въ Царской водкѣ столько золота, сколько можно, смотря по количеству водки; и поелику сія распущенная жидкость будетъ весьма ѣдка, то подбавь къ ней въ двое или въ трое простой воды.

Сею жидкостію можно писать на бумагѣ такія слова, которыя высохнувъ изчезнутъ, естьли положишь бумагу въ такое мѣсто, куда воздухъ мало проходитъ, какъ то, въ ящикъ и тому подобное; и сіи самыя слова чрезъ часъ или два опять покажутся, естьли положишь бумагу на Солнце.

Естьли распустишь особливо чистаго олова въ Царской водкѣ, и когда сія ѣдкая жидкость напитается довольно симъ металлическимъ веществомъ; то прибавя къ тому столько же воды, получишъ жид-

267

кость, посредствомъ которой можно придать довольно густой фіолетовый цвѣтъ письменамъ, начертаннымъ вышепомянутыми золотыми Симпатическими чернилами; надлежитъ только обмакнуть въ нихъ кисточку, или мягкую небольшую губку, и оною дернуть легонько по бумагѣ.

Сіи же самыя оловянныя чернилы можно употребить на начертаніе на бумагѣ письменъ, кои такъ же покажутся, какъ и золотыми чернилами написанныя, естьли ихъ положишъ на Солнце, или подержишъ предъ огнемъ.

Увеселеніе,
посредствомъ сихъ чернилъ дѣлаемое.

Нарѣжь изъ бумаги небольшихъ четвероугольниковъ, на каждомъ изъ коихъ напиши въ верьху обыкновенными чернилами какой нибудь вопросъ гадательной, а въ низу Симпатическими золотыми или оловянными чернилами напиши сообразныя отвѣты.

Положи всѣ сіи бумажки въ записную книжку, или въ какую нибудь книгу, до пѣхъ поръ, пока онѣ тебѣ понадобятся, тогда поднеся ихъ къ кому нибудь, скажи ему, чтобъ онъ выбралъ какой хочетъ вопросъ. Потомъ давъ ему посмотрѣть, что на бумагѣ ничего, кромѣ помянутаго вопроса, нѣтъ, прикажи взятую имъ бумажку спрятать въ карманъ, и взять съ собою домой, положить на печь, или въ другое какое мѣсто, только чтобъ она не была заперта, дабы, примолвь, ночью я пришелъ невидимкою, и написалъ отвѣтъ подъ симъ вопросомъ; сей отвѣтъ и дѣйствительно на другой же день появится, естьли бумажка лежала въ сухомъ мѣстѣ.

Примѣчаніе.

Поелику сіи чернилы оставляютъ по себѣ нѣсколько желтоватые слѣды; то не должно употреблять на сіе увеселеніе весьма бѣлую бумагу, но выбирать ту, которая по желтѣе, какъ на примѣръ обыкновенная простая бумага.

268

5.

Какъ дѣлать бѣгающія по землѣ ракеты.

Бѣгающія по землѣ ракеты не имѣютъ нужды въ столь сильномъ составѣ, какъ бросаемыя въ верьхъ; сіе-то и есть причиною, что онѣ долѣе горятъ, и не столь сильное и скорое имѣютъ движеніе. И такъ въ составѣ оныхъ надлежитъ сдѣлать нѣкоторую перемѣну, равно, какъ и въ формѣ ихъ; такимъ образомъ, что естьли калиберъ въ полдюйма, то длина должна быть въ пять дюймовъ, палка, на которую навиваютъ бумажную трубку, должна имѣть четыре линѣи въ діаметрѣ, а палочка, служащая для набиванія, чтобъ была по тонѣ, дабы могла входить и выходить въ трубкахъ свободно.

Что касается до состава, то его можно сдѣлать изъ простаго пушечнаго пороху, истолченнаго и про-

сѣяннаго такъ, чтобъ онъ былъ мѣлокъ, какъ мука. Наполняй имъ по немногу трубку, какъ то прежде сказано; когда же оная на одинъ только дюймъ не наполнится до края формы; то отдѣли третью часть отъ склѣенной бумаги, и заворотя ее внутрь трубки, прибѣй плотнѣе къ составу, стуча по палкѣ молоткомъ. Потомъ сдѣлавъ въ срединѣ небольшую скважину до состава, такъ, какъ о перьвыхъ ракетахъ сказано, положи съ верьху пистолетной зарядъ полированнаго пороха. Потомъ отдѣливъ еще листокъ отъ бумаги, заворотя его внутрь, и перевяжи трубку въ семъ мѣстѣ крѣпкою ниткою, или снуркомъ.

КОНЕЦЪ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Стран.

Продолженіе повѣствованія о произхожденіи художествъ - - - - - - 3
О затмѣніяхъ - - - - - - 17
Продолженіе о дѣланіи Солнечныхъ часовъ 34
О годѣ - - - - - - - 45
Нѣчто о душѣ - - - - - - 53

Статья Економическая.

Лѣкарства отъ разныхъ лихорадокъ и горячекъ - - - - - - - 57
Окончаніе о составленіи разныхъ лаковъ - 80
Легкій способъ выводить цыплятъ безъ насѣдки - - - - - - 92
Какъ излѣчать курѣ отъ шолудей - 93
Отъ перелома ноги - - - - - 94
Какъ бѣлить холстину по Бретанскому манеру - - - - - - - 95
Какъ красить солому въ разныя краски - 96
Какъ готовить разныя кушанья - - 106

Статья Нравоучительная.

О добромъ и худомъ воспитаніи дѣвицъ 117
Разсужденіе о нѣкоторыхъ Дворянахъ, проматывающихъ безъ причины свое имѣніе 125
Первое видѣніе Мирзы о краткости жизни человѣческой - - - - - 132
Избранныя мысли славнѣйшихъ писателей о разныхъ предметахъ - - - 143

270

Переводъ изъ Зрителя - - - 150
Письма къ Зрителю - - - - - 162

Статья Историческая.

Продолженіе достопамятныхъ дѣяній и сказаній знаменитыхъ людей новѣйшей исторіи - - - - - - - 169
Окончаніе повѣствованія о вывозѣ Араповъ 199
Продолженіе критическихъ примѣчаній на нѣкоторыя неимовѣрныя дѣянія и сказанія древней исторіи - - - - - 217

Статья Увеселительная.

Аталида, Восточная Повѣсть - - 229
Разные Анекдоты и острыя шутки - 272
Продолженіе любопытныхъ Физическихъ примѣчаній на нравы животныхъ - - 275
Разныя увеселенія - - - - 284

Куликовъ.

IV